

Евгений Аврутин

Велижское дело Кровавый навет в российском городке

(отрывки)

Введение

Поначалу в этом убийстве не усмотрели ничего такого уж странного. Поверье, что евреи убивают христианских детей, чтобы смешать их кровь с мацой для пасхальной трапезы, циркулировало в устной и письменной традиции еще со времен Средневековья. В общих чертах дело это напоминало десятки схожих расследований по всему миру. Из судебных протоколов явствует, что 22 апреля 1823 года в городке Велиже двое маленьких детей решили после обеда поиграть на улице. Трехлетний Федор, с короткими светлыми волосами, серыми глазами и средних размеров носом, и его двоюродная сестра Авдотья, четырех лет, вышли из дома и двинулись по пыльной дорожке в восточном направлении. Дети дошли до ручья Коневец, Авдотья предложила Федору перейти через мостик и погулять по лесу. Федор отказался и остался стоять один, разглядывая новый дом, который строился на берегу.

На прогулку дети отправились в пасхальное воскресенье. Мать Авдотьи, Харитина Прокофьева, вместо того чтобы присматривать за ними, отправилась просить милостыню. Харитина жила на самой окраине Велижа вместе с сестрой, Агафьей Прокофьевой, и ее мужем Емельяном Ивановым. Набрав денег, Харитина несколько часов болтала с соседкой, пока за ней не пришла Авдотья. Харитина удивилась, увидев, что девочка одна. «Где Федя?» — тут же осведомилась она. Авдотья ответила, что оставила братика на мосту и больше его не видела. Харитина, не теряя ни минуты, отправилась вместе с дочерью на поиски Федора, но все их усилия оказались безуспешными. Несколько дней спустя один из горожан обнаружил мертвого мальчика в лесной чаще на окраине города; на его теле было множество ножевых ран.

I Прогулка Федора

Как и большинство православных жителей Велижа, Емельян Иванов находился от заката Великой субботы до предрассветных часов Светлого воскресенья в церкви, празднуя Воскресение Христово. Домой он после пасхального бдения пришел усталый и голодный и сел скромно разговестись вместе с женой Агафьей Прокофьевой. После трапезы супруги прилегли вздремнуть: Емельян — на кровати, а Агафья на печи. Но тут в горницу вбежал их сын Федор и попросил у мамы крашеное пасхальное яичко. Агафья хотела, чтобы сын его съел, но Федор ответил, что не голоден. Он катал яйцо по полу, пока скорлупа не раскололась на мелкие кусочки, а потом отправился во двор играть с двоюродной сестрой. Федор, одетый в черный полосатый кафтанчик и черные кожаные башмачки, с вылинявшим голубым платком на шее, вышел на улицу около одиннадцати часов утра — все остальные православные жители в это время были дома и отдыхали после бессонной ночи¹.

Емельян, официально являвшийся казенным крестьянином, был в свое время на двадцать пять лет взят в солдаты. Восемнадцать лет он служил мушкетером, объездил дальние уголки империи. Получил ранение, какое именно — неизвестно, был переведен в инвалидную команду, где и провел оставшиеся годы службы. Большинству солдат не удавалось в их положении создать семью, однако Емельяну в этом отношении повезло. По прибытии в Велиж он сразу же встретил Агафью Прокофьеву, родом из села Усвяты, и женился на ней. У них родилось четверо детей: трое сыновей, двое из которых умерли в родах, и дочь. После того как Емельян был уволен с действительной службы, семья продолжала жить в солдатских казармах на окраине городка, на Витебском тракте. Хотя после увольнения с действительной службы солдаты больше не подвергались контролю со стороны бывшего начальства, им, как правило, трудно было вернуться к гражданской жизни. В большинстве своем они жили в бедности, бродяжничали в поисках работы; те, кому, как Емельяну, улыбнулась удача, батрачили или занимались незамысловатым ремеслом, чтобы хоть как-то прокормиться [Kimerling Wirtschafter 1990: 34–34; Keep 1985: 197–199].

Все Светлое воскресенье родители ждали, когда сын вернется с прогулки. Но Федор так и не появился, и в течение двух суток небольшая группа друзей и родных безуспешно

¹ Показания Агафьи Прокофьевой и Емельяна Иванова, май 1823 года [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 3об–8); показания Емельяна Иванова, ноябрь 1825 года [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 17–24об].

прочесывала город и его окрестности в поисках мальчика. На третий день, когда Емельян и Агафья, пообедав, отдыхали дома, в дверь постучала незнакомка. Из показаний нескольких свидетелей мы знаем, что это была побирушка по имени Марья Терентьева. Как только Агафья открыла дверь, Терентьева объявила, что может назвать местонахождение пропавшего мальчика. Она попросила зажженную свечу и, поставив ее в горшок с холодной водой, сообщила, что Федор жив, но заперт в погребе большого кирпичного дома Мирки Аронсон. Еды и питья там вдоволь, однако Федора морят голодом и жаждой. Далее Терентьева заявила, что ночью собирается вызволить мальчика, но боится, что зло могло уже свершиться и что мальчик умрет в тот самый момент, когда она придет ему на помощь [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 3–5].

Емельян счел эти откровения ерундой. Он объявил, что Терентьева не гадалка, а лгунья. Он, мол, видел, как гадалки предсказывают судьбу. Однако чем больше он думал о сыне, тем сильнее тревожился. Ему хотелось пойти самому посмотреть, что и как, но Терентьева потребовала, чтобы пошла его жена. Емельян велел Агафье вместе с сестрой Харитиной дойти до рыночной площади в самом центре городка, где находился дом Аронсон. Если Агафья почувствует, что мальчик внутри, пусть отправится в деревеньку Сентюры и поговорит с Анной Еремеевой, двенадцатилетней девочкой, которая, как считалось, обладала даром ясновиденья. Однако, едва зайдя во двор дома Аронсон, Агафья тут же поспешила обратно, испугавшись, что ее примут за воровку. Ближе к вечеру сестры добрались до Сентюр, где Агафья умоляла девочку Анну рассказать ей о судьбе сына. После долгих уговоров Анна сдалась: она якобы зашла «в тот дом, где сын ее хранится и очень слабым; если хочет видеть его, то наступающую ночь стерегла бы, он будет кончать жизнь» [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 3об–8; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 17–24об].

Когда Агафья вернулась домой и поделилась новостями с мужем, трое жандармов уже расследовали уголовное дело. Еще в первой половине дня Емельян сообщил в полицию Велижа, что сын его исчез без следа. Допросили многочисленных свидетелей, жандармы тем временем искали Федора. Еще задолго до окончания расследования по городу поползли слухи, что мальчика убили евреи.

Четыре дня кряду жандармы тщательно прочесывали город и окрестности. Наконец, 28 апреля 1823 года, не обнаружив ни единой зацепки, они приостановили расследование и объявили мальчика пропавшим без вести. Внезапное исчезновение Федора наверняка стало тяжелым ударом для его родителей. Хотя в материалах следствия нет упоминаний о психологическом состоянии Агафьи Прокофьевой, она, надо полагать, была на взводе,

когда на пороге вновь появилась Марья Терентьева. Та коротко осведомилась, почему городовые прекратили поиск. А потом, к изумлению Агафьи, в точности пересказала историю исчезновения мальчика. Еврейка по имени Ханна Цетлина подошла к Федору, когда он стоял на мосту, дала мальчику кусочек сахара и отвела во двор к Евзику Цетлину, где он и находился, пока кто-то не переправил его под покровом ночи в дом Мирки Аронсон. Терентьева была уверена, что сможет обнаружить тело, и пригласила Агафью пройти с ней на кладбище. Однако сразу после этих слов Терентьева выбежала из дома, и больше в ту ночь ее не видели. Когда муж вернулся домой, Агафья пересказала ему все события дня, однако Емельян отказался поверить, что сына его похитили евреи [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 4–7об].

Слухи расползались все стремительнее, и тут масла в огонь подлило совершенно неожиданное открытие. Второго мая, в тот день, когда Терентьева предложила Агафье сходить на кладбище, у Василия Коханского убежала лошадь. Коханский взял собаку и пошел ее искать. Они прошли метров пятьсот в сторону заболоченной роши на окраине города, и собака внезапно рванула вперед с громким лаем. Сначала Коханский решил, что нашлась его лошадь, но быстро понял, что собака лает над трупом мальчика, который лежал вверх лицом и был «во многих местах исколот». Коханский вспомнил, что несколько дней назад потерялся сын Емельяна Иванова, и отправился сообщить горькие новости своему соседу [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 9; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 4].

Рано утром следующего дня четверо официальных лиц осмотрели место преступления и составили подробный отчет. Было отмечено, что тело найдено в густой траве в заболоченном леске примерно в полуверсте от центра города и чуть более чем в полуверсте от дома родителей мальчика. Кроме того, оно лежало в 77 метрах от Щетинского тракта — проселочной дороги, по которой через три перекрестка можно было добраться до центра города. И наконец, самое важное: на правой стороне тракта были обнаружены свежие следы, они вели в рошу и прямо к телу мальчика. На основании этих улик жандармы предположили, что не менее пяти человек привезли мальчика на рессорной бричке с коваными металлическими колесами. Более того, они были убеждены, что преступники поставили бричку на обочине тракта, а потом сбросили тело в траву. Установить точно, откуда приехала бричка, не удалось, потому что следы были затерты другими повозками, проезжавшими по тракту на протяжении нескольких дней. Однако поскольку никто из проживавших поблизости не заметил подозрительных лиц (то есть евреев), отъезжавших от роши на рессорной бричке, жандармы пришли к заключению,

что преступники вернулись в город. Поскольку иных улик обнаружить не удалось, был произведен допрос двух главных свидетельниц, Марьи Терентьевой и Анны Еремеевой, а также обыск в доме Мирки Аронсон с целью найти ключи к раскрытию убийства [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 13–15об; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 6].

Мальчик умирал долго и мучительно. Когда квартальный надзиратель Лукашевич начал расследование, результаты вскрытия, подготовленные штаб-лекарем Левиным, уже показали, что маленького Федора многократно кололи тупыми гвоздями. По всему телу имелись круглые проколы глубиной менее сантиметра: пять на правой руке, равномерно распределенных от локтя до кончика ладони, три на левой, четыре на затылке и у левого уха, один сразу над правым коленом, один на спине. Кожа на стопах, предплечьях, животе и голове затвердела, стала желтой или багровой, как будто тело мальчика терли жесткой тканью или щеткой. Над коленями была наложена плотная повязка, препятствовавшая кровообращению, в результате чего колени и ступни посинели, возможно, даже почернели. Губы были плотно прижаты к зубам, нос вдавлен внутрь сильным ударом. Багровый синяк на затылке указывал на то, что рот мальчика был завязан тканью или веревкой. Пищеварительные органы, в том числе желудок и кишки, оказались совершенно пустыми, наполненными одним воздухом. Заключение завершалось выводом, что четырнадцать проколов были сделаны с целью выщедить из тела кровь [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 9; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 4].

5 мая квартальный надзиратель Лукашевич провел тщательный обыск в доме Мирки Аронсон, уделив особое внимание кухне, сараю и конюшне, однако никаких улик, которые связали бы Мирку или кого-то из ее родственников (дочь Славу, зятя Шмерку Берлина, внука Гирша и его жену Шифру) с убийством, обнаружено не было. Лукашевич хотел осмотреть погреб, однако Берлин ответил, что при доме его нет. Впоследствии Лукашевич выяснил, что на самом деле в доме было два подвала: один под сенями, другой — под лавкой, где торговали продуктами и спиртным. На вопрос, почему он скрыл правду, Берлин ответил, что не видел причин показывать подвалы инспектору: они, мол, старые, там ничего нет. Берлин явно понимал, что может серьезно пострадать, если представители закона обнаружат что-то хоть сколько-нибудь подозрительное [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 20–22об; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 7].

Будучи купцом третьей гильдии, Шмерка Берлин занимал завидное место в социальной иерархии города. Он не только неплохо зарабатывал на торговле лесом и спиртным, а также управлял единственным стекольным заводом в уезде, но и породнился через брак с состоятельным семейством, проживавшем в одном из лучших домов Велижа.

Двухэтажный кирпичный дом Мирки Аронсон находился в самом центре городка. Южным фасадом он выходил на рыночную площадь и здание городской управы, западным — на Ильинскую улицу, одну из основных магистралей города, на которой по преимуществу жили евреи. Дом, просторный по любым стандартам, состоял из двадцати четырех комнат, тринадцать из которых находились на первом этаже. Здесь располагались шинок, бакалейная лавка, еще как минимум три торговых заведения, два подвала (один с потайной лестницей) и несколько других помещений. Шмерка с женой Славой занимал одну из самых просторных комнат на первом этаже, а комната чуть поменьше служила спальней их дочери и ее мужу. Мирка Аронсон проводила большую часть времени в боковом крыле, состоявшем еще из шести комнат.

В Велиже, как и в других рыночных городах на западных окраинах империи, грань между сельской жизнью и городской цивилизацией всегда оставалась нечеткой. Так было и в семействе Аронсонов². Посетители подходили к прочной железной калитке со стороны Ильинской улицы, там их встречал слуга и проводил во двор. Во дворе гуляли козы, куры и прочая домашняя живность, располагался скромный огород, то есть присутствовали все признаки и запахи сельской жизни. Длинный деревянный забор делил двор на два отдельных участка. С восточной стороны стояло несколько деревянных служб, среди них — домик для гостей, сарай, конюшня, нужник и деревянная изба с тремя скромными комнатами для прислуги.

Благодаря историко-этнографическим воспоминаниям М. Д. Рывкина (это одно из первых и самых содержательных описаний дела) можно восстановить детали, примечательным образом отсутствующие в официальных юридических документах [Рывкин 1911: 69–81]. В будние дни в этом внушительном здании былолюдно и цариласуета. Горожане и жители окрестных деревень приходили выпить пива или водки в шинке или купить продуктов в бакалейной лавке — она считалась лучшей в городе. Помимо спиртного здесь продавали сдобу, ватрушки, селедку, фрукты, кофе, чай, табак, спички, свечи и многое другое [Dyner, 2014: 17–20; Petrovsky-Shtern 2014: 129–135]. Приезжавшие в город по делам поднимались по деревянной лестнице в трактир, где можно было перекусить в обеденном зале и переночевать в одном из номеров. Время от времени на пороге появлялись нищие и обездоленные: судя по всему, Мирка Аронсон славилась исключительной щедростью. Двое ее сыновей проживали в достатке по соседству, на Ильинской улице, а брат Шмерки Берлина — сразу за углом, на Петербургской, рядом с самыми почетными жителями Велижа: ратманом Евзиком

² См. обсуждение в: [Petrovsky-Shtern 2014: 243–255].

Цетлиным и его женой Ханной. По субботам и праздничным дням все семейство — всего около сорока человек — садилось за стол на втором этаже дома.

Не будь соседей-христиан, ни Шмерка Берлин, ни Ханна Цетлина не смогли бы получать такую прибыль от шинка и трактира. По словам Рывкина, уважаемые жители города, от самых богатых польских шляхтичей до обличенных властью чиновников, время от времени заходили к ним в заведения [Рывкин 1911: 79]. При этом ни в коем случае не следует изображать жизнь Велижа своего рода мультикультурной идиллией. Повседневный обмен товарами и услугами не только способствовал общению, но и порождал множество ссор и конфликтов между жителями. В этом мирке не прекращались мелкие распри, скандалы, наговоры и сплетни. Как и во многих небольших поселениях по всему миру, в Велиже представление о добрососедских отношениях оставалось лишь идеалом, имеющим мало общего с реальностью³.

Если Мирка Аронсон и Шмерка Берлин были уважаемыми жителями города, то Анна Еремеева и Марья Терентьева считались типичнейшими маргиналами. На момент, когда было обнаружено тело ребенка, Анна уже год с лишним кормилась подаяннем как в Велиже, так и в его окрестностях. 25 марта, примерно за месяц до исчезновения Федора, Анна оказалась в деревне Сентюры. Однажды во время прогулки она внезапно почувствовала слабость и уснула на обочине дороги. Житель города Ларион Пестун заметил Анну, свернувшуюся клубочком в траве, и решил перенести ее к себе в теплую баню. Анна беспробудно проспала двое суток, во сне ей явился архангел Михаил, который взял ее за руку и прошептал в ухо, что на Пасху евреи загубят христианскую душу. Архангел Михаил снился Анне и после: в канун Пасхи он явился ей снова и возвестил, что евреи захватят христианскую душу и будет она в доме Мирки Аронсон. Когда Агафья Прокофьева пришла в Сентюры узнать, где находится ее сын, Анна сказала: «Ты идучи ко мне заходила в тот дом, где сын твой хранится, и если в силах взять его, то приложите старания, а буде не умеете, то по крайней мере караульте» [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 18–19, 29–30; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 6–7, 9].

Марья Терентьева, как и Анна, на момент начала следствия прожила в Велиже год или два (точнее по архивным документам установить невозможно), перебиваясь чем Бог пошлет. Она вышла замуж за человека, который почти все взрослые годы провел в солдатах. Несколько жителей показали, что Терентьева вела «беспутный» образ жизни с самого своего появления в городе: родила внебрачного сына, при любой возможности крала еду, шлялась ночью по улицам и кричала, что ее душат [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д.

³ Особенно красноречиво об этом сказано в: [Briggs 1996: 146].

190. Л. 62–65об; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 12]. Абрам Кисин вспоминает, что впервые увидел Терентьеву, когда она среди бела дня крада морковь и свеклу с его огорода. Когда он попытался ее шугануть, Терентьева так крепко его ударила, что он потом с трудом добрел до дому. Время от времени разъяренная Терентьева приходила к дому Кисина, крада овощи с огорода, бросала на землю выстиранное белье и яростно топтала его босыми ногами [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 116].

Согласно показаниям Терентьевой, в Светлое воскресенье она просила подаяния перед церковью, немного поболтала с одной прохожей, потом отправилась на окраину городка, по дороге просила милостыню. В сумерках она добралась до ручья Коневец и увидела на мосту двух маленьких детей, в том числе светловолосого мальчика в шапочке, кафтанчике и башмачках. В тот самый миг, по воспоминаниям Терентьевой, к мальчику подошла Ханна Цетлина, взяла за руку и увела прочь. Хотя о местонахождении другого ребенка Терентьева ничего не сказала, она заверяла, что Цетлина увела мальчика к себе в дом, где ее дожидались еще четыре еврейки. Терентьева не могла точно сказать, были ли они из числа домочадцев Шмерки Берлина, но была убеждена, что опознает как минимум двух. Потом она описала свои встречи с Емельяном Ивановым и Агафьей Прокофьевой, а закончила показания утверждением, что Емельян не поверил ни одному ее слову [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 234].

Показания Терентьевой обернулись для евреев подлинной катастрофой. Несколько недель кряду жандармы допрашивали десятки жителей города, как евреев, так и христиан, причем все внимание сосредоточилось на четырех основных подозреваемых: Евзике и Ханне Цетлиных, Мирке Аронсон и Шмерке Берлине — а также на ненайденной рессорной бричке. Золовка Емельяна Иванова Харитина Прокофьева из-за всех этих разговоров пришла к убеждению, что племянника ее убили евреи. Еще одна жительница города, Ефимия Федорова, услышала от одной из соседок, что евреи отвели мальчика в свою школу, там мучили и убили. Авдотья Максимова, служанка Ханны Цетлиной (впоследствии она сыграет важную роль в деле), показала, что не видела в доме христианского мальчика и не видела, чтобы Цетлина в тот день выходила. Еще одиннадцать свидетелей, из самых разных слоев населения, заявили, что не видели ни с кем из евреев маленького мальчика и не знают, кто совершил преступление. При этом они были убеждены, что евреи наверняка причастны к убийству. Следователями были допрошены еще двенадцать человек. Они показали, что Шмерка Берлин и Ханна Цетлина всегда были людьми безупречного поведения; восемь заявили, что не подозревают ни Берлина, ни Цетлину ни в каких злодеяниях, однако все двенадцать были совершенно

уверены, что мальчика убили евреи [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 24об–33, 46, 51, 74–81, 112–113об; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 5, 11, 13, 18, 23].

Из материалов следствия видно, насколько крепко сюжет о кровавых жертвоприношениях засел в головах у жителей города. Свидетели один за другим заявляли, что евреи совершили ритуальное убийство мальчика, притом что никто из них не видел этого своими глазами. Единственной, кто, помимо Марьи Терентьевой, показал, что видел Ханну Цетлину с христианским мальчиком, была Дарья Косачевская. На Пасху, в час или в два пополудни, Косачевская пошла в шинок к Шмерке Берлину купить пива. По дороге она видела Ханну Цетлину со светловолосым мальчиком, одетым в синий или зеленый кафтанчик. Она полагала, что Цетлина с мальчиком идут в сторону города то ли от набережной, то ли от ручья, однако понятия не имела, куда они направлялись на самом деле. Купив пива, Косачевская немедленно вернулась домой и больше в тот день ни Цетлину, ни мальчика не видела. Судя по всему, рассказ Косачевской основывался на слухах, циркулировавших по городу, потому что когда с нее стали требовать дополнительные показания, она больше ничего не смогла вспомнить [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 215–216об].

По ходу следствия царские чиновники пытались следовать букве закона, не предъявляя подозреваемым обвинений, до того как будут допрошены все свидетели, рассмотрены все версии и изучены материалы экспертизы. Продолжались допросы свидетелей, появлялись новые вещественные доказательства, в городе нарастало напряжение. Да и как могло быть иначе? Евреи, судя по всему, примирились с мыслью: официальное обвинение самых уважаемых и богатых представителей их общины в ритуальном убийстве, — всего лишь вопрос времени. 17 мая, когда квартальный надзиратель Лукашевич допрашивал ксендза Серафимовича, приехавшего в город в гости к знакомому землемеру Котову, более ста евреев окружили дом Котова: они залезали на забор и кричали квартальному надзирателю: «Не имеете права отклонять нашего еврейского ратмана Цетлина, он член». Такой неожиданный оборот событий заставил представителей власти насторожиться еще сильнее. Опасаясь, что накал страстей может привести к разгулу беззакония, магистрат немедленно издал указ: никому из подозреваемых и свидетелей не разрешается покидать пределов города, всех будут держать под строгим наблюдением, пока это мерзкое дело не будет раскрыто. Чего магистрату никак не хотелось, так это полномасштабного бунта [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 100–102; РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 15–16].

Евреи тем временем решительно отрицали свою причастность к убийству. Ханна Цетлина показала, что все пасхальное воскресенье провела дома. Более того, она настаивала, что не приводила в дом христианского мальчика и понятия не имеет, кто совершил преступление. Через несколько дней после дачи показаний Цетлина подала официальное объявление в магистрат, где подтверждала свою невиновность и называла обвинения беспочвенными. Она заявляла: «Я к себе никогда ни в какое время христианских мальчиков не водила, да и в тот день, как показывает солдатка, из дома своего вовсе не выходила по причине что находился у меня отчаянно больной сын мой». По еврейской традиции, больного нельзя оставлять одного, поэтому к Цетлиной пришло несколько друзей помочь ухаживать за сыном. Она предлагала магистрату опросить Абрама Курина, Малку Барадучи и Геню Везьменскую, а также других друзей и соседей — все подтвердят ее показания. В конце она высказала предположение, что Терентьева, скорее всего, выдумала все обвинения по причине давних счетов. Попрошайка постоянно шлялась по городу и собирала милостыню. Заходила она и к Цетлиной, и та несколько раз выставляла ее за дверь, ничего не подав. Каждый раз после этого Терентьева рассказывала направо и налево, как жестоко с ней обошлись⁴.

В пасхальное воскресенье муж Цетлиной Евзик ходил по рыночной площади, приценивался к товару, потом посетил по делам несколько мест в городе. По этой причине он не мог сказать достоверно, выходила его жена на улицу или нет, однако был твердо убежден, что никакого христианского мальчика в доме у них не было. Мирка Аронсон, которой уже исполнилось семьдесят, отошла от семейных дел и старалась не обращать внимания на городские сплетни. Она понятия не имела, кто убил мальчика, но при этом не сомневалась, что ни ее зять Шмерка, ни внук Гирш никак в этом не замешаны, поскольку знала точно: они весь день провели дома. Явно доведенный до отчаяния, Шмерка Берлин высказал неправдоподобное предположение, что кто-то случайно переехал мальчика телегой, а потом исколот тело, чтобы представить ее смерть ритуальным убийством [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 93–98].

Что до рессорной брички, то несколько свидетелей видели такой экипаж в пятницу, 27 апреля — в нем ехали двое неизвестных евреев. Одна из соседок показала, что около восьми утра, когда шел сильный дождь, она заметила, как по городу разъезжают два еврея. В то же утро, но раньше, другая соседка сидела у окна и видела, как мимо проехала открытая бричка. Евреев этих никто в Велиже раньше не видел, однако потом выяснилось,

⁴ Жалоба Ханны Цетлиной в магистрат, 8 января 1824 года [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 217об–219об].

что это дальние родственники Шмерки Берлина. Бородатый мужчина среднего возраста — его звали Иосель Гликман — впервые приехал в Велиж вместе с пятнадцатилетним сыном из города Ули, чтобы закупить сена. Гликман с сыном поставили бричку в соседнем дворе и, обогнув забор, вошли в дом Берлина, где пробыли до 1 мая. Власти немедленно заподозрили, что Шмерка и Гирш Берлины воспользовались рессорной бричкой Гликмана, чтобы перевезти тело в лес, в связи с чем были допрошены Гликман, семейство Берлиных и многие другие горожане. Однако Гликман опроверг обвинения в причастности к убийству, показав, что на бричке его не кованые колеса, а лошадей он взял у помещика, на которого в то время работал. Шмерка и Гирш Берлины также дали убедительные показания, никто из остальных свидетелей не сказал ничего, что позволило бы подвергнуть сомнению уверения Гликмана в собственной невинности [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 190. Л. 39–41, 144, 181, 187об–189].

Расследование гибели Федора растянулось почти на год. Нельзя сказать, что речь здесь идет об исключительно длинном дознании или особенно неожиданном итоге. Велижское дело прошло три стадии розыскного процесса: длительное расследование на местном уровне, суд, утверждение приговора высшим губернским (поветовым) судом. Если речь шла об обвинении в кровавом жертвоприношении, российское правительство без колебаний выносило евреям максимально строгий приговор, ибо преступление считалось пределом варварства. Наказание предполагало пожизненную высылку, удары кнутом и палками, вырывание ноздрей или языка [Schrader 2002]⁵. Несмотря на зловещие и жестокие слухи, гулявшие по городу, дознаватели не спешили делать выводов. В XIX веке российское правительство не отвергало кровавый навет напрямую, как это было принято во многих странах Европы, однако придерживалось взвешенной позиции.

6 марта 1817 года, в качестве отклика на расследование кровавого навета в Гродно, князь А. Н. Голицын выпустил циркуляр для губернаторов, требовавший соблюдения более жестких стандартов предоставления доказательств и более скептического отношения к факту совершения преступления. Циркуляр гласил:

По поводу оказывающихся и ныне в некоторых от Польши к России присоединенных губерниях изветов на евреев об умерщвлении ими христианских детей, якобы для той же надобности, его императорское величество, приемля во внимание, что таковые изветы и прежде неоднократно опровергаемы были беспристрастными следствиями и королевскими грамотами, высочайше повелеть мне соизволил объявить всем г-дам управляющим губерниями монаршую волю, чтоб впредь евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей без всяких улик,

⁵ См. также: [Kollmann 2012: 303–413].

по единому предрассудку, что якобы они имеют нужду в христианской крови [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 296. Л. 1–2; Dubnov 1916–1920, 2: 74–75]⁶.

Итак, согласно законам Российской империи, в случае кровавого навета евреи получали то же юридическое право на справедливый суд, что и любой другой подданный соответствующего общественного положения, которому предъявлялось обвинение в убийстве.

Велижские городовые систематично изучили протоколы всех показаний, стараясь провести расследование в соответствии с жесткими требованиями закона. Ровно через год и два месяца после исчезновения Федора апелляционный суд вынес свой вердикт. Суд не отрицал возможности того, что Дарья Косачевская и особенно Марья Терентьева выдумали свои скандальные истории с целью скрыть собственную роль в этом убийстве, однако и не признавал их показания полностью ложными. На основании тщательной проверки всех материальных и моральных доказательств Ханна Цетлина была официально оправдана, однако полиции было дано распоряжение строго следить за ее поведением и поступками. С Мирки Аронсон и ее домочадцев сняли все обвинения, поскольку по ходу тщательного обыска в доме не было обнаружено ничего подозрительного, хотя ее зять Шмерка Берлин получил замечание за распространение лживых слухов по поводу смерти мальчика. По сути единственной серьезно наказанной оказалась Марья Терентьева: за блудное житье она была приговорена к официальному покаянию, провести которое должен был представитель католико-униатского совета [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 24–26].

Оправдание евреев не означало, что судьи, дознаватели и губернские чиновники, которые вели дело, были просвещенными скептиками. Подлинная причина состояла в другом: доказать по закону, что было совершено ритуальное убийство, не удалось. Пусть российское правительство и соблюдало высокие стандарты судопроизводства, однако ритуальное убийство не было изъято из свода законов. В условиях Российской империи ключевым моментом в оправдании евреев в случае кровавого навета было скорее требование соблюдать осмотрительность при судопроизводстве и опираться на документальные свидетельства, а не просвещенный скептицизм. Иными словами, сомнения, терзавшие велижских чиновников, были не из разряда систематических философских сомнений, а проистекали из простого вывода: для того чтобы однозначно доказать факт совершения преступления, попросту не хватало улик [Levack 1999: 86–87].

⁶ Подробный отчет о Гродненском деле хранится в: [РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. Д. 169. Л. 2–52]. См. также: [Гессен 1912].

В конечном итоге мы уже никогда не узнаем, что именно произошло с Федором — утонул ли он случайно, был безжалостно убит или погиб иным образом, как не узнаем, кто нанес 14 ран на его тело. 22 ноября 1824 года дело было рассмотрено в высшем суде Витебской губернии, и трагическую смерть Федора было решено «предать воле Божей» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 27]. Вне зависимости от того, каковы были реальные обстоятельства дела, документальные свидетельства говорят о том, что причиной обвинения в ритуальном убийстве стала типичная для маленького городка взаимная неприязнь. По всей видимости, попрошайка Марья Терентьева воспользовалась гибелью мальчика (или даже убила его сама), чтобы сквитаться с Ханной Цетлиной за отказ подавать ей милостыню. Культура подаяния, то есть убежденность в необходимости помогать нуждающимся, играла важную роль как в еврейской, так и в русской общинной традиции⁷. В Российской империи Раннего Нового времени, где взаимопомощь была своего рода спасательным кругом для оказавшихся в беде и в нужде, отказ в милостыне считался нарушением добрососедского долга. Отказ напоить, накормить, дать денег или как-то иначе проявить милосердие, как правило, вызывал у просителя обиду и возмущение. Если после этого с человеком, проявившим эгоизм, происходило что-то плохое, у него часто возникали подозрения, что попрошайка сглазил его в ответ на жестокосердие.

⁷ О благотворительности и взаимопомощи см.: [Lindenmeyr 1996; Hundert 2008, 1: 306–309].

II Жизнь маленького городка

3 Визит императора Александра

В апреле 1825 года император Александр I вместе с супругой Елизаветой Алексеевной решил до наступления дождливой осени отдохнуть в теплых краях. Обсуждались Германия и Италия, но в итоге решено было поехать в Таганрог, тихий портовый городок на Азовском море. Елизавете Алексеевне нездоровилось, случалось, что она по несколько дней не выходила из своих покоев. Маршрут, которым задумал поехать Александр, был проложен так, чтобы обеспечить ей на всех этапах покой и удобство. Решено было избегать крупных городов, где пришлось бы посещать официальные мероприятия и утомительные церковные службы. Из Петербурга царская чета должна были двинуться к югу на Велиж, потом свернуть на юго-восток через Дорогобуж, Рославль, Новгород-Северский и Белгород и, проездом через Бахмут, оказаться в Таганроге. На планирование поездки ушло несколько месяцев, и вот 1 сентября Александр выехал из столицы, на три дня раньше, чем Елизавета. Покрыв около 2000 километров на резвой тройке, Александр за 13 дней добрался до берегов Азовского моря [Palmer 1974: 397–401]⁸.

Царь пытался держать план путешествия в тайне. В последние годы жизни, разочаровавшись в самом себе и в собственных свершениях, он предпочитал тишину и одиночество. Однако слухи об этой поездке докатились не только до дипломатического корпуса столицы, но и до провинциальных городков на его официальном маршруте. Едва 4 сентября Александр оказался в Велиже, как ему вручили прошение не от кого иного, как от Марьи Терентьевой:

1823-го года месяца и числа не упомяну случилось несчастье в городе Велиже Витебской губернии над моим родным сыном на Слободском мосту искололи насмерть моего родного сына Демьяна Емельянова еврей и жители того города и одного я знаю имя Юзик и жена его Хана которые взяли его на мосту и истратили. За что я и просила лично по моей бедности городничего того города Велижа а имени его я не знаю чтобы он мне дал законную защиту. Но он мне никакого удовлетворения не учинил только что я шесть раз присягала в своей правоте и еще приказал содержать под стражей и давал мне по двадцать копеек в сутки а теперича хоша и освобождена только жить в своем городе Велиже но неоднократно приказано жидами чтобы они меня похитили и

⁸ См. также: [Wortman 1995: 238–243].

я еще убегаю, — а теперь прибегаю к Стопам Вашего Императорского Величества и Прошу Вашей Защиты за утрату моего родного сына неверующими в нашего Христа людьми. За сим и буду ожидать вашей Монаршеской Защиты [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 5–5об]⁹.

Невзирая на явно измышленное утверждение Терентьевой, что мальчик был ее родным сыном, и на то, что она даже не смогла верно вспомнить его имя, Александр принял обвинение в убийстве близко к сердцу. Он немедленно переслал жалобу Николаю Николаевичу Хованскому, генерал-губернатору Витебской, Могилевской, Смоленской и Калужской губерний, в то время проживавшему в губернском городе Витебске.

Хованский, как и многие одаренные молодые дворяне, начал свою карьеру со службы в армии. Он стремительно продвигался по службе, отличился по ходу Русско-турецкой войны 1810 года, а потом — во время наполеоновской кампании. В 1813 году получил чин генерал-лейтенанта. Восемь лет спустя он перебрался в Санкт-Петербург, служил в Первом отделении Сената. В тот год, когда в лесу обнаружили тело Федора, Хованский был произведен в чин полного генерала и назначен на должность генерал-губернатора северо-западных губерний; пост этот он занимал до 1836 года. Должность генерал-губернатора после правительственной реформы в конце XVIII века считалась важнейшим звеном, соединяющим центр империи и провинциальные окраины. В его обязанности входило развитие сельского хозяйства, промышленности и экономики, содержание дорог в должном порядке, забота о бедных и нуждающихся, забота о соблюдении законов и обеспечение безопасности. Важно то, что этот сановник имел широкие полномочия касательно деятельности правоохранительных органов. Хотя формально Хованский не имел права оказывать влияние на правосудие и не мог рассматривать апелляции на решения губернских судов, он мог назначать уголовное дознание и вмешиваться по собственному усмотрению в ведение как гражданских, так и уголовных дел [LeDonne 2001; LeDonne 2002]¹⁰.

За жалобой Терентьевой последовал ряд событий, результатом которых стало чрезвычайно сложное уголовное расследование. Александр I скоропостижно скончался 19 ноября 1825 года. Восшествие на престол Николая I положило начало проведению агрессивно-консервативной политики. Восстание декабристов 14 декабря 1825 года

⁹ На основании частной переписки императора и официального маршрута поездки исследователи пришли к выводу, что большую часть июля он провел в Петербурге и пригородах. Притом что на прошении стоит дата 15 июля 1825 года, скорее всего, Александр прочитал его 4 сентября, в тот же день, когда отправил из Велижа в Петербург короткую записку. См.: [Романов 1914: 679, 737].

¹⁰ Краткую биографию Хованского см. в: [Словарь 1996: 599–600].

создало обстановку страха, враждебности и кризиса, сохранявшуюся на протяжении всего царствования Николая. Чтобы поддерживать свой авторитет самодержца, Николай ввел по всей стране почти армейскую дисциплину и официально встал на защиту Русской православной церкви. Во второй четверти XIX века со всех концов огромной империи до него доходили тревожные сведения об извращении веры, духовных смутах, бунтах [Wortman 1995: 264–269, 297–332; Veer 2017: 54–55]. Стремясь защищать рубежи истинной веры, режим всей силой своего нравственного авторитета карал за любые действия, казавшиеся опасными для общественного порядка. Меры по изничтожению сектантских общин, отходивших от общепринятой церковной доктрины, привели к многочисленным арестам, судам, насильственным переселениям. В подобной обстановке пристального внимания к любой необычной и противоестественной деятельности русское правительство не видело иного выхода, кроме как реагировать на кровавые наветы самым серьезным образом. В конце концов, даже скопцы, считавшиеся самой вредоносной сектой, поскольку занимались членовредительством, не доходили до совершения хладнокровных убийств по ходу религиозных обрядов¹¹.

4 ноября 1825 года, почти через год после того, как Витебский губернский суд решил «предать воле Божьей» гибель солдатского сына Федора, генерал-губернатор приказал возобновить расследование. Первым действием Хованского стало назначение чиновника по особым поручениям, коллежского советника Василия Ивановича Страхова старшим следователем по делу. Страхов, всю жизнь посвятивший государственной службе, достиг в Табели о рангах почетного пятого класса. Задача перед ним была поставлена однозначно: следовать стандартной процедуре, допросить всех, кто так или иначе связан с делом, и завершить расследование в максимально сжатые сроки.

Уже до того дело насчитывало почти тысячу страниц — помимо прочего в нем находились полицейские рапорты и материалы вскрытия, вещественные доказательства и показания десятков свидетелей. После первого же осмотра города выяснилось, что недостатка в свидетелях, которых можно опросить, не наблюдается, хотя нескольких ключевых фигур уже не оказалось в живых. Мать Федора Агафья Прокофьева скончалась примерно через четыре месяца после того, как тело ее сына обнаружили в лесу. Менее чем через год после того, как Витебский губернский суд снял с евреев обвинение в ритуальном убийстве, умерла и Мирка Аронсон. Несколько других ключевых

¹¹ О сектантстве в России см.: [Варадинов 1863: 188–193]. Из недавних исследований см.: [Engelstein 1999: 49–51; Clay 2001; Zhuk 2004; Breyfogle 2005; Breyfogle 2011].

подозреваемых, в том числе Шмерка Берлин и Иосель Гликман, умрут задолго до окончания расследования.

Страхов понимал, что Велижское дело чрезвычайно запутанно, поэтому прежде всего необходимо прояснить основные факты. Хотя для евреев действовала презумпция виновности, чиновник решил не спешить с выводами. Вместо этого он провел продолжительные беседы с несколькими жителями города — христианами — непосредственными родственниками Федора (отцом и теткой) или важными свидетелями по делу. Однако значимых отличий от их предыдущих показаний выявлено не было [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 17–24об, 45–47об, 49–52об, 63–70об]. После этого Страхов сосредоточился на главной свидетельнице, Марье Терентьевой — и тут в деле произошел неожиданный поворот. Почему побирушка назвала мальчика своим сыном? Наверняка у Терентьевой были веские основания, и Страхов поставил перед собой цель как можно скорее докопаться до сути.

Страхов вызвал Марию Терентьеву на допрос 22 ноября 1825 года. Ей было предложено говорить не смущаясь и не жалея времени, и начала она рассказ так же, как и в 1823 году. В пасхальное воскресенье, в полдень, она, по ее собственным словам, шла к себе домой из центра города. Пройдя мимо замка и нескольких пустых магазинных витрин, она спустилась по пологому склону к Слободскому мосту. «Малолетняя девочка кликнула того мальчика к себе, но шедшая в некотором расстоянии перед... Марьей еврейка Ханна, которую она давно знает, проходя мимо мальчика подала ему чего-то беленький кусочек, подобный колотому сахару, и взяв его за левую руку, повела за собою». Испугавшись, что происходит дурное дело, Марья решила последовать за Ханной. Она точно помнит, будто это было вчера, что служанка Ханны Авдотья Максимова и три еврейки — ни одной из них она раньше не видела — войдя во двор, открыли входную дверь. Авдотья сказала Ханне что-то на идише, этого Марья не поняла, а потом поманила всех внутрь [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 25–26об¹²].

Дальнейшее Марья видела собственными глазами. В надежде защитить мальчика она сказала тем, кто находился рядом, что Федор — ее сын. Ее, однако, никто не слушал. С мальчиком же начали творить невообразимые страсти. Авдотья заперла его в соседней горнице. Ханна же якобы налила Марье вина, у той закружилась голова, а потом ей приказали уйти. У опьяневшей Марьи не хватило сил добраться до дома, она улеглась на крыльце и проспала несколько часов. Проснулась только поздно вечером. Ханна дала ей водки и два рубля серебром, после чего все они пошли на другую сторону рыночной

¹² 22 ноября 1825 года.

площади, к большому кирпичному дому Мирки Аронсон. Одна из служанок Аронсон открыла ворота и тут же увела мальчика в погреб; тут Аронсон дала Марье еще два рубля серебром, а также водки, и заставила пообещать никому не говорить ни слова о том, что она видела. Марья не знала, что еврейки намереваются сделать с мальчиком, но предупредила их, что если узнает, чей это ребенок, то все раскроет [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 27].

Как выяснилось, Ханна Цетлина не впервые просила Марью привести ей невинного ребенка. Точную дату Марья вспомнить не смогла, но с уверенностью рассказала, как Ханна попросила привести ей «хорошенького христианского мальчика», на что она ответила, что такого мальчика не знает. Теперь, когда она стала свидетельницей такой странной сцены, настроение у нее изменилось к худшему. По дороге домой — она снимала комнатку на окраине города, за рекой — ей казалось, что за каждым ее движением наблюдает весь город. Она вспомнила, что под ногами у нее крутилась белая собачонка, а возможно, это был кролик. По ее собственным словам, она упала лицом вниз и долго лежала, причем на нее давило тяжкое бремя, от которого ей было не подняться. Когда она наконец добралась до дому, то рассказала квартирной хозяйке обо всем, что видела, однако решила умолчать о том, что происходило в доме у Мирки Аронсон. К ее изумлению, хозяйка объяснила ей, что маленький сын Емельяна Иванова стал жертвой еврейского ритуального убийства [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 28–28об].

На третий день пасхальной недели Марья ходила по городу, прося милостыню, и решила зайти в горницу к Емельяну Иванову. Родителей она застала в слезах. Они повсюду искали своего сыночка — так они ей сказали — и даже пытались обнаружить его местонахождение с помощью особой карты и волшебных соломинок. Не зная, что еще сделать и к кому обратиться, они решили сходить к местной гадалке. Гадалка ничем не смогла помочь. Марья возмутилась — мол, что же это за гадалка, да и куда может исчезнуть ребенок в таком маленьком городке? Она предложила свою помощь, попросила принести воск и чашку с водой. Позднее на той же неделе Марья зашла снова — узнать, нашелся ли мальчик. Она осведомилась, почему родители не пошли искать сына. Иванов в ответ крикнул, что это она убила ребенка. При всей суровости его обвинений, Марья настаивала на своей невинности. Она подчеркнула, что не имела намерения распускать гнусные слухи или говорить о ком-то плохом, а к Ивановым зашла без всяких дурных намерений [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 29].

Выйдя от Иванова, Марья немедленно направилась к кирпичному дому Мирки Аронсон. С пятью другими евреями — всех она знала по именам — Марья спустилась в

погреб и там увидела мальчика: он лежал на полу, завернутый в простыню. Рядом стояло корытце, наполненное кровью. Тело и голова были исколоты, ногти на руках и ногах коротко подстрижены, язык отрезан, равно как и половой член — до самой мошонки. К собственному своему удивлению, ни на теле, ни на простыне крови Марья не увидела. Но тут евреи закричали, чтобы она убиралась вон, и она решила вернуться домой. На следующий день одна из соседок сообщила Марье, что тело обнаружили и ее ищет городской. На это Марья ответила, что в таком случае пойдет к нему сама. Страхову она заявила, что описала все точно так же, как летом 1823 года, за вычетом двух важных подробностей: что она взяла у Мирки и Ханны деньги и водку и что помогла Ханне перевезти тело в лес на рессорной бричке [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 30–31].

На вопрос, почему она назвалась матерью мальчика, у Марьи нашелся простой ответ: якобы после смерти Агафьи Прокофьевой она считала мальчика своим сыном. Поскольку отец его Емельян Иванов не предпринял никаких шагов к поискам, она решила взять дело в собственные руки и добиться правосудия. В день проезда его императорского величества через Велиж она воспользовалась возможностью и передала царю свое прошение: когда он выходил из Никольского собора, она встала на колени и положила бумагу ему на корону. Некий Лука Олейников попытался у нее прошение отобрать, но собравшаяся вокруг толпа ему не позволила. Страхов спросил, почему она назвала мальчика Демьяном. Марья отвечала: по той простой причине, что имя она забыла, вот и ошиблась [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 37–37об].

Свои показания Марья завершила описанием того, какой невыносимой стала из-за евреев ее жизнь. Первую неприятность ей причинили, когда она покупала селедку у Авдотьи Максимовой. Воскресным утром, в начале Великого поста, она увидела, что Авдотья сидит за лотком на рынке и продает селедку. Авдотья немедленно подбежала к Марье узнать, не хочет ли та купить хорошей жирной рыбки. Марья решила сделать приятельнице одолжение и селедку купила, но когда днем попыталась ее почистить, рыба непостижимым образом выскользнула у нее из рук и как минимум четыре раза подряд упала на пол. Марье в итоге удалось ее поднять и разорвать руками пополам — кусок она отдала хозяйке своего жилья, кусок оставила себе. Хозяйка из опасения, что рыбу могли отравить, съела только маленький кусочек, и у нее тут же скрутило живот: целые сутки ее потом рвало. Доев свой кусок, Марья не почувствовала ничего необычного, но на следующее утро проснулась от спазмов в желудке. Ее трое суток рвало с кровью, да так сильно, что она уже готовилась расстаться с жизнью. Хозяйка велела ей заявить о

случившемся в полицию, но городской голова только и посоветовал Марье ничего не покупать у жидов [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 38об–39].

Последний эпизод случился примерно через год после гибели маленького Федора. Марья была убеждена в том, что если попытается покинуть город, то евреи придумают, как ей навредить. Поздно вечером она решила сходить к реке за водой. Едва она прошла мимо дома Гаврилова, сорок человек евреев — раньше она никого из них не видела — окружили ее и схватили за волосы. Когда она подняла крик, они спрятались в доме. Через несколько дней (на еврейский Шаббат) еврейка Лея спросила у Марьи, не хочет ли та подоить ее коров. Марья согласилась, и пока доила, во двор вошли еврей Абрам и две еврейки. Все они зашли в дом к Лее, и тут жена Абрама, Нахана (сестра Ханны Цетлиной) открыла истинную причину, почему они позвали Марью. Они хотели переодеть ее в еврейское платье и отвести в «важное место». Марья пояснила, что еврейки приказали ей снять простую крестьянскую блузу, а вместо этого вручили ей платье, два овчинных тулупа и две еврейского вида шали. По пути к реке они встретили ее старую знакомую, та спросила, куда они направляются. Марья ответила, что сама не знает — видимо, в тот самый дом, где они убили солдатского сына. В тот день на улицах было много народу. Марья вспомнила, что к ней подошли два попа и предупредили, чтобы она не водилась с жидами, после чего она тут же разделась и пошла домой [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 39–41].

Евреи из самых разных общественных слоев нанимали христиан в качестве кучеров, кормилиц, сторожей, кухарок, гувернанток и служанок. Причинами тому служили как экономические соображения, так и необходимость придерживаться галахической традиции. В зажиточном семействе могло насчитываться до десятка человек христианской прислуги — в основном маргиналов, как правило, бездомных и без постоянной работы¹³. Они трудились всю неделю, в том числе в субботу и по праздникам, когда евреям запрещается перемещать предметы, разводить огонь, выезжать за определенные пределы, разносить письма, ходить за пивом и хлебом, ставить самовар, перевозить грузы, делать покупки, если праздник придется на базарный день.

С самого начала Раннего Нового времени католическая церковь выступала против любых ситуаций, способствовавших прямым физическим контактам между евреями и христианами. Половые связи между хозяевами-евреями и служанками-христианками были обычным делом; власти считали, что бедных девушек специально подвергают искушениям. Предостерегая христианок против найма к евреям кормилицами,

¹³ Рассказ очевидца см. в: [Wengeroff 2010: 207].

гувернантками и служанками, католическая церковь использовала весь свой моральный авторитет для установления строгих культурных границ [Kalik 2001: 267; Teter 2006: 63–69]¹⁴. Чтобы избежать столкновений на почве религиозной розни, в том числе и обвинений в кровавых жертвах, еврейские советы призывали членов общин строго соблюдать законы своей религии [Kalik 2010: 159–160].

Однако в реальной жизни ограничивать социальные связи было почти невозможно [Hundert 2004: 38]. Тем не менее и через много лет после разделов Польши российские власти пытались регулировать еврейско-христианские взаимоотношения в быту¹⁵. Сенсационные истории о переходе в иудаизм, о тайных греховных связях вселяли в молодых девушек особый страх, что они подпадут под еврейское влияние. Например, в 1817 году две служанки-католички решили тайно перейти в иудаизм — причем совершили это на еврейском кладбище, чтобы никто не заметил. Впоследствии одна из них согласилась выйти замуж за еврея. Еврей уговорил молодую впечатлительную жену и ее подругу перебраться в соседнюю губернию и начать новую жизнь, а там в итоге бросил обеих, предоставив их собственной трагической участи [Schainker 2016: 147–148].

Пока в суде рассматривались это и ему подобные дела, российское правительство провело ряд законов, запрещавших крестьянам работать с евреями и на евреев практически в любом качестве (от извоза до строительства и работ по дому): евреи, державшие почтовые станции, лишались права жить в домах, где проживали работники-христиане; еврей-ремесленники имели право брать подмастерьев-христиан только в том случае, если у них имелся еще хотя бы один работник-христианин; христианкам-кормилицам строжайше воспрещалось выкармливать еврейских детей; евреям запретили использовать труд служанок-христианок в спальнях помещенных. Все эти запреты стали результатом страха перед тем, что у молодых христианок могут случаться интимные связи с евреями и возникать искушение перейти в иудаизм [Еврейская энциклопедия 1991, 11: 492–496; Avrutin 2006: 94].

Озабоченность государства по поводу перехода в иудаизм и блудодействия усилилась после того, как в 1820-е годы в Астраханской, Рязанской и Саратовской губерниях появились общины субботников — этнических русских. Притом что их верования и практики были чрезвычайно неоднородны, в целом субботники придерживались учения и этических традиций иудаизма. Некоторые даже вступали в браки с евреями, соблюдали

¹⁴ О вопросах галахического учения и повседневной жизни см.: [Katz 1989: 49–67, 80–81, 87–105].

¹⁵ [Еврейская энциклопедия 1991, 11: 492–496] (Гессен, Юлий. Наем личный (услужение христиан) по русскому законодательству).

кашрут, справляли еврейские праздники, молились на древнееврейском, носили молитвенные покрывала и филактерии. Власти почти неизменно приписывали рост численности сектантских общин тлетворному влиянию евреев на русское крестьянство. В попытке пресечь пересечение религиозных границ российское правительство приняло экстренные меры: субботники были выселены на дальние окраины империи¹⁶.

Соответственно, история, рассказанная Терентьевой, резонировала с глубоко укорененными страхами по поводу еврейских соблазнов и грехов, обсуждавшимися в административных кругах. Страхов понимал, что служанки играют важную экономическую роль в еврейских домохозяйствах и имеют доступ даже к самым укромным помещениям. Довольно часто служанки питались за одним столом с еврейскими семьями, обучали еврейских детей своим родным языкам, спали с евреями в одной комнате. Благодаря такой укорененности в еврейском быту молодые впечатлительные женщины волей-неволей впитывали еврейские традиции и обряды — не только наблюдая их, но и принимая в них участие [Kalik 2001: 266]. Показания Терентьевой содержали много неожиданных фактов, притом что некоторые ее заявления противоречили предшествующим. Страхов это прекрасно сознавал. Однако на данном этапе расследования он, похоже, не стремился принуждать свою главную свидетельницу к разбору этих нестыковок. Вместо этого он решил двигаться дальше. Были вызваны две ключевые свидетельницы, Авдотья Максимова и Прасковья Козловская — обе, как выяснилось, не понаслышке знали о еврейском образе жизни.

Работая служанкой в доме Цетлиных, Авдотья Максимова неплохо выучила идиш. Объясняться на этом языке ей было сложно, но она без труда понимала все, о чем говорили евреи. Именно поэтому Страхов считал Авдотью особенно ценной свидетельницей. Допрошена она была 4 декабря 1825 года, почти через две недели после первого допроса Терентьевой. Максимова в мельчайших подробностях рассказала, как на протяжении четырех дней перемещала мальчика из дома Ханны в дом Мирки и обратно. Время от времени она, под покровом темноты, ходила прогуляться на рыночную площадь. Один раз сходила при свете дня. Один день запомнился ей особенно четко. Ханна попросила Авдотью сходить к Мирке в трактир и купить стакан красного вина для больного сына. Спустившись в погреб, Авдотья увидела, что на земле лежит что-то завернутое в ткань. Она тут же подошла, развернула ткань и, к своему удивлению, обнаружила мертвое тело. Еврей, которого она раньше никогда не видела, прикрикнул, чтобы она не лезла не в свое дело, а кто-то еще подал ей еще один стакан красного вина и

¹⁶ Данный абзац основан на материале из: [Breyfogle 2011].

приказал уходить из погребца. Все произошло очень быстро, будто во сне, она даже не успела заметить, были ли на теле проколы. Добравшись до дома, Авдотья рассказала Ханне Цетлиной обо всем, что произошло. В ответ Ханна только выдала ей пятирублевик и взяла с нее слово, что она никому не проговорится об увиденном [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 91–92¹⁷].

Чем дольше Авдотья говорила, тем более запутанным делался ее рассказ. Страхов быстро понял, что красноречие Авдотьи сильно превосходит ее способность запоминать увиденное. По ходу второго допроса, состоявшегося на следующий день, 5 декабря, Авдотья не только оговорила саму себя, но и разошлась в нескольких важных пунктах с Терентьевой. Оказалось, что Авдотья (а не Марья) помогла Гликману и его сыну Абраму отвезти тело в лес. Она с уверенностью заявила, что без труда покажет, где именно они закопали труп [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 96–96об¹⁸].

Потом Авдотья описала, как в пасхальный понедельник Гликман и Абрам пришли в дом к Ханне Цетлиной спросить, куда именно отвезти тело. Тот же вопрос евреи задали и Авдотье. Авдотья ответила, что рано или поздно дознаются, кто пролил христианскую кровь. Она предложила отвезти тело на окраину города и спрятать в лесной чаще. Поздно вечером Иосель и Абрам подъехали к дому на рессорной бричке. Ханна разбудила Авдотью и велела смыть кровь, присохшую к телу мальчика. Выполняя указание, Авдотья заметила, что все тело покрыто крошечными ранками, будто ножевыми проколами, а половой член обрезан. Потом она выпила все вино, которое Ханна ей предложила, и сильно захмелев, села в бричку. Она, по собственным словам, поступила «как работница, обязанная выполнять приказание хозяйки». Авдотья признала, что многое из того, о чем она говорит, противоречит ее более ранним показаниям, но все это связано с провалами в памяти, смятением, а также страхом, что она может пострадать от евреев [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 98–99].

Двадцатидвухлетняя Прасковья Козловская (урожденная Пиленкова) работала в доме у Мирки Аронсон весной 1823 года. Она родилась униаткой и ежегодно исповедовалась. На момент исчезновения мальчика Прасковья жила у Аронсон на чердаке вместе с еще двумя служанками, молодой еврейкой из Велижа и старухой-еврейкой родом из Витебска. Прасковья работала у Мирки Аронсон до осени 1824 года, а потом переехала в деревню неподалеку, в дом своего дяди Луки Олейникова (именно его рукой было написано прошение, поданное Терентьевой царю). Еще до возобновления расследования

¹⁷ 4 декабря 1825 года.

¹⁸ 5 декабря 1825 года.

она вышла замуж за польского шляхтича, вместе они перебрались обратно в город [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 127–128, 132¹⁹].

Обязанности, которые Прасковья выполняла в доме у Мирки Аронсон, не включали в себя ничего необычного. Она растапливала печь и поддерживала в ней огонь, носила воду из колодца, мела и мыла полы, ставила самовар. По большей части она убирала комнаты, располагавшиеся вдоль главного фасада, те, где жили Шмерка и Слава Берлин с детьми. В задние комнаты заглядывала редко. При этом она отчетливо помнила, что одну из задних комнат снимал некий горожанин с дочерью, русского или польского происхождения, а верхние комнаты предназначались для гостей, приезжавших в город по делам. Через чердачное окно Прасковья прекрасно видела рыночную площадь, а также могла наблюдать, кто входит в дом и кто выходит. Что примечательно, хотя Прасковья и показала, что в дом заходили Гликман с сыном, но ничего особенного она при этом в доме в тот день не заметила. От еще одной служанки она узнала, что в город приехали два еврея купить сена, но удалось им это или нет, она не знала. Она вспомнила, что они куда-то уходили каждый день, но понятия не имела, куда именно, уезжали ли из города. В погребе у Аронсон она тоже ничего подозрительного не заметила. Более того, Прасковья утверждала, что вообще мало что знает про убийство, помимо того, что до нее доходили слухи, будто в гибели мальчика виноваты евреи. В конце Прасковья сообщила, что с Максимовой знакома давно, а Терентьеву впервые увидела в кабинете городского, когда ее привели на допрос [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 128об–130].

Чиновник по особым поручениям прекрасно понимал, что, согласно требованиям уголовного кодекса, для обвинения в ритуальном убийстве нужны веские эмпирические доказательства. Ему не нужно было напоминать о том, что губернские суды систематически отклоняли все подобные обвинения, выдвигавшиеся в последние годы, да и подробный разбор дела в губернском суде высшей инстанции не дал никаких окончательных выводов. Возможно, история и не была на стороне Страхова, однако то, что ему рассказали, выглядело слишком зловеще, чтобы отнестись к этому легкомысленно. В свете устных показаний дело предстало в совершенно ином ракурсе. Как он мог сбросить все эти признания со счетов? В конце концов, Терентьева и Максимова не просто утверждали, что являлись непосредственными свидетелями убийства — они признали и то, что приняли активное участие в ритуале кровавого жертвоприношения.

¹⁹ 15 декабря 1825 года.

Соответственно, при всей своей противоречивости, показания вроде бы указывали на одно: евреи заклали мальчика, чтобы подмешать его кровь в мацу. Впечатляющий набор улик: убедительные показания очевидцев, результаты вскрытия, вещественные доказательства и общая репутация общины — свидетельствовали в поддержку обвинения. Процедура проведения следствия предполагала: следователи будут исходить из того, что после совершения преступления преступник должен понести наказание [LeDonne 1974: 102]. Но кто убил ребенка? Каковы были мотивы этого бесчеловечного поступка? Насколько масштабен этот заговор? Простых ответов у Страхова не было. В донесении генерал-губернатору он писал, что не потратил зря ни одной минуты. Однако вместо того, чтобы завершить расследование в максимально сжатые сроки, как он надеялся поначалу, чиновник приходил все в большее замешательство, поскольку женщины сперва сознавались в одном, а потом — в совершенно другом [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 213об].

Решив раскрыть дело во что бы то ни стало, Страхов поместил всех трех свидетельниц-подозреваемых под стражу: Терентьеву — 19 ноября 1825 года, Максимову — 1 декабря, а Козловскую — 15 декабря. В том же декабре он арестовал еще двух подозреваемых: Анну Еремееву, бродяжку, якобы обладавшую даром ясновидения и сыгравшую столь важную роль на первой стадии расследования, и восемнадцатилетнюю служанку по имени Меланья Желнова, работавшую в доме у Цетлиных. Страхов пришел к выводу, что о подробностях преступления Еремеева узнала от Терентьевой, скорее всего, когда обе побирушки бродили по городу, выпрашивая подаяние. Желнова, в свою очередь, на предварительном допросе ничего важного не сообщила. Хотя обеих поместили под домашний арест на весь срок проведения следствия, в итоге роль их оказалась малозначительной [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 151, 155]²⁰.

Убедив себя, что евреи совершили преднамеренное убийство с ритуальной целью, Страхов сосредоточился на том, чтобы добиться от них безусловного признания. Работая до глубокой ночи, чиновник выжимал из свидетелей дополнительные сведения и требовал прояснения основных подробностей. Все показания свидетельствуют о том, что допросы были необычайно длительными и психологически изнурительными. Он пришел к выводу, что евреи, по всей видимости, сперва подвергли мальчика мучениям, а потом, незадолго до того, как совершить убийство по предварительному сговору, заставили всех трех женщин выйти из христианской веры и обратиться в иудаизм. Как и любой опытный

²⁰ Страхов допрашивал Анну Еремееву 28 декабря 1825 года [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 145–162].

следователь, цель которого — добиться приговора всем подозреваемым, Страхов, судя по всему, не только обосновал преступление теоретически, но и сыграл ведущую роль в конструировании соответствующего нарратива [Brooks 2000: 40; Leo 2008: 38–39].

В рамках процедуры дознания надлежало собрать, истолковать и взвесить юридически приемлемые доказательства. Суды неизменно оценивали показания, основываясь на социальном статусе, вероисповедании, возрасте и гендерной принадлежности свидетеля. Страхов, единолично проводивший оценку и истолкование собранных показаний, прекрасно сознавал, что арестованные могут делать ложные признания и настаивать на собственной невинности. В цепочке доказательств самым непреложным считалось чистосердечное признание, за ним шли показания врачей и свидетелей, письменные показания, характеристика, данная общиной, и очистительная клятва²¹. Признание несет в себе особую печать подлинности, то есть воплощает в слова неосознанные истины и внутренние тайны — без него Страхов не смог бы обнаружить виновных и продвинуться в дознании. В качестве старшего следователя по этому делу он старательно выпестовал особые отношения между допрашивающими и допрашиваемыми. Руководя всеми беседами, он рассчитывал задействовать чувства зависимости, подчиненности и страха [Brooks 2000: 35].

Страхов мог применить самые разные методы принуждения, чтобы заставить Терентьеву, Максимову и Козловскую заговорить. Однако чиновник по особым поручениям не хотел портить отношения с ключевыми свидетелями по делу. Главным для него было войти к ним в доверие, в надежде, что они выдадут ему скрытую правду и назовут всех своих соучастников. Испробовав несколько подходов, Страхов в результате остановился на самом гуманном. Следуя первому правилу ведения дознания, он распорядился, чтобы женщины посещали церковные службы — надеясь, что литургия разбередит их чувства и подвигнет к признанию. Маркел Тарашкевич, священник Ильинской униатской церкви, сыграл ключевую роль в том, чтобы заставить женщин заговорить. Тарашкевич с самого начала дал свидетельницам-подозреваемым понять, что просит их говорить «только правду», одновременно разъясняя им, каковы будут последствия, если они продолжают упираться [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 2157–2158, 2162–2171об; Ч. 25. Л. 171, 174].

В итоге визиты Тарашкевича принесли неоценимую пользу. Хотя Терентьева с Максимовой и не сошлись во всех подробностях, касавшихся последовательности

²¹ О системах доказательств см.: [Becker 2011: 28–39; Kollmann 2012: 114–118]. То же в более широком контексте см. в: [Langbein 2006].

событий, они очень скоро подтвердили свою роль в преступном сговоре. Поначалу Козловская доставляла Страхову множество неприятностей, однако чем дольше они беседовали, тем более связным делался ее рассказ. Он разговаривал с Терентьевой не менее семи раз, с Максимовой — девять, с Козловской — шесть [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 167–178об²²; Л. 401–416²³; Л. 455–458об²⁴; Л. 589–606об²⁵; Л. 615–617, 620–632об²⁶]. Емкая выжимка имеется в: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 30–39]. Весной 1826 года Страхов сообщил генерал-губернатору, что, согласно показаниям Марьи Терентьевой и Авдотьи Максимовой, малолетний Федор Емельянов был похищен евреями в силу их верований и предрассудков [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Часть 1. Л. 615²⁷]. К апрелю 1827 года, после еще нескольких допросов, Страхов получил полное признание и от Козловской.

После долгих месяцев напряженной работы Страхов смог заставить Терентьеву, Максимову и Козловскую подтвердить показания друг друга до мельчайших подробностей. Вся эта запутанная история включала в себя основные тропы драматического действия «ритуальное убийство», каким оно разыгрывалось по всему миру: обман и сговор, плотский грех и вероотступничество, ошеломительно жестокие действия, вдохновленные фанатическими ритуалами. В нее также входили многие узнаваемые мотивы и стереотипные персонажи, например служанка-христианка, знакомая со всеми интимными подробностями еврейской жизни и религиозных обрядов²⁸. В итоге то, что поначалу было лишь набором несвязных и крайне фрагментарных показаний, превратилось в крепко сбитый исповедальный нарратив, включавший в себя четыре основных элемента: похищение, пытку, вероотступничество и его последствия.

В окончательном варианте мозговым центром заговора выступала Ханна Цетлина, а мальчика сахаром подманила Марья Терентьева — вразрез с ее же предыдущими показаниями. В Светлое воскресенье побирушка зашла к Цетлиным в дом — такое с ней случилось. Ханна налила ей вина, выдала серебряный пятирублевик и велела привести мальчика-христианина. Сперва Марья отказалась, но Ханна заверила ее, что мальчика будут любить и лелеять, прибавила еще два серебряных рубля, налила еще вина и вручила

²² Терентьева, 12 февраля 1826 года.

²³ Терентьева, 3 июня 1826 года.

²⁴ Козловская. 14 июня 1826 года.

²⁵ Терентьева, 23 сентября 1826 года.

²⁶ Максимова, 17 октября 1826 года.

²⁷ 8 октября 1826 года.

²⁸ О служанке-христианке как персонаже сюжета о кровавом навете см.: [Rose 2015].

кусоч сахара. Весь этот разговор слышала Авдотья Максимова. В тот же день именно она встретила Марью с мальчиком у ворот. В доме у Цетлиных находилось множество евреев, в том числе Ханна и Евзик Цетлины, их дочь Итка и нянька Риса. Как только Марья и Авдотья вошли внутрь, Ханна налила им еще вина и взяла с них слово ни о чем никому не рассказывать [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 38–39]²⁹.

Под покровом темноты мальчика тайком провели через рыночную площадь в дом Мирки Аронсон, где Шмерка и Слава Берлины заперли его в крошечной комнатке. Марья провела Светлую неделю (в том числе и субботу, день ритуального отдыха у евреев), перемещая ребенка из одного дома в другой. В среду Ханна велела Авдотье спрятать мальчика в старом сундуке, где раньше стояли банки с соленьями. Чтобы никто его не обнаружил, было решено завернуть его в простыню. А чтобы мальчик не задохнулся, крышку сундука оставили приоткрытой, оставив доступ воздуху. Марья отметила, что именно поэтому следователи и не обнаружили мальчика, когда обыскивали дом Аронсон. Авдотья отметила, что евреи целую неделю не давали ему пищи, а Прасковья сообщила, что на протяжении всего времени, пока следователи вели дознание, снаружи у дома стояли специальные дозорные [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 40–41].

В задней части дома, в светелке, с потолка свисала на веревке деревянная бочка, утыканная стальными гвоздями. У окна, выходящего во двор, стоял стол, покрытый белой скатертью, с большим светильником и подсвечниками. Чтобы подбодрить Марью и Авдотью, Ханна и Мирка предложили им вина с закусками, а потом велели бросить тело в реку сразу после того, как из него выпустят кровь. Тогда Марья с Авдотьей пошли за мальчиком в погреб. Когда они его раздевали, вошла Прасковья, что-то бормоча себе под нос. Авдотья тут же велела Славе не выпускать Прасковью из комнаты, предупредив, что, если та посмеет ослушаться, ее ждет та же участь. Прасковья принесла медное корыто и свежей воды. Марья схватила мальчика за лицо, положила на стол, аккуратно обмыла с ног до головы, а потом поместила в деревянную бочку. Все собравшиеся вокруг евреи по очереди раскачивали бочку туда-сюда; обряд продолжался около двух часов. Когда мальчика наконец вытащили, все тело было ярко-красным, как будто обожженным. Федора положили на стол, тут-то Шифра Берлина и остригла мальчику ногти, а Поселенной сделал ему обрезание [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 42–43]³⁰.

²⁹ См. также: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. 167–178об].

³⁰ См. также: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 401–416].

Настало время отнести мальчика в «большую еврейскую школу», или «синагогу» — использовались оба названия. Синагога, расположенная на Школьной улице, примерно в двух минутах ходьбы от рынка, была выше всех окрестных зданий и являлась центром еврейской общинной жизни. Когда туда принесли мальчика, внутри было еще темно; там собралась большая группа евреев. Марья накрыла мальчику рот платком, чтобы не было слышно его криков. Федора положили на еще один стол, накрытый белой скатертью, руки и ноги крепко связали ремнями. Марья начала обряд, дважды легонько хлопнув его по щекам. Авдотья и все евреи по очереди повторили то же самое. Поселенной дал Марье стальной инструмент, напоминавший нож, и велел проколоть мальчику кожу под левой ноздрей.

Идея поранить ребенка испугала Марью, и, увидев кровь, она бросила гвоздь на землю. Поселенной передал нож Авдотье, та сделала такой же прокол справа. Еще несколько минут Марья, Авдотья и евреи по очереди пронзали тело ребенка. Тот кричал от боли, но через несколько секунд слабо улыбнулся, а потом лишился чувств и умер. Когда Марья вытащила его из лохани, по всему телу у него были крошечные кровавые ранки. Авдотья обмыла Марью особой жидкостью, а потом надела на мальчика то же платье, в котором он отправился на прогулку в Светлое воскресенье [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 43–44].

Опасаясь, что тайна их будет раскрыта, евреи заставили трех женщин перейти в иудейскую веру. Прасковья перешла в иудаизм за несколько часов до того, как мальчика истязали и принесли в жертву, а над Марьей и Авдотьей сложный обряд совершили за несколько дней до похищения. В Светлую среду лекарь Орлик Девириц пригласил Марью к себе домой. Налив ей вина, он припугнул, что если она откажется сменить веру, то ее сошлют в Сибирь. Марья сделала все, как ей велели. Орлик отвел ее в еврейскую школу, где собралась группа евреев — многих из них она никогда раньше не видела. Марья выпила стакан хлебного вина и тут же опьянела. Трое евреев сняли с нее одежду, она сидела, пьяная и нагая, на полу, ее обмыли вином или какой-то особой жидкостью, от которой щипало кожу. Потом, чтобы ее было не опознать, на нее надели мужской сюртук и отвели к реке, где погрузили в воду. Прежде чем отвести ее обратно в школу, евреи обрызгали ее теплой водой [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 44, 50]³¹.

По ходу обряда, напоминавшего шабаш ведьм, Марья проходила через огненный круг и стояла на раскаленной сковороде. Евреи окружили Терентьеву, чтобы она не сбежала. Рот ей завязали, чтобы она не могла кричать, и приказали поклясться в верности

³¹ См. также: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 615–617].

еврейскому народу, отказаться от христианской веры и принять законы иудаизма. Только когда она на все это согласилась, ей позволили сойти со сковороды. Потом Марья надела особую блузу и натерла ноги желтой мазью. После этого ее поставили перед «деревянным шкафчиком» (ковчегом), где за занавеской были спрятаны заповеди (свитки Торы) [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 50].

Пока Марья сидела на цыпочках перед ковчегом с Торой, накрытая черно-белым молитвенным покрывалом, подошел Янкель Черномордик, школьный учитель, и сел с ней рядом. Янкель положил ей на колени листок бумаги с образом Святой Троицы, назвал его «богами христиан» и положил такой же листок себе на колени. Марья плюнула на листок, отказалась от своей веры и произнесла несколько странных слов. Учитель тоже плюнул на образ, а потом велел Марье открыть шкафчик большим пальцем левой руки. Она взяла заповеди в обе руки, а он ее поцеловал и назвал новым именем — Сара [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 51].

Черномордик (известный также по прозвищу Петушок) тут же снова ее поцеловал и сообщил, что теперь ее срочно выдадут замуж за Хаима Хрупина. Марью отвели в особую горницу, где стояло две кровати, одна предназначалась ей. Хаим лег с ней рядом и тут же начал ласкать ее, как ласкал бы собственную жену. Когда они наконец вернулись в синагогу, евреи подали ей дорогое платье и хорошие туфли. Хаим предупредил: она должна и дальше носить простую крестьянскую одежду, чтобы никто ни о чем не узнал. Все евреи начали ее целовать, поздравлять с переходом в их веру, хотя Марья знала, что в душе навсегда останется униаткой [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 51].

Такая же церемония ждала и Авдотью. Ханна вволю напоила Авдотью вином и взяла с нее слово никому не говорить о том, чему она станет свидетельницей. Чтобы никакие тайны точно не выплыли на свет, Ханна хотела, чтобы Авдотья перешла в еврейскую веру. Церемония состоялась ближе к ночи понедельника, следующего за Светлой неделей. В тот день Авдотью напоили сильнее обычного и отправили в дом к Петушку. Авдотья сказала Петушку, что не знает, почему от нее требуют перехода в иудаизм. Петушок заверил, что научит ее молиться и сделает из нее правоверную еврейку. Он привел ее в «школу», куда ходили молиться все богатые евреи, обернул ей голову простым белым платком и поставил ее перед ковчегом. Петушок отдернул занавеску и объяснил, что здесь евреи держат свои заповеди.

Петушок велел Авдотье, стоявшей перед ковчегом, повторять за ним странные слова, которые он читал по тетрадке. Потом он плюнул девять раз и велел ей повторять за ним, что она отрекается «от Христа, от матери, детей и всего своего рода». После этого

дал ей в правую руку метелочку, а в левую — лимон и велел поднести руки к губам. Поцеловав ей кончики пальцев, он заставил положить ладони на свитки, назвал ее новым еврейским именем, Риса, и дал стакан красного вина [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 52]³².

После того как обряд был совершен и над Прасковьей Козловской, Иосель Гликман подвел всех трех женщин к ковчегу. Вынув из-за занавески большую книгу, Иосель напомнил, чтобы они ни одной душе не говорили о том, что видели. Потом прочитал несколько фрагментов из книги. Как только Гликман умолк, вошло несколько евреев с антимином — прямоугольным платом, украшенным образами положения во гроб, четырех евангелистов и надписями, посвященными Страстям Христовым. Его евреи украли из Ильинской церкви. В православии антиминос используется для причастия, также им накрывают престол во время божественной литургии [Skinner 2009: 60–61]. Только после того, как Марья с евреями по очереди совершили гнуснейшие надругательства над священным платом, они собрались выбросить тело в реку. Было раннее утро, перед восходом. Боясь, что их увидят, женщины решили, что незаметнее будет бросить тело в лесу на окраине города [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 44]³³.

Настало время для важнейшего этапа обряда: раздачи крови. Всю кровь собрали в особое корыто и перелили в три больших бутылки. Пока женщины избавлялись от тела, Иосель Гликман отвез одну бутылку в город Ули. Фратка Девирц привела всех назад в школу, где в середине самого большого зала стоял стол, а на нем — две бутылки и корыто. Ее муж Орлик разлил кровь по двум бутылкам, а остатками пропитал кусок льняной ткани длиной около четырех с половиной футов. Ткань нарезали на одинаковые кусочки и раздали всем евреям. Бутылки спрятали под замок в особом шкафу, стоявшем в доме у Мирки Аронсон. На следующий год, на еврейскую Пасху, Орлик Девирц повез Терентьеву в Витебск. Они сразу же пошли в какой-то кирпичный дом, где у входа их встретили две еврейки. Старшая из них прекрасно знала, что делать с кровью: тут же унесла бутылку внутрь и смешала с какой-то неизвестной жидкостью. По дороге домой Терентьева и Девирц остановились в соседнем местечке Лиозно и оставили там третью бутылку. Козловская показала, что видела, как Бася, кухарка Мирки Аронсон, запекала капли крови в крендели [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 45, 48–49].

Эти признания давали представителям закона достаточно оснований продолжить уголовное расследование. До сих пор неясно, ради какой выгоды Терентьева, Максимова

³² См. также: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 620–632об].

³³ См. также: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 589–606об].

и Козловская представили себя участницами убийства по сговору. Возможно, они думали, что Страхов отпустит их, как только они скажут ему то, что ему нужно? В конце концов, полагали они, ему ведь на самом-то деле нужны евреи. А может, на эти рассказы их подвигли зависть и алчность. В любом случае, поскольку Николай I был одержим страхом перед религиозным сектантством, представители власти отреагировали на эти обвинения самым серьезным образом. Идея заключалась в том, чтобы разоблачить заговор и немедленно изолировать от общества все социально опасные элементы. В апреле 1827 года, через полтора с лишним года после начала повторного дознания, Хованский закрыл большую синагогу и приказал Страхову разобраться в случившемся как можно быстрее [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 37]. Чтобы ускорить ход дела, генерал-губернатор отправил офицера Зайковского в Витебское губернское казначейство, коллежского асессора Хруцкого в Витебский губернский суд, а генерал-майора Шкурина — в помощь Страхову. Речь в любом случае шла о серьезном преступлении, за которое, согласно Российскому уголовному кодексу, полагалось чрезвычайно суровое наказание, однако обвинить евреев в ритуальном убийстве было не так-то просто³⁴. Чтобы собрать полную доказательную базу, Страхову и его дознавателям нужно было вынудить евреев выдать свою самую зловещую тайну: что жида-каббалисты действительно вступили в сговор и принесли мальчика-христианина в жертву ради его крови.

³⁴ О сложностях, возникавших в связи с вынесением приговоров ведьмам в Германии Раннего Нового времени, см.: [Robisheaux 2009].

Первые несколько месяцев пребывания в Велиже В. И. Страхов жил в скромно меблированной квартире в самом центре города. Коллежский советник быстро завел в доме целый гарем. В самые глухие ночные часы там видели женщин, пользовавшихся дурной репутацией, в черных накидках, со стаканами вина или водки в руках. По городу ходили слухи, что Страхов щедро платит за их общество и что он тоже иногда появляется в длинном просторном одеянии, похожем на монашескую рясу [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1337об–1338]³⁵. Время шло, Страхов понимал, что для проведения масштабного расследования ему нужно более просторное помещение. В июле 1826 года он такое помещение подыскал. Деревянный дом, стоявший на улице Богдановича, был достаточно велик для того, чтобы разместить в нем всех участников дознания. Местная тюрьма, рассчитанная всего на шесть заключенных, требовала ремонта. Страхов оперативно превратил оставшиеся помещения в новом доме в импровизированные камеры [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 464об]³⁶.

Дом на Богдановича сыграл ключевую роль в уголовном расследовании. Именно здесь комиссия проводила почти все процессуальные действия, здесь держали под замком большинство евреев, равно как и их обвинителей. В решении Страхова превратить частный дом в тюрьму не было ничего столь уж необычного. В маленьких провинциальных городках не имелось оборудованных помещений для содержания большого числа заключенных. По причине скудного финансирования, слабой охраны и постоянной переполненности провинциальных тюрем российское правительство редко использовало их в качестве мест длительного заключения. До второй половины XIX века больших тюрем в России было довольно мало: осужденных за серьезные преступления высылали на каторгу в отдаленные районы страны³⁷. Как и во всем мире во все времена, большинство заключенных российских тюрем составляли не каторжники, которым уже был вынесен приговор, а подследственные, ожидающие допроса и суда под предварительным арестом. Как правило, утомительную обязанность поддерживать порядок в камерах и следить за заключенными принимали на себя отставные офицеры,

³⁵ Устный допрос Ицко Нахимовского, 25 мая 1827 года.

³⁶ Страхов описывает условия в велижской тюрьме в докладной записке Хованскому.

³⁷ О российских тюрьмах см.: [Kollmann 2012: 83–93; Анисимов 1999: 589–614; Beer 2017]. О системе ссылки см. в: [Gentes 2008; Gentes 2010].

которые плохо разбирались в администрировании и следили лишь за тем, чтобы в здании была надлежащая охрана [Adams 1996: 9]³⁸.

К 8 апреля 1826 года Страхов пришел к выводу, что улики у него достаточно, можно переходить к арестам. Первыми под замком оказались Слава Берлина и Ханна Цетлина. Через неделю лишились свободы Ицко Нахимовский, Абрам Глушков и Иосель Турновский. К моменту завершения работы дознавателей как минимум 43 евреям были предъявлены, помимо прочего, обвинения в ритуальном убийстве, предоставлении инструментов для осуществления убийства по сговору, в краже и поругании церковной утвари и насильственном обращении в иудаизм Марьи Терентьевой, Авдотьи Максимовой и Прасковьи Козловской. Тридцать восемь подследственных постоянно проживали в Велиже, еще пять — в соседних деревнях и селах³⁹. Среди подследственных почти 60 % составляли мужчины, 85 % находились в расцвете сил — на четвертом, пятом и шестом десятке жизни. В целом пострадали 29 семей — ошеломительная цифра. При этом около 45 % подследственных принадлежали к самым зажиточным семействам города: Цетлины, Черномордики, Девирцы, Рудниковы и клан Аронсонов/Берлиных (см. Приложение).

Следуя официальной процедуре дознания, Страхов и его подчиненные проводили допросы в отдельной гостевой комнате. В задачу следователя входил систематический допрос подозреваемых, в обязанность подозреваемых входило либо доказать несостоятельность обвинений, либо как можно более внятно изложить, что и как произошло. Хотя пытки были в России официально запрещены, Страхов задействовал самые разные приемы запугивания, манипулирования и психологического давления, чтобы заставить евреев говорить. Пытаясь добиться полного чистосердечного признания — по закону это считалось самым неопровержимым доказательством — он устраивал евреям очные ставки с обвинителями⁴⁰. В России, как и повсюду в Европе Раннего Нового времени, такая техника проведения допросов использовалась прежде всего для того, чтобы снять противоречия в показаниях через прямой диалог обвиняемого и свидетеля [Robisheaux 2009: 193–212]⁴¹. Очные ставки специально проводились с эмоциональным накалом, были долгими и мучительными и служили испытанием терпения и стойкости для

³⁸ Сравнительный обзор возможностей использования местных тюрем для содержания задержанных см. в: [McGowen 1995: 91].

³⁹ Ритуальное убийство не считалось специфически женским преступлением; пол, судя по всему, не играл особой роли в том, кому предъявляли обвинения. О роли гендерной принадлежности в процессах о колдовстве см.: [Rowlands 2013; Briggs 1996: 259–286; Kivelson 2013: 127–167].

⁴⁰ Подробно об очных ставках в российской уголовной практике см.: [Анисимов 1999: 313–390].

⁴¹ Та же техника применялась в СССР. См. напр.: [Kuromiya 2012].

всех участников процесса. Оказавшись лицом к лицу с обвинителями, подозреваемые получали возможность опровергнуть выдвинутые против них обвинения и задать обвинителям свои вопросы.

Уголовное расследование сильно сказалось на Шмерке Берлине. С того дня, когда в лесу обнаружили тело Федора, прошло четыре года. Самый зажиточный купец города превратился в собственную тень. За эти годы Шмерка потерпел ряд финансовых неудач. К лету 1827 года он провел в заключении почти целый год и был этим совершенно измотан. Когда он стоял перед дознавателями и объяснял, что законы еврейской религии однозначно запрещают использовать кровь в религиозных обрядах, писарь отметил, что Шмерка внезапно побледнел и руки у него задрожали. Старательно придерживаясь всех своих изначальных показаний, Шмерка заявил, что не знает точной причины гибели мальчика, а также кто совершил это преступление. «А как к убийству малолетнего мальчика не может быть причин ни христианам, ни евреям, — гласит протокол показаний Шмерки, — ...то он... полагает, что мальчик задавлен кем-нибудь нечаянно экипажем и выброшен в поле [в 1823 году]». По понятиям Шмерки, иной причины убивать невинного ребенка быть не могло. Впоследствии — возможно, из ненависти к евреям — труп был «наколот с тем, чтобы отвести на евреев подозрение» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1484–1490об; Ч. 25. Л. 71]⁴².

Когда дверь открылась и вошла Марья Терентьева, Шмерка тут же воскликнул, что от такой заразы ничего другого и ожидать не приходится. Марья в ответ во всех подробностях описала, как именно евреи мучили мальчика. Шмерка на это только махнул рукой и сказал, что уже устал снова и снова выслушивать одну и ту же историю. По ходу того же допроса Шмерка отметил, что неоднократно сталкивался с Авдотьей Максимовой, а Терентьеву до весны 1823 года не видел ни разу. Он, собственно, вообще не понимал, как можно верить в то, что евреи способны совершить ритуальное убийство ребенка, или, раз уж на то пошло, как из такого маленького тельца можно выцедить столько крови. Далее Шмерка объяснил, что ни он, ни кто-либо из членов его семьи не был в еврейской школе в то время, когда, как считается, был убит мальчик. Поэтому он понятия не имеет о том, разливали ли кровь по бутылкам и пропитывали ли кровью ткань [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1484–1490об; Ч. 3. Л. 1735–1736об; Ч. 3. Л. 1954; Ч. 25. Л. 72].

Жена Шмерки Слава сидела в дальнем конце стола, опираясь на локти — ей с трудом хватило сил продержаться до конца допроса. Испуганная и растерянная, Слава наконец-то предстала перед дознавателями, но каждый раз, едва дав ответ, тут же его

⁴² Устный допрос Шмерки Берлина, 15 июня 1827 года.

меняла. Тем не менее Слава сумела подтвердить множество описанных ее мужем подробностей: что Авдотью Максимову она знала довольно хорошо, однако не может припомнить, чтобы встречалась с нищенствующей Терентьевой, что никто не мучил в их доме христианского мальчика, что она не входила в школу и понятия не имеет ни о каком убийстве по сговору, за вычетом того, что почерпнула из слухов, гулявших по городу [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1462–1463, 1465–1466]⁴³.

Слава все-таки собралась с силами и попыталась опровергнуть обвинения. Глядя Максимовой прямо в глаза, она выкрикнула: «Кто же нес его в школу? Кто это видел? <...> Чье же ты надевала платье? Где же он был у Ханны? Кто его там видел?» Слава продолжала: «Ложь, все ложь, и как самое начало, так и все будет неправда». Оказавшись лицом к лицу с Терентьевой, Слава выкрикнула, что попрошайка постоянно врет, что она никогда ее раньше не видела. На это Терентьева спокойно поинтересовалась, не боится ли Слава Божьего гнева. Дознаватели напомнили Славе, что ее лицо постоянно меняло цвет по ходу допроса: покрывалось «то необыкновенной бледностью, то чрезвычайною краскою». Чтобы она сама заметила эти изменения, ее поставили перед зеркалом. Тем не менее Слава от показаний не отказалась и продолжала отстаивать свою невиновность [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 1699–1703]⁴⁴.

9 июня 1827 года, когда солнце уже давно село, а свечи догорели, Славу попросили подписать письменный протокол. Пока сохли чернила, она заметила, что писарь, который вел протокол, записал ее слова неверно. Она потребовала внести несколько изменений, однако комиссия отказала ей, объявив, что показания являются окончательными. В надежде обелить свое имя, Слава отправила жалобу генерал-губернатору, где описала, как Страхов заставил ее подписать письменный протокол, «стращал ее великим криком» и грозил избить. Страхов тут же поставил вопрос о том, можно ли доверять показаниям Славы, уточнив, что она несколько раз их меняла, а потом в наглости своей потребовала, чтобы «белый допрос» (протокол) был написан точно так, как она считает верным. Из этого поведения, по мысли Страхова, следовало, что Слава все придумала, а жалобу написала в истерическом состоянии, дабы сквитаться с ним за то, что он держит ее под арестом [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1465–1466, 1467–1472об; Ч. 25. Л. 69–70].

Сын Шмерки Гирш не смог привести ни одной причины, по которой кто-либо мог желать смерти маленькому мальчику. Евреям от этого в любом случае не было бы никакой выгоды, заверил он. Он полагал, что солдатский сын мог умереть своей смертью,

⁴³ Устный допрос Славы Берлиной, 9 июня 1827 года.

⁴⁴ Очная ставка, 7 июля 1827 года.

или кто-то мог его убить хотя бы даже ради того, чтобы свалить вину на евреев. Он вспомнил, что сапожник Филипп Азадкевич часто ходил по рыночной площади со старыми книгами в руках и рассказывал всем, кто соглашался его слушать, что евреи используют христианскую кровь в своих религиозных обрядах. Потом он объяснил, что нанял Абрама Глушкова сторожить дом только после того, как его вызвали на допрос. По ходу очной ставки с Терентьевой Гирш обвинил ее во лжи, объявил, что не знаком с ней и она никогда не входила к нему в дом [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1620–1628]⁴⁵. Жена Гирша Шифра, когда ее привели на допрос, впала в панику. Писарь отметил, что она все время плакала, улыбалась и тяжело вздыхала, стараясь по мере сил опровергнуть все обвинения [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 74–75].

На всю семью Берлиных, в том числе и на братьев Шмерки, Меира и Носона, оказывали сильнейшее психологическое давление, чтобы вырвать у них признание. Однако, как бы тяжело им ни приходилось, братья все выдержали. Лицо Меира нервно подергивалось, но он, не отводя глаз от Терентьевой, заявил, что никогда раньше ее не видел и понятия не имеет, о чем она говорит. Терентьева тут же возразила, что он лжет — он знал ее, когда ее звали Сарой. Писарь отмечает, что в этот момент лицо Меира побледнело. Дернув себя изо всех сил за бороду, он прислонился к стене и принялся стучать по ней голыми руками. Потом заплакал. Обвинительнице он заявил, что она лжет, ничего такого не было, она сама не понимает, что говорит, следователи ее запутали. По ходу очной ставки с Терентьевой Носон тоже явственно нервничал. Он сослался на сильную головную боль, сказал, что с трудом может вставать с места и отвечать на вопросы. Как отметил писарь, Носон трясся всем телом, будто в припадке. Прошел час или около того, прежде чем Носон наконец-то смог говорить, однако он забывал слова и с большим трудом отвечал на вопросы. Когда необычайно длительный допрос закончился, Носон отказался подписывать протокол, потому что, как он впоследствии доложил генерал-губернатору, Страхов дважды сильно ударил его в грудь [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 1784–1786об, 1789–1790⁴⁶; Ч. 3. Л. 1792–1793об, 1795–1797об⁴⁷; Ч. 25. Л. 76–79].

Евзик Цетлин знал Шмерку Берлина всю свою жизнь. Они жили практически по соседству. Время от времени вели совместные дела, в частности, совсем недавно строили стекольный завод в одном из уездов. Берлины и Цетлины были двумя самыми

⁴⁵ Устный допрос Гирша Берлина, 30 июня 1827 года.

⁴⁶ Устный допрос Носона Берлина, 13 июля 1827 года.

⁴⁷ Устный допрос Меира Берлина, 13 июля 1827 года.

зажиточными семьями в городе, они часто общались, особенно близкими подругами были жены. Однако когда по городу поползли слухи о ритуальном убийстве, Евзику с его женой Ханной стало не до светской жизни. Цетлины потеряли большую часть капитала, вложенного в завод. Евзик почти все время кручинился дома, придумывая способы вернуть деньги, а его жена Ханна ухаживала за больным сыном. Евзик вспомнил, что кто-то из соседей рассказал ему о том, что в лесу нашли труп мальчика, однако он не потрудился осмотреть труп и понятия не имел, кто совершил убийство. Хотя на улицах и болтали, что солдатского сына убили евреи по своим дьявольским соображениям, Евзик заверил следователей, что евреи на такое не способны. Он пояснил, что законы еврейской религии запрещают евреям употреблять в пищу христианскую кровь, да и вообще любую кровь [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 1922–1923, 1930–1938⁴⁸; Ч. 25. Л. 59–62].

Евзик, как и Гирш Берлин, предполагал, что всю эту историю затеял сапожник Азадкевич, настроив Терентьеву, Максимову и многих других соседей-христиан против еврейской общины. Евзик вспомнил, что Азадкевич был на него в обиде с того самого дня, когда его избрали ратманом. Однажды Азадкевич попросил рассудить его тяжбу с двумя евреями. Речь шла о мошеннической финансовой операции. Азадкевич просто хотел, чтобы Евзик пригрозил евреям. Однако тот, будучи ратманом, не стал этого делать. Вместо этого он посадил Азадкевича в кутузку на хлеб и воду. В заточении Азадкевич угрожал Евзику, что когда-нибудь с ним сквитается. Весной 1823 года момент наконец настал: вскоре после якобы ритуального убийства мальчика Азадкевич ходил по городу и хвастался направо и налево, что Ханна и Слава просидят за решеткой не меньше пяти лет [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 59].

Обстановка на допросе накалялась, Страхов просмотрел свои пространные записки и заметил явное противоречие. Почему Евзик утверждает, что никогда раньше не встречался с Терентьевой, если Ханна вначале показала, что побирушку несколько раз выставляли из дома Цетлиных? Страхов напомнил Евзику: его жена подробно разъяснила, почему обвинение в убийстве нужно предъявить Терентьевой. Евзик заверил Страхова, что тому есть простое объяснение. В шинок заходят самые разные люди, из разных сословий, за всеми не уследишь. Возможно, жена его и выгнала Терентьеву из заведения, но лично он не помнит, когда и почему. Евзик пояснил, что ровным счетом ничего не знает об убийстве. Что касается трех обвинительниц, знаком он только с Максимовой и знает доподлинно, что она не переходила в еврейскую веру. Максимова не только регулярно ходила к исповеди, но в еврейские праздники и в субботу торговала в шинке

⁴⁸ Устный допрос Евзика Цетлина, 3–4 августа 1827 года.

вином и пивом, рассчитывалась с покупателями, носила воду из колодца, растапливала печь — то есть делала все строго запрещенные евреям вещи [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 60].

К ноябрю 1826 года Евзик просидел взаперти почти пять месяцев. Однажды вечером, примерно через полчаса после того, как ему принесли ужин, он сбросил одежду, разорвал рубаху на мелкие клочки и начал громко кричать, чтобы к нему позвали Страхова. Дежурный охранник увидел, как голый Евзик в истерике бегаёт кругами по комнате. Охранник побежал к Страхову и попросил его срочно прийти — мол, Евзик Цетлин повредился рассудком. Когда Страхов наконец подошел, ему предстало душераздирающее зрелище. Евзик был в состоянии крайнего возбуждения, не желал отвечать на вопросы и вообще не обращал на Страхова никакого внимания. Через некоторое время охранники связали ему ноги. Впрочем, уговорить его оказалось нелегко. Несколько минут он продолжал брыкаться и кричать, а потом свалился с кровати на пол. К этому моменту оставшиеся силы его покинули, и он наконец утихомирился. Через несколько дней он объяснил, что непрекращающиеся допросы ввергли его в состояние полной безысходности. Страхов ему якобы неоднократно лгал. Глубокой ночью, пока никто не видел, Страхов подменил письменные показания за его подписью, в итоге оказалось, что он сознался в одном, хотя на деле он говорил совершенно другое. Евзик надеялся, что рано или поздно всему городу станет известно, как несправедливо с ним обошлись [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 159–160].

Ханна Цетлина также была крайне подавлена. Ее очень пугали допросы Страхова. Она делалась «смертельно бледной», дрожала всем телом от изнеможения и изо всех сил пыталась доказать, что ничего не выдумывает. Она отрицала, что заходила в тот день к Мирке Аронсон и в синагогу. Она понятия не имела, распределялись ли между евреями бутылки с кровью, пропитывали ли кровью ткань, чтобы потом нарезать на лоскутки. Единственное, что она знала наверняка, — что Авдотья никогда не приносила этих бутылок к ней в дом. Ханна припомнила, что на еврейскую Пасху готовила сладости, но отрицала, что подмешивала в булочки и кренделя христианскую кровь, а потом отправляла выпечку в Витебск. Во время очной ставки с Авдотьей Ханна выкрикнула, что все сказанное — ложь, Авдотья безумна и ничего не помнит [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1449–1449об⁴⁹].

По ходу другого допроса Ханна заявила Страхову, что Авдотья Максимова слишком хорошо ее знает, чтобы обвинять в ритуальном убийстве. Авдотья прожила в их семье

⁴⁹ 7 июня 1827 года.

десять лет. Однажды, когда ее обвинили в краже и ей грозила ссылка в Сибирь, Цетлины даже поручились за нее. Ханна отметила, что, работая на них, Авдотья всегда выглядела «счастливой и довольной», и напомнила Страхову, что весной 1823 года Авдотья показала: она ничего не знает про убийство. В этом и состояла вся абсурдность обвинения. «Какая мне нужда, что три женщины на меня показывают, хотя бы их было и десять, а я все буду говорить, что ничего не знаю» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 57]. Дочь Ханны Итка — которой, когда разгорелся скандал, было всего 12 лет — также никак не могла понять, зачем Авдотье выдвигать столь ужасные обвинения. Итка почти все время проводила на улице, играя с друзьями, и мало обращала внимание на ход расследования. По ходу очной ставки Итка сказала Авдотье: «Вспомни, что я на твоих руках выросла, твоими словами, Авдотья, правда не откроется, вспомни, сколько раз я за тебя в ногах валялась и меня уговаривали, чтобы я сказала правду» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 63].

Имеются и другие истории, похожие на истории Ханны и Итки. По ходу всех допросов Зуся Рудняков отказывался смотреть Страхову в глаза. Зуся выглядел испуганным и растерянным, чем больше вопросов ему задавали, тем тяжелее делалось его дыхание. Когда Страхов показал ему нечто похожее на окровавленные клочки ткани, Зуся побледнел и заплакал. Терентьева принесла эти клочки следователю как доказательство факта ритуального убийства, однако Зуся не собирался их рассматривать. Вместо этого он постоянно в растерянности потирал лоб. Писарь отметил, что, как только в комнату вошла Терентьева, Зуся принялся нервно ходить взад-вперед, то и дело глубоко вздыхая и очень громко ее понося [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 95]. Ицко Беляев назвал Терентьеву свиньей и безумной. Когда Терентьева вспоминала, как ее по ходу обращения поставили на раскаленную сковороду — мол, ноги у нее болят до сих пор — Ицко не выдержал и заплакал. Он спросил Терентьеву: «Как, в три года не могли у тебя поджечь обожженные ноги твои?» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 109]. Еще один задержанный, по имени Абрам Кисин, громко кричал и колотил руками и ногами по кровати. Он метался во все стороны, звал отца, жену и детей, чтобы они его спасли, потому что ему казалось, что «все пропало» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 117].

Пока шло расследование, Бася Аронсон еще препиралась со своей невесткой Славой Берлиной по поводу неоплаченного долга в 1000 рублей. Страсти накалились настолько, что женщины обратились в *бет дин* (раввинский суд). Пока дело рассматривалось там, Бася избегала Славу. По этой причине она понятия не имела, кто на самом деле замучил мальчика, ибо — так она пояснила Страхову — у нее не было никакого желания видеть

Славу и говорить с ней [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 4. Л. 2651–2651об; Ч. 3. Л. 1773–1774; Ч. 25. Л. 87⁵⁰]. Иосель Гликман, обвинявшийся в том, что это он перевез тело мальчика в лес, подкинул еще одну теорию: «Полагает он, что солдатского сына умертвили не евреи, которым кровь по их закону не нужна; а кто-нибудь исколол его евреям на шутку; что если бы умертвили его евреи, то не нужно бы было относить его за три версты за город: ибо много нашли бы мест, где бы можно было его спрятать». Стоя на коленях перед дознавателями, Гликман несколько раз повторил: «Помилуйте! Помилуйте!» Он отказался пояснять, что имеет в виду. Вместо этого он нервно ходил по комнате, иногда глубоко вздыхая, потирал лицо и голову руками и постоянно жаловался на плохое самочувствие [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 88–89].

Среди подследственных были и другие, которые тоже не могли понять, как можно поверить, будто евреи насильно заставили Терентьеву, Максимова и Козловскую перейти в еврейскую веру. Янкель Черномордик объяснял Страхову, что «они никогда в оную обращены не были, потому что евреи в свою веру христиан не принимают, и если бы они были еврейками, то должны бы они были заходить в еврейском платье». По ходу очной ставки с Терентьевой Янкелю не удавалось четко сформулировать свои мысли. Мог он только плакать и бормотать под нос: «Это напасть от Бога, помилуйте! Я не знаю, что она говорит» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 98–99].

Тридцатилетняя дочь Янкеля Хайка тоже не могла понять, о чем толкуют три обвинительницы. Хайка незадолго до того вышла замуж, и они с мужем переехали в соседнюю деревню. Муж нашел место управляющего в поместье шляхтича, она редко бывала в Велиже, заезжала только навестить родителей. Это мог подтвердить любой житель деревни Сафоново, где они с мужем жили. Поэтому Хайка понятия не имела, кто убил мальчика и имело ли место насильственное обращение обвинительниц в еврейскую веру. Она никогда не бывала в губернском городе Витебске, вопреки словам Терентьевой. По ходу очной ставки Хайка бросила на Терентьеву уничижительный взгляд, а потом опустила глаза и заходила по комнате, так же как до нее Иосель Гликман и ее отец. Когда Страхов вытащил пропитанные кровью лоскуты и положил их на стол, Хайка, как отметил писарь, задрожала от волнения. Но даже в этом возбужденном состоянии она отказалась рассматривать лоскуты. Вместо этого Хайка долго смотрела прямо в глаза своей обвинительнице — по мнению писаря, она пыталась запугать Терентьеву [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 98–99].

⁵⁰ Устный допрос Баси Аронсон, 13 июля и 31 октября 1827 года.

В отличие от других подследственных, которые родились и выросли в Велиже, Хаим Хрупин приехал туда в возрасте двадцати шести лет. Он нашел работу домашнего учителя и решил остаться. Хрупин проживал, вместе с женой и детьми, в деревянном домишке за рекой, на самой окраине города. В доме было два отдельных входа и общий двор. Одну половину дома занимал Хаим с семьей, в другой проживали Марья Терентьева и хозяйка-христианка, у которой она снимала жилье. Хаим часто сталкивался с Терентьевой, но ясно помнил только один эпизод: он застал ее, когда она рылась в его вещах. Он был уверен, что она хотела что-то украсть — такая у нее в городе была репутация — а потому немедленно выставил ее вон. Почему Хаим раньше никогда не упоминал об этой важнейшей подробности? У Хаима было простое объяснение: боялся, потому что по городу ходили слухи о том, что на допросах над евреями издеваются [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 109–110].

Хаим преподавал еврейский язык и плохо владел русским, а потому сомневался, что сумел донести до дознавателей все необходимое для собственного оправдания. Именно поэтому он не стеснялся, когда его привели на второй допрос. Он решительно отрицал, что заходил в синагогу во время церемонии обращения, что ложился с Терентьевой в одну постель. По ходу очной ставки Хаим сказал Терентьевой, что она никогда не была еврейкой, как он не был цыганом. Он считал, что Терентьева выдвигает все эти бессмысленные обвинения потому, что затаила на него зло после той истории, когда он выставил ее из дома. Он был уверен: что бы Терентьева ни говорила, ни один еврей никогда не подтвердит ее слов. Что касается обвинений в интимной связи с Терентьевой, Хрупин отметил, что это «противно еврейскому закону, и ни один еврей не может быть на одной кровати с другою, кроме своей жены, женщиной, на Марье же он никогда женат не был и *ктубы* с нею кагальный писарь ему не писал; и как Терентьева показывает все неправду, то он Хрупин и просит Бога, чтобы она была жива». «Ибо будет время, что она если не в сей Комиссии, то в другом месте скажет правду, — предсказывал Хрупин, — а если она Терентьева умрет, тогда пропали евреи, потому что правда не найдется... Если бы он Хрупин каждый день мог говорить в Комиссии, то всегда говорил бы то же, что Терентьева говорит неправду» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 111].

Почти все евреи сохраняли твердость по ходу жестких и чрезвычайно недружелюбных допросов. Они не только не желали говорить следователям то, что те хотели услышать, и отрицали всякую свою причастность к преступлению, но и раз за разом отказывались подписывать письменные признания. Например, Руман Нахимовский, по щекам у которого струились слезы, прижал руки к животу и содрогнулся, когда

Страхов показал ему окровавленные лоскутья. Руман был служкой в синагоге, чинил все, что ломалось, ходил по пятницам по городу — собирал свечи. По ходу допроса Руман все дольше обдумывал каждый следующий вопрос и выглядел явно напуганным. В какой-то момент прислонился к печке в углу комнаты и уставился на дверь, будто ждал, что кто-то войдет. В тот же день, позднее, Максимова сказала ему, чтобы он не запирался — правда все равно выйдет на свет. Руман ответил, что никогда не признается в преступлении, которого не совершал. Терентьева тоже выдавливала из Румана признание: настаивала на том, что они знакомы, что вместе закололи мальчика и он обратил ее в иудаизм. Она кричала: Бог не попустит, чтобы кровь мальчика пролилась зря. На это Руман отвечал ей, что ей наговорили неправды — евреям не нужна христианская кровь. После этого он сказал дознавателям, что у него кончились силы. Он не может признаться в том, чего не совершал, и лучше умрет [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 101].

Дом на улице Богдановича, скорее напоминавший средневековую темницу, чем место для содержания под стражей, все же не был полностью изолирован от жизни маленького городка [Geltner 2008: 72]⁵¹. Он находился в самом центре, неподалеку от рыночной площади. В нем, как и в любом другом тюремном учреждении, существовали собственные правила и система взаимоотношений. Каждый день туда в большом количестве заходили представители администрации, члены их семей, переводчики и медики. Посетители приносили горячую еду, чай и кофе, одежду, свечи, лекарства, книги и газеты. Кроме того, подследственные могли приобретать определенные товары: муку, говядину, рыбу, яйца и молоко [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 416об].

Обитатели дома — следователи, караульные и подследственные — волей-неволей приспособлялись к тюремному быту. В этом мирке скученность была нормой жизни, подслушивать чужие разговоры и общаться с друзьями и родными, находившимися снаружи, не составляло никакого труда. Помещения на первом этаже лучше освещались и отапливались. Один из подследственных, например, радовался, что его не держат на чердаке, где освещение было особенно скудным; тем не менее там находилось как минимум двое евреев [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 336]. Впрочем, у этого темного места были свои преимущества. На первом этаже постоянно дежурили караульные, на чердак же они заглядывали редко. Подследственные без труда могли открывать маленькие окошки и общаться на особом языке жестов — эта практика была в

⁵¹ О существовавшей в средневековой Европе практике содержания узников в частных домах см.: [Dunbabin 2002: 62–79].

ходу во многих тюрьмах Европы — с теми, кто находился на рыночной площади [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 413]⁵².

Летом 1827 года Страхов произвел еще несколько арестов. Поскольку и дом на улице Богдановича, и городская тюрьма были заполнены до отказа, чиновнику по особым поручениям пришлось импровизировать. У следователей не было средств на строительство новых камер — пришлось думать, где устроить временное узилище. 15 июля Страхов нашел еще один дом, тоже неподалеку от рыночной площади, где хватило бы места для увеличившегося числа узников и охранников. Остается неясным, пустовало ли это здание или жителей вынудили его покинуть. В любом случае это оказалось наименее затратным решением проблемы перенаселения. У чиновников не было нужды заботиться о питании, постельном белье и прочих принадлежностях: все это по просьбе подследственных могли приносить друзья и родные [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 1833–1834, 1892–1897, 1925–1925об].

Множество записок — некоторые из них представляют собой лишь фрагменты, — которые были тайком вынесены из двух домов и из городской тюрьмы, позволяют восстановить интимные подробности тюремного быта. Поскольку доставать бумагу и чернила было сложно, узники писали записочки крошечными еврейскими буквами на всем, что подворачивалось под руку: щепках, лоскутках, даже на ложках и вилках [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 334об]. Дознаватели не могли контролировать каждый миг их жизни. Как бы они ни старались ограничить общение, узники умудрялись видеться, разговаривать друг с другом, обмениваться посланиями [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 418об].

Пользуясь языком жестов, узники получали обрывочную информацию о том, что происходило вокруг, узнавали о новых арестах, здоровье и благополучии родных, о том, удалось ли доставить их послания. Например, до своего ареста дочь Евзика Цетлина, Итка, подходила к дому, делала руками странные знаки, иногда прикрепляла записки к отцовскому окну [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 188; Ч. 2. Л. 1236]. Некоторые заключенные общались с друзьями, родными и соседями в заранее оговоренное время. Другие ждали, пока дежурные охранники отойдут подальше, открывали окна и заговаривали с прохожими. Те, чьи камеры разделяла стена, часто громко пели или молились, таким образом общаясь с соседями [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 418об].

⁵² Анализ языка жестов и других способов коммуникации в тюрьмах см. в: [O'Brien 1982: 77–79, 88].

Тот факт, что узникам все-таки удавалось поддерживать связи с внешним миром, не означал, что они не страдали от одиночества, скуки и меланхолии. Хаим Хрупин, которому не терпелось узнать новости о своих маленьких детях, писал жене: «Пожалуйста, сообщи, начал ли мой сын читать. Прошу также привести сына, когда принесешь мне еду. Скажи, пусть встанет возле моего окна. Скажи дочери также встать возле моего окна» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 415]. Хотя его душевное и физическое состояние ухудшалось, он пытался успокоить жену: «Прошу тебя, дорогая жена, обо мне не беспокоиться. Я в добром здравии, нервы, слава Богу, не расшатались» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 414]. Далее Хрупин пишет матери: «Пожалуйста, не скучай обо мне слишком сильно. Кому это поможет? Возможно, Бог позволит мне еще раз предстать перед судом дознавателей. Надеюсь, что по ходу следующих допросов у них наберется достаточно доказательств, чтобы меня отпустили, а самое главное — прольется свет на все те глупости, в которых меня обвиняют. Молю, чтобы необрезанный [Страхов] наконец-то сознался в том, что лично подписал протоколы допроса» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 489].

Жена Хрупина пыталась заверить мужа в том, что дома все в порядке. «Ради Бога, за нас не беспокойся. Нам бояться нечего. Не потому, что самые опасные времена уже миновали, а потому, что уверяю тебя: нам бояться нечего. По поводу денег тоже не волнуйся». Еврейская община поддерживала деньгами нищих и нуждающихся. Жена Хрупина пишет, что из этих денег смогла до последней копейки рассчитаться с домашним учителем. Она была уверена, что денег хватит еще на несколько недель, останется даже на покупку шубы на ярмарке. «Прошу, за нас не беспокойся и не грусти, — пишет она далее. — Береги свое здоровье, а то заболеешь. Почему не прислал рубашки в стирку? Почему не прислал грязную посуду?» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 489–490]

В другом письме жена Хрупина пишет о сыне и высказывает опасения, что про их обмен письмами могут узнать:

Сын страшно по тебе скучает. В ближайшие дни будет учиться дома. <...> Уже начал читать сидур (молитвенник), получается очень неплохо. За меня и за расходы по хозяйству не беспокойся, ничего не изменилось. Только по тебе скучаю. Не знаю, получил ли ты еду, которую я тебе посылала. Также не понимаю, почему ты ничего не доедаешь — чтобы иметь возможность прислать мне записку? Я страшно боюсь [что охранники узнают про нашу переписку]. Не советую тебе отправлять записки таким способом. Не переживай, что тебя запирают так прочно. Это не потому, что ты сделал что-то плохое, а потому, что Нота [Прудков] сбежал из тюрьмы. <...> Все [в городе] перепуганы этим расследованием. Началась война. Несколько наших братьев недавно призвали [в

кантонисты]. Если можно прислать записку с твоим доверенным, так и сделай, но больше никого не проси [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 585–585об].

С праздностью и скукой все узники боролись по-разному. Ханна Цетлина, например, попросила передать ей пряжу, спицы и книги; другой узник просил книги — в том числе два тома Талмуда — и чернил [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 334об]. Когда отвлечься не удавалось, на помощь в борьбе со стрессом от заточения приходила вера. Благословения пищи, рецитации и молитвы, соблюдение постов и праздников еврейского календаря помогали упорядочивать жизнь. Например, один узник попросил прислать ему из дома на Пасху целый ряд предметов, чтобы прочитать историю исхода израильтян из Египта при свете свечи. Кроме того, он попросил пасхального вина, чистую белую скатерть и носовой платок, чтобы покрыть голову. Через несколько дней тот же узник прислал более подробный список: опресноки (передать до начала Пасхи), листья хрена, запеченные крылья (от любой птицы), молодой зеленый лук, толченые орехи с яблоками, английский перец, корица, рейнское вино, медовый напиток и бокал для вина. «Благословен Бог, что не лишил меня своей милости и меня не отправили в темное место, на чердак, где ничего не видно, с двумя другими, — заключал он. — Прошу также принести мне чаю и сахара к празднику, яиц и рыбы для праздничной трапезы, если это не слишком дорого. Других новостей у меня нет. Да поможет мне Бог» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 335–335об].

Все заключенные-евреи без исключения жаловались на состояние здоровья и плохую гигиену. Из переписки можно составить четкое представление обо всех их злключениях: обострениях хронических заболеваний, нервных припадках, расстройствах пищеварения. О своем здоровье евреи говорили необычайно откровенно. «Я совсем болен, — писал один узник, — очень болят рука, бок и голова. Доктор прописал лекарство, но оно все вышло. Попробовал сообщить [следственной комиссии], как ужасно себя чувствую, но никто не обращает внимания». Он продолжает: «Врач раньше заходил каждый день, а теперь только раз в неделю, поэтому мое состояние так быстро и ухудшается. Бог ведает, что со мной будет. Я болен, но никто не слушает» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 489]. Лекарства порой были недоступны, порой не действовали. Один из подследственных, например, просил улучшить ему питание, чтобы приглушить боль. «Я нездоров, — писал он. — Принимаю какие-то порошки, но они не помогают. Похоже, у меня геморрой... Сегодня еще принял несколько разных пилюль от запора. Меня это тревожит. Аппетит, слава Богу, хороший, а в остальном очень тяжело»

[РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 857–857об]. Позднее тот же узник писал, что все-таки не справился с болезнью:

Очень болен. Да поможет мне Бог. Давно страдаю запором. Попробовал лекарства, но порошки не действуют. Дважды в день жидкий стул с кровью, но я раздут, как бочка. Чувствую, как внутри бьется кровь, при этом запор. Прошу вас, милосердные братья, молитесь, чтобы я вышел отсюда живым. Притом что аппетит у меня отличный, я считал, что лучше воздержаться от еды во время приема лекарства. Не помогло, в итоге врач велел мне есть [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 858].

Главным желанием евреев было поскорее выйти на свободу. Сильно рискуя, они царапали записочки в надежде, что кто-то вызволит их из беды. Хаим Хрупин умолял жену помочь предать его положение гласности. «Пишу к вам, дорогие мои братья, сыны Израиля, и молю прийти нам на помощь. Горе мне! Горе мне! Пожалейте нас. Спешите, быстрее, страшные вещи с нами творят!» Хрупин был убежден, что обвинения Терентьевой будут опровергнуты, это всего лишь вопрос времени. «Если в том, что она про нас говорит, обнаружится хоть крупица истины, пусть меня повесят посреди рыночной площади» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 590–590об]. Другие узники зывали к друзьям и родным, чтобы те осознали всю серьезность положения. Одна из подследственных, например, описывает, как дознаватели посадили ее напротив трех обвинительниц: «Три бабы говорили до того, что у меня потемнело в глазах; сначала я держалась твердо, покуда не свалилась с ног. Коротко сказать, очень худо, старайтесь сделать это, для прославления Божьего имени, и пожертвуйте собою; терять нечего. На нас на всех надежды мало, всем очень худо будет» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 182].

Общение с волей стремительно превращалось в сложную игру в прятки⁵³. Хотя караульные в целом благожелательно относились к незаконным передачам, они во многих случаях проводили конфискацию частных писем — искали темные тайны евреев. «Несколько недель назад ко мне вошел караульный и нашел под подушкой две щепки, — отмечает кто-то из узников. — Забрал обе и тут же швырнул в огонь» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 858–858об]. Когда давать взятки оказывалось опасно или бессмысленно, евреи передавали записки в мисках и горшках, в кусках говядины и рыбы, в бутылках с вином и водой, в подкладках платьев и кафтанов, в женских париках.

⁵³ Подробный анализ практик сокрытия см. во вступительной статье Ф. Розенгартена в книге: [Gramsci 1994: 13].

Как бы тщательно евреи ни скрывали свои намерения, даже самые изощренные схемы не всегда срабатывали. Узники жаловались на то, что их послания остаются без ответа. «Я тебе уже сообщал о своих бедах, — пишет кому-то из друзей или родных Янкель Черномордик, — а ты не даешь себе труда посмотреть на щепочки [имеются в виду записки] в том, что я тебе отправляю обратно». Черномордик пытался привязывать записочки к чайнику, чулкам, ложкам, предметам одежды и *цицис* (нитям на ритуальном покрывале). «Какую же нужно иметь тупую голову, чтобы не понимать моих сигналов, — пишет он. — Велел же завязать нитку в узелок и внимательнее смотреть на тарелки, которые я возвращаю» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 187]. В другом послании, адресованном еще кому-то из друзей или родных, Черномордик не сдерживается: «Тяжело мне, что все это время не удастся поесть. Попытался сказать ему, чтобы прикрепил нитку внутри тарелки [чтобы вытащить мою записку]. Снова возвращаю рыбу, а он будто не понимает, зачем я это делаю» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 485об; РГИА. Ч. 25. Л. 187]. Другой подследственный пишет в том же тоне — он не понимает, почему на все его записки нет никакого ответа. «Я будто камни кидаю в море» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 10. Л. 379].

Дознавателям же конфискованные записки служили дополнительным доказательством того, что евреи все-таки замешаны в ритуальном убийстве. Специалисты по языку — в основном выкресты на службе у государства — отмечали, что евреи вставляют в текст особые зашифрованные еврейские слова, в результате чего понять его истинный смысл крайне сложно [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 188]. Страхов был убежден в том, что евреи манипулируют следствием и пересылают друзьям и родным тайные сообщения, чтобы подготовить их на тот случай, если и их вызовут на допрос. Как еще было объяснить то, что евреи, несмотря на все трудности, так отчаянно старались связаться с волей [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 188]? Чтобы обнажить всю глубину заговора, дознаватели демонстрировали эти записки подследственным, однако те быстро раскусили их тактику. Хаим Хрупин признал, что писал жене, чтобы та ехала в столицу и подала жалобу императору. «Все вы лжецы, — восклицал он. — Вы нарушаете закон. Я все расскажу государю». Итка Цетлина заверяла дознавателей, что понятия не имеет о смысле этих записок, поскольку не помнит, как она их писала. Другой подследственный заявил, что, возможно, это и его записки, но точно он вспомнить не может. Он вышел из себя: «Бейте меня, прибейте меня, это будет лучше, я этого хочу; что это такое будет, что все Члены Комиссии действуют беззаконно. <...> Мы хотим

доказывать правду, а от нас ничего не принимают; нам здесь никакой нет защиты» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 188–192, **цит. на** Л. 190, 192].

Удивительно, что, несмотря на суровые условия заточения, столь многие евреи твердо стояли на своем, хотя, понятное дело, и не все. Некоторым казалось, что если они скажут дознавателям то, что те хотят услышать, то смогут рассчитывать на снисхождение. Например, Ицко Нахимовский, отсидев в заточении почти два года, в конце концов сломался и пообещал открыть правду. В течение десяти-двенадцати лет (точно он вспомнить не мог) Ицко снимал две комнаты у Шмерки Берлина, держал там небольшой шинок, торговал овсом и сеном. Ицко сообщил Страхову, что все, что ему осталось — это его память и способность говорить: «Память его будет помнить, язык будет говорить, душа его доказывать правду насчет его обиды, насчет мучения, насчет всего дела, хотя дело до него не касается, только он может ратовать (спасать) людей, а человек дорог Богу». Нахимовский так и не объяснил, что он имеет в виду. Месяц проходил за месяцем, и у Ицко, сидевшего в одиночке, все чаще случались от нервов припадки ярости. Он пугался самых незначительных вещей. Единственное утешение он находил в том, чтобы смотреть в крохотное окошко своей камеры на людей, ходивших по рыночной площади. Потом Страхов неожиданно перевел Ицко в камеру, которая выходила окнами во двор. Состояние Ицко тут же ухудшилось. Он все отчетливее осознавал безысходность положения и в итоге решил на побег. Дождлся, когда все отвернулись, выскочил через ворота на Ильинскую улицу, во весь голос крича, что не в состоянии больше сидеть взаперти и покончит с собой. Ему удалось добежать до Ильинской церкви, там его перехватил охранник и отвел обратно в камеру [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 102–106; Ч. 2. Л. 1337–1337об, 1339об⁵⁴].

Весной 1823 года Нота Прудков ездил по делам в Ригу — покупать пиленый лес. Когда в июне или июле он вернулся, весь город так и гудел от страшных слухов. Прудкова арестовали 4 февраля 1828 года. Стоя перед дознавателями и дрожа от страха, он никак не мог понять, за что Страхов мучает его, безграмотного бедняка, когда столько «богатых» евреев остаются на свободе. Прудков считал, что лучший способ вернуть себе свободу — полное чистосердечное признание. Хотя он и не был согласен со всеми утверждениями Терентьевой, он показал, что небольшая группа «богатых» евреев действительно совершила упомянутый ритуал. Он не знал, резали они или кололи тело, не знал, почему именно они это сделали. Возможно, по религиозным причинам, но даже если это и так, Прудков заверил дознавателей, что только самые богатые и образованные евреи

⁵⁴ Устный допрос Ицко Нахимовского, 25 мая 1827 года.

общины знают все эти сложные обряды [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 134–149; Ч. 6. Л. 4767–4767об].

Поскольку признаниям его никто не внял, Прудков решил попробовать иную тактику. Ясно ему было одно: он не в состоянии больше находиться в одиночном заключении. Он дождался, пока все уснут, голыми руками вскрыл деревянный пол, вытащил из-под кровати палку, которую приберег на такой случай, и прорыл под стеной дома подкоп. Выбравшись наружу, он тут же направился на набережную и булыжником раздробил ножные кандалы на мелкие кусочки. Похоже, далеко он не ушел. Уже на следующий день один из охранников обнаружил его в доме у соседа. Прудков пояснил, что сбежал, чтобы креститься — он якобы давно уже намеревался так поступить; следователи не вняли и этому оправданию [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 7. Л. 5371–5371об, 5380–5381об, 5932–5933об⁵⁵].

Самым сенсационным стало признание Фратки Девирц. Ее арестовали 11 июля 1827 года, почти через пять месяцев после ее мужа, аптекаря Орлика. Поначалу Фратка отрицала все предъявленные ей обвинения. Едва войдя в комнату для допросов, она закричала, что ничего не знает про убийство и не знает этих попрошаек. Так неужели дознаватели верят их рассказам? Фратка сделала круг по комнате, крича во весь голос, что пусть уж ее лучше выпорют кнутом, чем заставляют отвечать на новые вопросы. Держалась Фратка вызывающе и намеревалась говорить все, что думает [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 1781–1783об⁵⁶].

Однако одиночное заключение быстро сделало свое дело. 22 августа 1827 года Фратка попросилась в отхожее место и, когда все отвернулись, решила сбежать. Она перелезла через забор и добралась до соседского двора; тут ее задержал какой-то солдат. В попытке объяснить странное поведение матери Рива Катеонова отметила, что у Фратки слабые нервы и она склонна к обморокам. А оттого, что Фратку держат в темном неотапливаемом помещении, состояние ее только ухудшилось, продолжала Рива. Рива просила, чтобы ей позволили передать матери свечу, — та бы немного приободрилась, — но ей было отказано [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 2135–2136⁵⁷]. Шли дни, Фратка все отчетливее осознавала безысходность положения. Она предприняла еще одну попытку побега, а когда и она не удалась, потребовала встречи с дознавателями. Один из караульных отметил, подойдя к ее двери, что Фратка в невменяемом состоянии: она

⁵⁵ Обсуждение неудачной попытки побега и желания креститься.

⁵⁶ Устный допрос Фратки Девирц, 13 июля 1827 года.

⁵⁷ Прошение Ривы Катеоновой, 29 августа 1827 года.

кругами ходила по комнате, беспорядочно размахивала руками и непристойно ругалась [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 2103–2112].

В своих шокирующих показаниях Фратка открыла ключевые подробности убийства по сговору. В один прекрасный день, гуляя по двору, она столкнулась с Руманом Нахимовским, горбатым синагогальным служкой. К ее изумлению, Руман прошептал ей в ухо, что слухи, которые гуляют по городу, — правда, он лично был свидетелем убийства. Руман якобы видел, как весь клан Берлиных, Евзик и Ханна Цетлины и многие другие евреи по очереди кололи мальчика ножом. А когда тот испустил дух, Евзик спрятал тело под кафтаном и куда-то поспешно унес. Фратка хотела услышать подробности, но Руман испугался, что их разговор услышит какой-нибудь военный, притом что они говорили на идише. В другой раз Руман рассказал ей еще одну странную историю, подтверждавшую одновременно и демонические, и целительные свойства христианской крови. Пока евреи по очереди кололи мальчика ножом, дочь и зять Славы, Ланка и Янкель-Гирш, от страха лишились чувств. Все евреи страшно испугались. Славу особенно беспокоило то, что ее дочь и зять могут раскрыть властям все страшные подробности. Тогда она обмакнула указательный палец в кровь мальчика и потерла обоим голую грудь. Ланка и Янкель громко расчихались, а вскоре после этого потеряли сознание и умерли. Руман объяснил ей, что Слава собиралась с помощью крови лечить мужа от чахотки, но как именно и когда — она не знала [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 2103–2112; Ч. 25. Л. 134–149].

Фратка понимала, что Руман станет все отрицать. Евреям строжайше запрещено хулить имя Господа, и никто, уж тем более такой набожный и почтенный еврей, как Руман, не признается, что стал свидетелем ритуального убийства. Фратка предупредила дознавателей: если кагал узнает о ее признаниях, на нее немедленно наложат *херем* — то есть изгонят из еврейской общины и запретят покупать кошерное мясо. Фратка особо настаивала, что все полученные от нее сведения надлежит держать в тайне. По ходу очной ставки она не только напомнила Руману о том, что именно он ей прошептал, но добавила еще одну важнейшую подробность: что нож и бритва, которыми евреи убили и обрезали мальчика, находятся у еврея по имени Гирш, проживающего на окраине города. Фратка умоляла следователей увезти Румана куда-нибудь подальше, потому что, если его отпустят, в еврейской общине тут же заподозрят, что это она на всех донесла. А тогда — в этом Фратка не сомневалась — поступят с ней даже хуже, чем с *мешумедом* (выкрестом): человеком, которого изгоняют из общины за то, что он предал еврейскую веру. Фратке с

детьми придется где-нибудь скрываться или вовсе покончить с собой [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 2347; Ч. 25. Л. 134–149].

Чувствуя скептическое отношение дознавателей к своим словам, Фратка решила взорвать настоящую бомбу. Берка Зарха, шойхет (резник) общины, спрятал нож во дворе здания, где собирался кагал, в потайном сарае, вместе с еще примерно двадцатью ножами — все они лежат в красивых обитых тканью футлярах. Фратка объяснила, что нож был приметный, в красном кожаном футляре, с серебряной гравировкой еврейскими буквами, хотя в принципе ничего особенного в нем не было, за вычетом одного: в отличие от обычного бритвенного лезвия, его можно было сложить пополам. Чтобы еще сильнее заинтересовать следователей, Фратка предъявила еще два вещественных доказательства: *измель* (нож для обрезания) и высушенную крайнюю плоть, принадлежавшую, по ее утверждениям, Федору. Фратка вспомнила, что какая-то пожилая христианка, которой она раньше никогда не видела, передала ей и нож, и крайнюю плоть, когда она однажды зимним днем вышла в отхожее место. Впоследствии она для сохранности спрятала и нож, и крайнюю плоть у себя под матрасом [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 134–149].

В итоге сенсационные заявления Фратки Страхов счел неубедительными. Вопрос установления истины встает по ходу уголовных расследований достаточно часто. Хотя по закону чистосердечное признание — убедительнейшее из всех доказательств, однако дознаватели понимали, что подозреваемые вполне способны выдумывать показания, чтобы избежать допросов и наказаний. Не зная, как ей еще поступить, предчувствуя, что, возможно, ей придется провести в одиночке еще много лет, Фратка решила покончить с собой. Она взрезала себе горло осколком стекла, однако порез оказался поверхностным — она лишь потеряла немного крови [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 7. Л. 5839–5839об⁵⁸]⁵⁹.

⁵⁸ О попытке Фратки покончить с собой.

⁵⁹ Когда дело наконец было закрыто, все вещественные доказательства, включая и якобы кусок крайней плоти, были переправлены в Санкт-Петербург. Ножи в итоге попали в Российский государственный исторический архив, равно как и крайняя плоть, которая, по результатам медицинской экспертизы, оказалась рыбьими внутренностями, а не человеческой тканью. Тот же эксперт заявил, что один нож в таком состоянии, — погнут и местами заржавел, — что им вряд ли можно было что-то отрезать. (В архивной описи указан «кусоч сухой кожицы», однако архивариус отказался мне его показать.) О ножах и предполагаемой «крайней плоти» см.: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 7. Л. 6048–6048об, 6051–6052об, 6073об; Ч. 8. Л. 6130, 6131–6132].

5 Жалобы

8 апреля 1826 года — в этот день их жены, Слава и Ханна, были взяты под стражу — Шмерка Берлин и Евзик Цетлин отправили генерал-губернатору отчаянное прошение. Они требовали, ни много ни мало, чтобы Н. Н. Хованский отстранил Страхова от исполнения его служебных обязанностей, писали, что две в высшей степени уважаемые жительницы города находятся в заключении без каких бы то ни было доказательств, на основании одних лишь злобных, неосмысленных и полностью лживых наветов. Просители отмечали, что детям их запрещено общаться с матерями, а Слава и Ханна в заключении лишены самых элементарных человеческих благ. Они

...тому уже шестая неделя содержатся... как важнейшие государственные преступники. Будучи лишены самых необходимых человечеству выгод, и как слабое творение, до того изнурены, что при теперешней их болезни и изнеможении скоро могут лишиться жизни. <...> Следствие сие производится медленно, без магистратского депутата с еврейской стороны, который бы наблюдал по крайней мере за тем, то ли в допросах написано, что они показывали [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 418–421об⁶⁰].

Дело осложняется тем, продолжали Шмерка и Евзик, что одна из женщин «весьма мало знает грамоты, а другая вовсе безграмотная». Опасаясь, что расследование в любой момент может выйти из-под контроля, они просили генерал-губернатора употребить свое влияние и прекратить это бессмысленное разбирательство. Они писали, что жены их, «томимые строгим содержанием... впали в болезнь». Они выражали надежду, что как минимум можно «содержать их снисходительнее и в таком месте, где могли бы они пользоваться свежим воздухом, а нам бы, с детьми нашими, для облегчения их горести, позволено было навещать их». Они обещали, что в этом случае будут общаться только по-русски, чтобы не возбуждать подозрений. «По силе вышеупомянутого высочайшего указа, предоставить им свободу, возможными способами оправдывать себя в их невинности противу вражды и клеветы в пролитии якобы ими христианской крови, дабы и их еврейская кровь напрасно не была пролита» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 418–421об].

На протяжении многих веков евреи, проживавшие на польско-литовской территории, достигали своих политических целей посредством взяток, тайного сбора

⁶⁰ Жалоба Шмерки Берлина и Евзика Цетлина Н. Н. Хованскому, 25 мая 1826 года.

сведений и благодаря своевременному вмешательству монарших судов. Эта стратегия сохранения политического влияния на власти предрешающие была последовательной и в определенные периоды чрезвычайно успешной. Однако к 1820-м годам, с постепенным распадом еврейского самоуправления, русско-еврейские общины оказались по большому счету предоставлены самим себе в деле защиты своих политических интересов и выражения своих притязаний на основные гражданские права [Lederhendler 1989: 33–35]. Во второй четверти XIX века в Западной Европе складывался новый тип политической активности. Общественные организации, многотиражные газеты и брошюры постепенно замещали институт ходатаев в роли ключевых инструментов мобилизации ресурсов и политического влияния. В тех местах, где была хорошо развита еврейская публичная сфера, координировать организованный международный отклик с целью предотвращения масштабных нарушений прав человека становилось все проще. Особенно действенным инструментом, способным мобилизовать международную общественность на защиту прав евреев, стали газеты. Это было связано не только с их беспрецедентными возможностями доводить новости о катастрофах до сведения как широкой публики, так и высокопоставленных дипломатов и государственных деятелей, но и с их способностью объединять людей, разбросанных по большому географическому пространству.

Однако евреи Российской империи оставались за рамками этого нового еврейского интернационала⁶¹. Они не имели доступа к газетам, выходившим за границей, среди них не было высокопоставленных дипломатов, которые доносили бы до других новости об их невзгодах и выступали в их защиту. В распоряжении Шмерки и Евзика, смятенных, изолированных от мира, было не так уж много средств, чтобы выступить против того, что им представлялось серьезной социальной несправедливостью. Они прибегли к единственному способу, доступному всем подданным Российской империи: написали официальную жалобу.

Как только Страхов узнал об этой жалобе, он принялся все отрицать. Да в чем вообще дело? Он доложил Хованскому, что Слава и Ханна говорят по-русски не хуже русских. Коллежский советник считал, что у него есть все основания полностью держать под контролем ход расследования. Согласно российскому закону, сторонним наблюдателям — например еврейским ратманам — не позволено вмешиваться в ход уголовного следствия. Действуя с осторожностью и в тайне, он надеялся установить истину, а главное — обличить, как он считал, хитроумный еврейский сговор. Чего ему

⁶¹ О возникновении новых еврейских сообществ в общемировой перспективе см.: [Green 2012: 53–81]. См. также: [Green 2011; Green 2008].

точно не было нужно, так это чтобы зловещие слухи расползлись за пределы провинциального городка. Страхов докладывал Хованскому, что евреи, знакомые с тайнами кровавого жертвоприношения, всеми силами препятствуют следствию в надежде спасти подозреваемых от заслуженного наказания и не дать следствию подтвердить, что злокозненное преступление воистину имело место. Вместо того чтобы ответить на жалобу по существу, Страхов решил, что лучший способ действия — арестовать обоих жалобщиков, до того как они смогут помешать ходу расследования [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 461–465⁶²].

В результате 20 июня 1826 года, менее чем через месяц после подачи прошения, Шмерка и Евзик были взяты под стражу. На этот момент само расследование только начиналось. Генерал-губернатор не видел причин принимать жалобы евреев всерьез. Более того, Хованский ни на миг не усомнился, что Страхов сделает свою работу в срок и все виновные понесут наказание. Мужчины, как и их жены, оказались в заключении, потому что якобы были причастны к кровавой жертве [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 465об–468об]. Их арест сильно взбудоражил всю еврейскую общину. Скольких еще евреев намерен арестовать Страхов? Кто станет следующей жертвой? Что может еврейская община предпринять, чтобы защититься от обвинений?

Брат Евзика Шефтель Цетлин и отец Ицко Нахимовского Берка, не теряя времени, составили официальный ответ. 27 августа они отправили в Витебск второе прошение. В надежде вызволить сородичей они попытались воззвать к разуму Хованского, описав абсурдность обвинений. Они поясняли, что главным виновником является местный школьный учитель по фамилии Петрища. Все видели, как он ходил по городу с какой-то книгой в руках и распускал подлые слухи про евреев. Опираясь на переводы и толкования определенных мест из Талмуда, Петрища сумел убедить всех жителей города в том, что евреи пьют кровь христиан. Чтобы обвинения показались еще менее обоснованными, они добавили, что штаб-лекарь Левин сыграл немаловажную роль в придании веса обвинению, поскольку представил лживое заключение. И правда, если тело на самом деле было пронзено тупым гвоздем, почему на нем не обнаружены припухлости? Просители подчеркивали, что после того, как самый влиятельный суд Витебской губернии рассмотрел показания и вещественные доказательства в ноябре 1824 года, он постановил полностью оправдать евреев.

Страхов же, продолжали просители, полностью убежденный в вине евреев, не обратил на эту важную подробность никакого внимания. Они указывали, что Страхов

⁶² Докладная записка Страхова Хованскому, 27 июня 1826 года.

злонамеренно посадил евреев под арест, держит их у себя в доме, отрезав от внешнего мира, не выпуская на свежий воздух. На допросах он прибегает к насилию, не допускает еврейского депутата к участию, не заинтересован в том, чтобы провести непредвзятое дознание и выявить подлинных виновников. Они просили генерал-губернатора заменить Страхова другим следователем, который, как они надеялись, будет действовать по закону [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 636–643⁶³].

Шефтель и Берка не сообщили генерал-губернатору ничего такого, чего он не слышал раньше. Кабинет Хованского был забит жалобами, прошениями и ходатайствами самого разного характера, причем многие были от евреев. С самого того момента, как Хованский встал во главе северо-западных губерний, он взял за правило не относиться к жалобам евреев всерьез. Дело, касающееся ритуального убийства, подтвердило все его изначальные подозрения: он считал, что евреи — народ весьма лукавый, и потому не спешил писать официальный ответ. Как отмахнуться от столь убедительных улик и результатов экспертизы? Одно он знал точно: заменять чиновника по особым поручениям кем-то другим он не собирается. По его мнению, Страхов был опытным следователем и при этом строго придерживался всех правил ведения следствия. Что же касается других претензий, он решил, что лучше всего будет терпеливо дожидаться доклада Страхова.

Ранее представители российских властей еще никогда не обвиняли всех евреев в целом в поддержке ритуального убийства, а уж тем более в соучастии; они считали, что этот зловещий обряд проводят отдельные «фанатики» [Klier 1986б: 104]⁶⁴. Основываясь на том, что он прочитал и услышал, Страхов все отчетливее приходил к выводу, что Велижское дело — иного толка. Все эти жалобы явно мешали доказывать вину евреев. Страхов ставил перед собой грандиозную задачу: использовать свои полномочия дознавателя для того, чтобы добиться вынесения приговора, который, безусловно, самому ему представлялся эпохальным [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 464, 466]. 17 ноября 1826 года он отправил в Витебск пространное донесение, в котором сообщалось, что уже собрано достаточно предварительных свидетельств, чтобы заключить евреев под стражу: «Не будучи медиком, я не могу судить о свидетельствах, данных штаб-лекарем Левиным, но сознание преступниц солдаток Марьи Терентьевой и Авдотьи Максимовой вполне оное оправдывает» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 767об, 772об, 782об, 785об⁶⁵].

⁶³ Жалоба Шефтеля Цетлина и Берки Нахимовского, 27 августа 1826 года.

⁶⁴ См. также: [Wodzinski 2010].

⁶⁵ Докладная записка Страхова Хованскому, 17 ноября 1826 года.

Страхов утверждал, что, вне зависимости от собственных пристрастий, с подследственными он обращается по совести и уважительно: они спят в отдельных помещениях, на койках с матрасами и одеялами. Охрана доставляет им прямо в комнаты горячее питание, личные вещи, в том числе и лекарства. Некоторым подследственным, например Евзику и Ханне Цетлиным и Шмерке и Славе Берлиным, дозволена даже роскошь пить у себя чай и кофе. Некоторое время, продолжал Страхов, подследственным даже дозволялось обмениваться записками с друзьями и родными, однако это он довольно быстро пресек. Имея дело с таким жестоким преступлением, подчеркивал чиновник, власти должны принимать все меры к тому, чтобы минимизировать общение между заключенными [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 777–780об].

Евреи, как и все подданные Российской империи, имели по закону право на защиту от несправедливости, в случае если они пострадали от злоупотреблений или тирании. Для этого нужно было отправить личную или коллективную жалобу либо губернатору, либо напрямую в Сенат или в одну из санкт-петербургских канцелярий. После разделов Речи Посполитой евреи все чаще обращались с жалобами к российским чиновникам, излагая собственные беды или прося о вмешательстве в конфликты между соседями. Страхов стоял на том, что евреи имеют полное право писать прошения властям, он не собирается их этого права лишать, даже если бумажная волокита замедляет ход расследования. Однако касательно основного требования еврейских представителей ответ Страхова был однозначен: евреи не имеют права выдвигать следственной комиссии требования. Дело носит деликатный характер, то есть проводить расследование он должен вдумчиво и осмотрительно, остерегаться ложных показаний и исполнять свои обязанности, находясь с подследственными наедине. Если же генерал-губернатор одобрит просьбу евреев и назначит еврейского депутата надзирать за ходом расследования, евреи — в этом у Страхова не было ни малейших сомнений — станут препятствовать правосудию тем, что будут продумывать свои ответы заранее, еще до вызова на допрос [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 781–781об].

С жалобами Страхов разбирался так же, как и с самим делом: методично, пункт за пунктом, отвечая на все вопросы, вникая во все подробности. Он посвящал много часов составлению пространных опросников, донесений, отчетов. Так его учили, такого ожидали от всех чиновников на государственной службе. Евреи имеют полное право подавать прошения о снятии его с должности старшего дознавателя, — объясняет он Хованскому, — равно как и полное право выражать неудовольствие по поводу используемых им приемов дознания и административных процедур, но это еще не значит,

что он сделал что-то не так. К этому он добавляет, что сильные переживания подследственных — не повод для его отставки [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 781об].

Поскольку здание еврейского самоуправления медленно рушилось, еврейские общины Российской империи были структурно ослаблены, и защищать общие политические интересы им становилось все труднее. Глава общины раввин Гилель б. Зеев-Вольф писал о состоянии еврейской общинной политики около 1804 года, что более не существует центрального и губернских советов, не проводится съездов старейшин — соответственно, некому выступать ходатаями перед чиновниками, писать прошения государю. Отступников все больше, каждый за себя, а советы, способные как-то смягчить урон от суровых декретов, больше не собираются⁶⁶. Дать координированный общий ответ на неприемлемое политическое решение было сложно не только по причине разобщения еврейства (разделения на хасидов и их оппонентов ортодоксов) но и — это, пожалуй, было даже важнее — по причине дисциплинарных мер, принятых российскими властями.

В Речи Посполитой Раннего Нового времени была достаточно широко распространена практика *штадланута* (выбора ходатаев из числа евреев для защиты интересов общины перед лицом властей или короны). От таких ходатаев требовалось хорошее владение языками и наличие дипломатических способностей. Еврейские общины делегировали самых толковых своих членов, имевших связи в высоких кругах, отстаивать их интересы. Помимо щедрого жалования и освобождения от налогов, *штадланы* получали на руки значительные суммы денег, которые считались основным инструментом «политических действий» (речь идет о взятках)⁶⁷. И хотя у российских правителей не было намерения признавать официальные органы еврейского коллективного представительства, типа Ваада четырех стран в Речи Посполитой, в первые два десятилетия XIX века Александр I все же позволял группам ходатаев, известным как депутаты от еврейского народа, подавать официальные жалобы⁶⁸. С целью защиты внутренних интересов своих общин депутаты писали самые разные прошения. Как правило, речь шла об опротестовании действий властей, сочтенных злонамеренными, — речь, например, могла идти об изгнании евреев из сельской местности, или конфискации еврейской религиозной утвари, или об особенно гнетущих экономических санкциях.

⁶⁶ Цит. по: [Lederhendler 1989: 53].

⁶⁷ О деятельности ходатаев см.: [Lederhendler 1989: 30–33; Bartal 2002: 24–26].

⁶⁸ О еврейских депутатах см.: [Минкина 2011; Lederhendler 1989: 52–57; Гессен 1909; Schedrin 2016: 31–36].

Купцы уповали на то, что своим красноречием депутаты добьются для них права на свободное передвижение и торговлю в центральных губерниях. По ходу наполеоновских войн два особенно известных ходатая, Лейзер Диллон и Зундель Зонненберг, подавали эти и подобные прошения в высшие властные круги Петербурга.

В период расцвета этой системы, с декабря 1817 по июль 1818 года, почти все губернии, находившиеся в черте оседлости, участвовали в выборе официальных депутатов и их заместителей. Депутаты пользовались беспрецедентными свободами и общественными привилегиями: им разрешалось перемещаться за пределами черты оседлости и длительное время проживать в столице, где Диллона, Зонненберга и других депутатов время от времени посещали самые богатые и влиятельные лица империи, включая и лично императора Александра. Впрочем, этот привилегированный статус не служил гарантией того, что российские власти благосклонно отнесутся к предъявленным им требованиям. Более того, депутаты, как агенты по особым поручениям, тайно владевшие крайне деликатными сведениями, вызывали подозрения — не только потому, что путешествовали, имея при себе крупные суммы денег, но и потому, что перевозили ценнейшие письма, прошения и прочие документы на иврите и идише — языках, которыми в правительстве не владел никто. Письма эти достаточно часто перехватывали и переводили — власти пытались раскрыть темные еврейские тайны [Minkina 2006]⁶⁹.

Это отнюдь не значит, что заступничество депутатов не приносило никаких плодов. После того как в 1816 году нескольких евреев обвинили в ритуальном убийстве молодой крестьянки в Гродно, Диллон и Зонненберг употребили все свое политическое влияние на то, чтобы подорвать аргументы обвинения. В январе 1817 года они подали Александру I прошение, в котором призывали отказаться от того, что им представлялось «средневековыми христианскими предрассудками». К великой их радости, Александр немедленно передал дело одному из самых высокопоставленных сановников, князю А. Н. Голицыну, который в тот момент был министром внутренних дел и народного просвещения. Голицын вознаградил усилия депутатов тем, что отдал губернаторам и генерал-губернаторам распоряжение скептически отнестись к «средневековым суевериям» и не выдвигать против евреев обвинения, не собрав убедительных улик [Минкина 2011: 153–156].

Гродненское дело стало главным успехом депутатов. В последующие четыре года они растеряли свое и без того невеликое влияние, поскольку действовали почти без всякой

⁶⁹ Масштабный анализ связи евреев с тайнами в Европе в период Раннего Нового времени см. в: [Jütte 2015].

финансовой или политической поддержки [Lederhendler 1989: 57]. Более того, на тот момент, когда Шмерка Берлин и Евзик Цетлин направили в Витебск свой протест против обвинений в ритуальном убийстве, российское правительство уже перестало признавать легитимность депутатов как институции. В сложившихся политических обстоятельствах еврейским общинам, по структурным причинам, сложно было совместно защищать общие политические интересы. Однако не все было потеряно. Так, сестра Славы Берлиной с мужем, Гиршем Берковичем Броудой, проживала в Санкт-Петербурге. В 1820-е годы привилегией временного жительства в столице империи наслаждалась лишь крошечная еврейская колония в несколько сотен душ — общинные ходатаи с хорошими связями, зажиточные купцы и подрядчики, дантисты, высококвалифицированные ремесленники и несколько иностранцев⁷⁰.

Броуда сколотил состояние на торговле лесом, и, судя по всему, у него были все необходимые задатки — владение языками и красноречие, — чтобы выступить в защиту еврейской общины Велижа. Евреи попросили Броуду обратиться от их имени к высшим представителям власти, повторив пример депутатов Диллона и Зонненберга, которые вмешались в кровавый навет в Гродно. С января по сентябрь 1827 года Броуда подал не менее шести официальных жалоб во Второе отделение Пятого департамента Сената [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 19. Л. 8–13об, 65–68об, 69–69об, 76–81об, 109–116, 234–237об⁷¹]. Жалобы были крайне подробными, написаны были на официальной гербовой бумаге, в них излагались все перипетии следствия и тяготы заключения. Вначале Броуда напомнил о том, что евреи «отданы на произвол суду», Страхов прибегает к «исключительным мерам сильнейшей строгости» и мучает евреев с единственной целью: вынудить их сознаться в преступлении, которого они не совершали. Он приводит особо яркий пример: ночью 18 ноября из дома, где содержатся евреи, доносились «необычайный крик, стон и гвалт». Шум был очень громким — ужасные крики слышали многие жители разных частей города. Один из проживавших по соседству припомнил, как кто-то из узников громко выкрикнул: «Давили, давили, душили до смерти!» Потом же кричали: «Обманули меня, он [Страхов] меня обманул». «Вся цель следователя Страхова, — отмечает Броуда, — в том, чтобы оправдать себя в лице правительства, несмотря на то что

⁷⁰ О еврейской общине Санкт-Петербурга в период до Великих реформ см.: [Еврейская энциклопедия 1991: 941–942] (Гессен Ю. Санкт-Петербург); [Минкина 2011: 132–141].

⁷¹ Прошения Гирша Берковича Броуды в Сенат.

такое оправдание его сопряжено с нарушением спокойствия и тишины в миллионе подданных России» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 19. Л. 10об, 12об⁷²].

Поскольку речь шла об обвинениях, несовместимых с понятиями человеческой совести, Броуда взывал к высшим государственным органам, чтобы они прекратили бессмысленные страдания евреев [Trim 2011: 41]. Во-первых, он настаивал на том, чтобы следственная комиссия следовала правилам и процедурам, обозначенным в циркуляре 1817 года. Дабы минимизировать отклонения, Броуда требовал, чтобы ведением дела занялся самый влиятельный прокурор в губернии. В его обязанности должен был входить надзор над деятельностью Страхова, а также ему вменялось бы докладывать в Министерство юстиции обо всех стадиях проведения следствия. Броуда также хотел, чтобы Сенат назначил официального представителя, который вел бы работу в еврейской общине — дабы комиссия ни в чем не переступала рамок закона. Евреям надлежало дать право жаловаться в Сенат, если у них будут к тому основания.

Во-вторых, Броуда полагал, что Страхов специально затягивает расследование. От его действий положение узников становилось лишь более гнетущим: «Родственники мои Берлин с его женою и детьми, равно как и другие несчастные обою пола евреи, отторгнутые от малолетних детей своих и окованные железами, как самые злейшие преступники, жестокостью и при страстными действиями следователя доведены до такой степени изнурения, что не только отягчила их сильнейшая болезнь... но и некоторые из них должны лишиться самой жизни». По мнению Броды, в особенно тяжелом состоянии находилась Слава Берлина, которую Страхов «заточил в собственной своей спальне, сделавшись сам ее стражей, где и содержится она в неизвестности... Испуг, когда повлекли ее под стражу, овладел всеми ее чувствами, она сделалась больна» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 19. Л. 65–68об⁷³].

Хотя сам Броуда и не использует этого выражения, обстоятельства, которые он описывает в своих письмах, можно назвать гуманитарной катастрофой, то есть недопустимыми действиями властей, угрожающими безопасности и благополучию группы лиц.

Когда же засим следователь заблагорассудил забирать к себе обою пола евреев, то при сем случае не было никаких состраданий к человечеству, отцы и матери схвачены в домах, повлечены под стражу и заключены в его доме так, что никто не мог проникнуть об их участи, до тех пор пока не стали присылать рецептов для получения лекарств на их излечение; от одних семейств

⁷² Прошение Броды в Сенат.

⁷³ Прошение Броды в Сенат.

взяты жены, от других мужья, а в иных оставлены одни только малолетние дети без всякого присмотра и все хозяйственное управление оных отдано на произвол судьбы [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 19. Л. 111⁷⁴].

Броуда рассчитывал хотя бы на то, что представители высших органов власти вмешаются в ход расследования и пресекут бесчеловечное обращение с евреями. «В Велиже производятся над содержащимися в доме Страхова чрезвычайные пытки». Страхов не только заковывал евреев в кандалы, но и сажал под замок ни в чем не повинных людей, которые оказывались взаперти по его чистому произволу. В другом месте Броуда формулирует это иначе: с его точки зрения, трагедия приобрела совершенно недопустимые масштабы: Страхов якобы пытается раскрыть преступление, доказать факт которого в суде будет совершенно невозможно [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 19. Л. 110–110об⁷⁵].

Броуда напоминал Сенату, что, пока творился этот произвол, евреи писали официальные жалобы в канцелярию генерал-губернатора: вскоре после того, как император решил возобновить уголовное разбирательство, еврейская община направила туда несколько официальных обращений, в том числе и пространное письмо от велижского кагала [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 385–386⁷⁶]. Хованский раз за разом игнорировал жалобы евреев и отказывался наказывать старшего следователя за его действия. Напротив, он дал Страхову полную свободу действий. Если цель расследования в том, чтобы обличить преступников, почему Страхов допрашивает одних только евреев, полностью игнорируя проживающих в городе христиан? С точки зрения Броуды, речь шла всего лишь об обычном бытовом преступлении [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 19. Л. 114⁷⁷].

С достаточно ранних времен, примерно с XVI века, существовало довольно много трактатов, написанных в различных государствах и посвященных идеологии сопротивления монаршему произволу. «*Vindicae contra tyrannos*» («Иск против тиранов»), впервые опубликованный в Базеле в 1579 году, гласил: «Если правитель прибегает к насилию и не соблюдает законов божеских и человеческих, то есть тиранит подданных, иной правитель может на справедливых и законных основаниях пойти против него

⁷⁴ Прошение Броуды в Сенат.

⁷⁵ Прошение Броуды в Сенат.

⁷⁶ Жалоба велижского кагала в полицию, 12 мая 1826.

⁷⁷ Прошение Броуды в Сенат.

войной»⁷⁸. В последующие десятилетия изобретение способов пресечения действий, несовместимых с человеческой совестью, стало для международного сообщества обычным делом. Идея вмешательства по гуманистическим причинам — в том виде, в котором она родилась и претворялась в жизнь в Европе Раннего Нового времени — состояла в том, чтобы заставить тот или иной режим изменить свою политику в отношении жертв злоупотреблений. Образованные люди — дипломаты, ученые и сложные группы давления, целью которых было улучшить положение угнетенных, — помогали мобилизовать общественное мнение и организовать поддержку соответствующих действий [Green 2012; Trim 2011: 65]⁷⁹.

Весьма красноречивой иллюстрацией того, как еврейские общины оказывали влияние на общественное мнение, служит обвинение в ритуальном убийстве, выдвинутое в Дамаске в 1840 году. Там — всего через пять лет после того, как было вынесено официальное решение по Велижскому делу, — исчезли монах-итальянец и его слуга. Вскоре после этого большую группу богатейших евреев Дамаска обвинили в ритуальном убийстве и вынесли им соответствующий приговор. Новости об этом процессе стремительно распространились по всему Ближнему Востоку и странам Запада. Самые уважаемые газеты Англии, Франции и Германии публиковали десятки статей, полемику, связанную с этим преступлением, — во многих текстах убийство фра Томмазо было представлено как частное проявление широко распространенного еврейского культа человеческих жертвоприношений [Frankel 1997: 9]. Поначалу этот кризис вверг еврейскую общину в сильнейшее смятение. Однако евреи сумели мобилизоваться, и ответ их оказался необычайным и беспрецедентным: лоббирование в самых высоких правительственных кругах, международная кампания в прессе, парламентские дебаты, широко освещавшиеся собрания, сбор средств, дипломатическая поездка в Египет двух самых уважаемых лиц из мира еврейской филантропии: сэра Мозеса Монтефиоре из Англии и Адольфа Кремье из Франции. В итоге кампания увенчалась успехом, пусть и частичным: всех заключенных-евреев выпустили, однако султан отказался формально снять с них обвинение в ритуальном убийстве.

Велижское дело оказалось полной противоположностью дамасскому: новости о нем не выходили за пределы строго определенных кругов имперской бюрократии. Крайне сомнительно, чтобы Броуда или кто-то из представителей велижской еврейской общины пытался связаться с влиятельными политическими деятелями из Англии, Франции или

⁷⁸ Цит. по: [Trim 2011: 35].

⁷⁹ Обзор «человечности до прав человека» см. в: [Moyn 2010: 12–43].

Германии. Если они и пытались, то корреспонденция — как в ту, так и в другую сторону — до сих пор не обнаружена. В смысле глобального влияния Велижское дело осталось лишь рябью на воде. Судя по всему, на момент своего визита в Россию в 1846 году Мозес Монтефиоре не знал об этом случае [Green 2010: 180]. В середине 1840-х годов все европейские газеты писали о жестких антиеврейских мерах в России. Призыв в армию порождал слухи о массовых крещениях. «Полмиллиона евреев могут принять смерть как мученики за свою веру, — предупреждала “Jewish Chronicle”, — а еще полмиллиона перейдут в лоно православной церкви». Изгнание евреев за пределы зоны в 50 верст от границы с Пруссией и Австрией послужило еще одним болезненным напоминанием о драконовской политике Николая I. По утверждению «Journal des débats», Россия «объявила войну цивилизации, равно как и прогрессивно-философскому духу нашей эпохи. <...> Каждый день немецкие журналы доносят до нас новости о преследованиях евреев, которые вершатся по приказу императора»⁸⁰. Монтефиоре гордился тем, что на протяжении всей своей долгой и выдающейся карьеры постоянно взывал к общественному мнению в связи с теми или иными еврейскими гуманитарными проблемами. Во время поездки по России он щедро жертвовал свое время и деньги еврейским благотворительным организациям. Впоследствии он дал ряд рекомендаций графу П. Д. Киселеву, министру государственных имуществ, на предмет того, как решать наиболее животрепещущие вопросы, касавшиеся евреев⁸¹. Однако в его дневнике и переписке нет упоминаний о том зле, которое приносили российским евреям кровавые наветы. Судя по всему, усилия Третьего отделения придать делу о кровавом навете статус государственной тайны оказались успешными.

Благодаря такому политическому климату Министерство юстиции пришло к заключению, что жалобы, поданные против Страхова, безосновательны. 19 марта 1827 года, изучив внушительное досье, оно сделало вывод, что имеется достаточно законных оснований, чтобы продолжать уголовное расследование. Важную роль в принятии этого решения сыграли более масштабные государственные проблемы, связанные с регулированием границ религиозной веры. В то же время министрам юстиции было слишком хорошо известно, что, какими бы убедительными ни выглядели фактические доказательства, приговор евреям по делу о ритуальном убийстве станет важнейшим историческим прецедентом. Страхову и его подчиненным были даны указания

⁸⁰ Цит. по: [Green 2010: 179, 181].

⁸¹ О переписке Монтефиоре и Киселева см.: [Гессен 1913; Loewe 1983, 2: 359–384]. Недавнее исследование: [Lempertiene 2011].

продолжать расследование, однако им напомнили о необходимости следовать букве циркуляра 1817 года. Согласно регламенту ведения уголовного процесса, вся внутренняя переписка, показания, допросы, прошения, вещественные доказательства и прочее материалы должны были направляться непосредственно в Сенат. Корифеи юстиции особо подчеркивали, что у евреев есть законное право слать в Сенат прошения и предъявлять встречные доказательства, которые будут рассмотрены высшим юридическим органом империи [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 37; Ч. 2. Л. 1392].

На протяжении долгого времени ученые утверждали, что жизнь евреев в эпоху правления Николая I была отмечена прежде всего преследованиями и юридическим произволом. Основным инструментом, с помощью которого царь поддерживал дисциплину среди своих подданных, служили указы [Dubnow 1916–1920, 2: 13–45]. В XIX веке критики российской законодательной системы отмечали, что губернаторы беззастенчиво вмешиваются в решения судов, меняют приговоры по своему усмотрению и инициируют расследование дел, в которых нет даже намека на правонарушение [Wortman 1976: 237]. Действительно, в Уголовном кодексе империи было множество противоречивых положений, касавшихся регулирования самых разных аспектов повседневной жизни. Российская законодательная система, построенная не на единстве и прозрачности, а на привилегиях и различиях, была придумана для того, чтобы у населения можно было в любой момент отобрать любые права. С другой стороны, недавние исследования показали, что хотя законодательство Российской империи и не основывалось на принципах равенства, оно позволяло всем подданным империи предъявлять государству претензии, ссылаясь на существующие нормы законодательства. Если частное лицо подавало официальную жалобу, российская юридическая машина была обязана реагировать на такие заявления [Kivelson 2002: 481].

К апрелю 1827 года Берку Нахимовского и Шефтеля Цетлина все сильнее тревожило то, какой оборот принимает дело. Жалобы их были официально отклонены, связь с внешним миром полностью оборвана. У них были все основания полагать, что общая судьба велижских евреев полностью оказалась в руках у системы уголовной юстиции. В этой связи Берка и Шефтель решили последовать указаниям Министерства юстиции и обратиться напрямую в Сенат. Они считали, что лучший образ действия — и дальше писать официальные жалобы. Что еще они могли сделать, чтобы спастись от неотвратимой опасности, на кого еще излить свой гнев? А вдруг кто-то из высших чиновников или государственных деятелей Российской империи увидит все в истинном свете? А вдруг кто-то в столице поймет абсурдность обвинений? На сей раз они решили

заручиться помощью брата Шмерки Берлина, Биньямина, одного из самых грамотных и толковых жителей уезда: ему и доверили составить прошение.

В длинном цветистом послании Биньямин, Берка и Шефтель перечисляют множество злоупотреблений, которым стали свидетелями. В частности, Страхов заковывал Янкеля-Гирша Аронсона в колодки, хотя тот был серьезно болен. Некоторых узников держали в темных грязных помещениях без доступа свежего воздуха, по причине антисанитарных условий один еврей (Аронсон) скончался, а еще несколько подхватили смертельные заболевания; при этом христианок содержали вольготно, не нанося им обид. Более того, по ходу всего расследования генерал-губернатор нарушал законы государства. Просители отметили, что за последние два года евреи направили в Витебск несколько жалоб с перечислением незаконных деяний Страхова, однако, к их разочарованию, генерал-губернатор их подчеркнуто проигнорировал. Они не сомневались, что Страхов не собирается менять ни тактику, ни свое поведение, что он и далее будет унижать евреев, пока следствие не завершится. Повторив предыдущие жалобы, просители сделали вывод, что лучшим решением было бы отстранить главного следователя от ведения дела [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1229–1230об⁸²].

Сразу по получении этой жалобы 27 апреля 1827 года Сенат потребовал, чтобы генерал-губернатор ответил на обвинения. Да, высокопоставленные провинциальные чиновники вроде Хованского могли нарушать законы и вести себя непорядочно, однако согласно принципам правосудия и равенства перед законом все подданные империи имели право подавать жалобы в государственные органы [Kivelson 2002: 481]. Какой бы медлительной и неуклюжей ни была система правосудия, любой подданный империи, мужского или женского пола, имел право на то, чтобы голос его был услышан. Государственные министерства — включая Канцелярию по принятию прошений — относились к прошениям подданных серьезно. В первой половине XIX века государство откликалось почти на любую просьбу, даже самую приземленную или странную, с которой к нему обращались. Евреи, как и прочие подданные императора, охотно прибегали к помощи системы правосудия, потому что она функционировала на должном уровне и с ее помощью проще всего было справиться с подобными злоключениями⁸³.

Отвечая на критику, Хованский заявил, что не собирается отбирать у евреев это право, хотя и убежден, что оснований жаловаться у них нет. Да и откуда Берке

⁸² 27 апреля 1827 года.

⁸³ Подробный анализ функционирования юриспруденции в России см. в: [Kivelson 2006: 50–55; Burbank 2006]. О Канцелярии по принятию прошений см.: [Avrutin 20106: 16–17; Engel 2011: 18–29].

Нахимовскому, Шефтелю Цетлину, Биньямину Берлину, не говоря уж об адвокате Гирше Броуде, известно, что происходит за закрытыми дверями? Хованский подробно повествует о том, что сам факт работы комиссии в режиме строгой секретности еще не означает, что подсудимых намеренно подвергают жестокому обращению. Городской лекарь постоянно в их распоряжении, к узникам даже приглашали знаменитого врача из самого Витебска. Если евреи уставали или нервничали, им всегда предоставляли возможность погулять во дворе. Если испытывали голод или жажду, им приносили все, что они попросят, как правило — напрямую из дома. Хованский пояснял: комиссия постановила заклеить нижнюю часть окна Евзика Цетлина темно-зеленой бумагой не для того, чтобы в помещении стало темно и оно сделалось непригодным для жилья, как утверждают просители, а чтобы лишить его возможности общаться с друзьями и родными на воле. Эта превентивная мера оказалась необходимой с самых первых дней и служила тому, чтобы Цетлин «не мог дать знать идущим мимо евреям, в чем состоят отобранные от него допросы, ибо из комнаты, не отворяя окна, свободно можно разговаривать со стоящими с внешней стороны за окном... и слова разговаривающего громко в комнате слышны на улице». Это было оправдано «поступками служащей у него работницы еврейки, которая носит Цетлину из дома чай, кофе и пищу... проходя под окном комнаты, в которой он содержится, с другою еврейкой разговаривала так громко, что только не кричала» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1235–1236].

Более того, Хованский был убежден, что подсудимые-христиане содержатся в куда худших условиях, чем евреи. Все евреи, за исключением Янкеля-Гирша Аронсона и Шифры Берлиной, пребывают в отменном здравии. Генерал-губернатор совершил несколько поездок в Велиж и ни разу не столкнулся ни с чем, что хоть как-то оправдывало бы жалобы. «Проезжая через Велиж, — докладывал генерал-губернатор в Петербург, — я сам был в доме, в котором прикосновенные к тому следствию евреи содержатся, и не только не видел никакого им стеснения, но даже нашел, что каждый из них здоров, имеет хорошее помещение и достаточное во всем содержание». Хованский отметил лишь одно наложенное на них ограничение: в отличие от своих единоверцев, проживающих в городе, евреи, сидящие под замком, лишены возможности ходить куда им вздумается. Однако эта превентивная мера, по его словам, являлась необходимой по причине серьезности выдвинутого против них обвинения и принята была ради того, чтобы «не дать случая

через сообщение содержащихся с пользующимися свободой евреями закрыть истину и запутать самое дело» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 19. Л. 6–7об⁸⁴].

Что касается утверждения, что Страхов жестоко обращался с Аронсоном, Хованский нашел разумное объяснение. Как только Аронсон — который, как и еще несколько евреев, находился в одиночном заключении в городской тюрьме — почувствовал себя плохо, охрана сделала все, чтобы удовлетворить его нужды. Хованский не понимал, на что сердятся евреи. «Содержась в остроге, он имел две особых хороших комнаты, пищу и все без изъятия нужное получал из дому, по чахоточной его болезни был польуем... ежедневно посещавшим его уездным штаб-лекарем и даже был посещен витебской Врачебной Управы Инспектором». Проблема заключалась в том, что организм Аронсона был ослаблен чахоткой: врачи почти ничего не могли для него сделать. В обычном случае дознаватели не позволяли подследственным напрямую общаться с жителями города, однако для Аронсона было сделано исключение, его матери ежедневно разрешалось навещать больного сына. В последние недели жизни Аронсону даже был дан выбор: хочет ли он, чтобы его перевели в одно здание со всеми подследственными или в отдельное здание, где он будет жить один под присмотром охранника? Аронсон отказался от обоих вариантов. Вместо этого он обратился с просьбой позволить ему умереть дома, в кругу семьи (он скончался от туберкулеза 21 апреля 1827 года, всего через пять дней после подачи этого прошения). Что касается Шифры Берлиной, Хованский отметил, что, как бы комиссия ни заботилась об ее удобствах, дочь купца все равно продолжала страдать от истерических припадков [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1236–1239].

Весной 1827 года генерал-губернатор сообщил в Петербург, что дознание затянется еще на некоторое время. Он попросил увеличить срок, потому что, по его мнению, дело вызывало вопросы сразу на нескольких уровнях. Хотя у следственной комиссии были все основания полагать, что евреи безусловно повинны в совершении ритуального убийства, полный список причастных пока составить не удалось. Это — достаточное основание для того, чтобы продвигаться вперед не спеша, с особой дотошностью. Хованский полагал, что надлежит арестовать еще нескольких евреев, притом что обвинительницы еще не вспомнили ряда имен, а также скрывают некоторые имена по общему сговору [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 2. Л. 1240]. Чтобы докопаться до сути, комиссия должна примирить несоответствия в показаниях, рассмотреть фактические доказательства с целью

⁸⁴ Донесение Хованского в Сенат, 12 января 1827 года. Подобный доклад Хованский делал 22 сентября 1827 года [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 19. Л. 233–233об].

обнаружить в них новые зацепки и восстановить весь процесс убийства действие за действием, факт за фактом — пока не вскрыется вся глубина преступного заговора.

Дознание расширяется

Летом 1827 года следствие зажило собственной бюрократической жизнью. Труд дознавателей был тяжелым и утомительным. Как правило, рабочий день начинался в семь утра и продолжался до девяти вечера, с трехчасовым перерывом после полудня [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 1644–1645, 1647об]. Вскоре после того, как следственной комиссии было дано поручение продолжить работу, Страхов распорядился произвести новые аресты и потребовал расширить свой штат. 6 июля 1827 года на помощь прибыли трое армейских офицеров высокого ранга, одиннадцать унтер-офицеров, трое музыкантов и семьдесят пять рядовых [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 1702–1703; НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 1253. Л. 14]. К осени 1827 года Страхов опечатал пять еврейских молитвенных домов и приказал отряду рядовых и унтер-офицеров патрулировать по периметру территорию единственного оставшегося открытым [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 4. Л. 2855–2855об].

Страхов и подчиненные ему дознаватели прилагали максимум усилий, чтобы составить полный список лиц, причастных к убийству. Они снова и снова устраивали евреям очные ставки с обвинительницами, применяя физическую силу и сознательно используя психологические слабости узников. Однако чем дольше тянулось дознание, тем сложнее оказывалось составить связный нарратив о случившемся. Как и в случаях с массовыми охотами на ведьм, в сюжете обнаруживались незавершенные линии, в показаниях — вопросы без ответов, за ними тянулся шлейф из дополнительных деталей и имен сообщников [Roper 2004: 49–51]. В какой-то момент лета 1827 года Страхов окончательно уверился в том, что убийство Федора — часть более масштабного заговора, который пока не раскрыт. Действие загадочных и незримых тайных сил всегда играло фундаментальную роль в осмыслении человеческого опыта. Теории заговора — связанные с действиями политиков, распространением инфекций или контролем над мировыми финансами и банками — всегда и везде обладали большой притягательностью. В самые разные времена в разных точках мира представители властей с особым интересом и страхом поглощали донесения о новых угрозах, таящихся в глубинах общества. Что касается представителей судебных властей, то с их точки зрения зловердные интриги присутствуют повсюду, хотя фантазия и обнаруживает их в конкретных точках, таких как

— в нашем случае — сонный приграничный городок Велиж, где группа местных евреев-заговорщиков подставила под удар весь еврейский народ⁸⁵.

9 сентября 1827 года генерал-губернатор Н. Н. Хованский отправился в Петербург делать доклад перед сенатским комитетом. Хотя на должность генерал-губернатора назначал лично государь император, этот сановник являлся представителем центрального правительства, поэтому ему вменялось законом находиться в постоянном контакте со столицей империи [LeDonne 2001: 8–9]. Как и любой крайне честолюбивый чиновник, стремящийся любыми способами подняться по служебной лестнице, Страхов был прекрасно осведомлен об обязанностях генерал-губернатора. Если Сенат сочтет необходимым наказать или оштрафовать Хованского за недолжное исполнение служебного долга, под угрозой окажется и будущее самого Страхова. Понимая, сколь многое поставлено на кон, чиновник по особым поручениям провел несколько ночей, составляя исчерпывающий доклад, описывая в малейших подробностях успехи своих подчиненных и перечисляя сложные причины того, почему на завершение расследования требуется дополнительное время.

С целью минимизировать коррупцию в российском уголовном кодексе была четко прописана процедура ведения следствия: как именно должны проводиться допросы, как именно официальным лицам надлежит протоколировать, подписывать, собирать и хранить материалы дела. Процедура эта предполагала, что комиссия будет регулярно докладывать генерал-губернатору о ходе расследования. Губернаторы обязаны были в ключевые моменты отправлять донесения в Петербург. Царь и его министры стремились контролировать ход серьезных уголовных дел в мельчайших подробностях. В провинциальные города и села регулярно направлялись комиссии, которые брали на себя ведение подобных дел. Центральные власти не только стремились предотвратить злоупотребления на местном уровне, но и пытались сделать все возможное, чтобы пресечь любую ересь или политическую крамолу еще до того, как ситуация выйдет из-под контроля [Kollmann 2012; LeDonne 2001: 8–9].

Столь медленное продвижение расследования Велижского дела начало вызывать в Петербурге серьезное беспокойство. Почему дознание занимает столько времени? Когда комиссия намерена довести дело до суда [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Л. 2142–2145⁸⁶]? Готовых ответов у Хованского не было. Входя в мельчайшие детали, он обсудил все собранные доказательства с представителями Сената, указал, что допросы, безусловно,

⁸⁵ Мои соображения о значимости заговоров основаны на: [Comaroff, Comaroff 2003: 290].

⁸⁶ Список уточняющих вопросов, которые были заданы генерал-губернатору Сенатом.

приносят свои плоды: Терентьева и Максимова называют все новые имена и, пусть и постепенно, раскрывают истинные масштабы убийства по сговору. Хованский подчеркнул, что быстрому завершению расследования препятствуют несколько обстоятельств. Во-первых, не все подозреваемые проживают поблизости. По этой причине дознаватели тратят много сил и средств на то, чтобы их вычислить. Мешает и то, что евреи используют целый ряд различных приемов, в том числе плутовство и лукавство, чтобы замедлить процесс. Кроме того, усложняют ситуацию протекшее время и провалы в памяти. С того дня, как труп ребенка обнаружили в лесу, прошло несколько лет. За это время и подозреваемые, и те, кто их обвиняет, успели забыть важнейшие детали. С учетом всех противоречий и лакун в показаниях ускорить ход расследования практически невозможно. Требуется дополнительное время⁸⁷.

Сенат не только дал генерал-губернатору отсрочку, но и уполномочил его единолично надзирать за ходом этого особенного уголовного расследования [Гессен 1904: 64]. Осенью 1827 года в связи с расширением и активизацией следственных действий Хованский потребовал от дознавателей как можно скорее представить ему полный список имен. Менее чем через неделю после отъезда Хованского в Петербург Страхов вызвал обвинительниц для новых допросов. Марья Терентьева и до того несколько раз намекала на существование более обширного заговора, но о деталях высказывалась даже менее определенно, чем обычно. 15 сентября 1827 года, после особенно тяжелого допроса, Марья сломалась. Она не только назвала новые имена, но и созналась в том, что помогла евреям убить еще двоих мальчиков-христиан [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 2291–2306; Ч. 4. Л. 2876–2877; Ч. 12. Л. 698–744]. По ее словам, убийства эти произошли весной 1813 года. Центром зловещих событий вновь был назван двухэтажный каменный дом Мирки Аронсон. Марья пояснила, что однажды пошла на рынок, чтобы купить «безом» — веник, и встретила там старую знакомую с двумя сыновьями. Они заболтались, и тут из тени вышел Шмерка Берлин, схватил мальчиков за руки и затащил их в дом [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 212–214]. Когда Марья пришла к Аронсонам на следующий день, в доме находились Мирка Аронсон, Шмерка и Слава Берлины и много других евреев самого разного толка.

Терентьева продолжала: мальчики безутешно плакали, однако после того, как евреи дали им в серебряной ложечке по несколько капель какой-то жидкости из бутылки, они

⁸⁷ 5 июля 1827 года в письме к генерал-губернатору Хованскому Страхов объясняет, что определить точную дату, когда комиссия закончит свою работу, практически невозможно [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 3. Л. 1644–1645, 1647об].

внезапно умолкли. По словам Терентьевой, дальше все разворачивалось по известному сценарию. Она описала, как евреи раздели мальчиков, поместили в бочку, утыканную стальными гвоздями, и несколько часов раскачивали ее из стороны в сторону. Она рассказала, как обмыла тела особой жидкостью, коротко подстригла ногти и обрезала крайнюю плоть. Основным местом действия этой устрашающей истории вновь стала большая еврейская школа. Авдотья Максимова, якобы с целью облегчить совесть, без промедления почти полностью повторила рассказ Терентьевой: как она колола мальчиков гвоздем, смывала с них кровь и помогала выбросить тела в реку [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 215].

Не желая замедлять ход следствия, Страхов тем не менее предложил расширить границы дознания. Первым делом решено было поговорить со служанкой Марьей Ковалевой, которая, как оказалось, смогла подтвердить показания Терентьевой и даже украсила их самыми неожиданными подробностями. Весной 1813 года, сообщила Ковалева, она была впечатлительной молодой девушкой. Она вспомнила, как, находясь в еврейской школе, увидела что-то длинное, круглое, с двумя длинными выступами, напоминающими рога дьявола. Иосель Гликман якобы сказал ей, что это — еврейский бог, который делает много хорошего, но только евреям и никому иному. Ковалева описала еще один инцидент, связывавший зловещие слухи с прошлыми событиями. Примерно через год после убийства двух мальчиков Ковалева мыла у Мирки полы и заметила в углу комнаты красную деревянную шкатулку. Не сдержав любопытства, она откинула крышку и увидела что-то вроде трех темно-красных блинчиков и большую серебряную чашу. Она помнит, точно это было вчера, что от густой темно-красной жидкости, которой была наполнена чаша, исходило сильное зловоние — будто от гниющей плоти [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 217–218].

Почему она молчала раньше? — осведомился Страхов. На лице Ковалевой отразился испуг. Она якобы боялась, что евреи станут все отрицать, а ее накажут кнутом и сошлют в Сибирь. Ковалева была уверена, что тут-то и придет ей конец. Она понимала, что евреи хотят ее запугать, чтобы она молчала. Однако теперь, много лет спустя, она поняла, что наконец-то пришло время открыть всю правду. Впрочем, развязка не заставила себя долго ждать. Всего через несколько дней после этого признания Ковалева повесилась. Судя по всему, последние минуты жизни она провела в убеждении, что обязательно будет наказана за свое признание. Накануне самоубийства дежурный охранник заметил, что Ковалева находится в невменяемом состоянии. По его словам, она рыдала, ходила кругами по комнате и бормотала себе под нос, что сказала чистую правду и что очень

тоскует по мужу и детям [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 218; НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 3717. Л. 79–104].

Тем временем евреев снова и снова вызывали на допросы. Представ перед комиссией, Ханна Цетлина не стала отвергать утверждение, что Терентьева ходила на рынок за веником, однако решительно отрицала, что евреи запирали мальчиков в доме у Аронсон. Ханна считала, что Ковалеву просто сбили с толку. Как иначе? Ведь Ковалева слово в слово повторила ту же историю, которую до нее рассказывали Максимова и Терентьева [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 219]. Другие евреи были согласны с Ханной. Слава Берлина, например, решительно отвергала все выдвигавшиеся против нее обвинения, о каком бы серьезном преступлении ни шла речь. Евзик Цетлин объявил дознавателям, что они не имеют законного права допрашивать ни его, ни других евреев, а Орлик Девирц поинтересовался, почему Ковалева не пошла в полицию «Ибо если была правда, — уверял Орлик, — то почему она не объявила о том в полиции, а как она объявила о тех мальчиках в то время, то ясно видно, что говорит она по научению... что она доказывает ложно; а если бы это было, то могли бы о том знать соседи и весь город, которые верно объявили бы в полиции» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 220–226, 235–236].

Зимой и весной 1828 года по городку так и гуляли зловещие слухи. Дознаватели надеялись, что смогут подготовить материалы к суду, однако допросы только осложнили ход расследования. По ходу очной ставки с униатским священником Тарашкевичем Терентьева призналась, что не только причастна к убийству двух мальчиков-христиан, но и участвовала в еще одном ритуальном убийстве: некоей дворянки Дворжецкой в декабре 1817 года. Терентьева пояснила, что довольно долго была знакома с Дворжецкой [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 12. Л. 293–308]. Однажды они вместе решили сходить к реке и встретили там местного ростовщика, в руках у которого была бутылка спиртного. Терентьева вспомнила, что они пили из бутылки по очереди, пока у них не закружилась голова. После этого они отправились в дом к кому-то из евреев — он жил неподалеку от полицейского участка и Духова собора, совсем рядом с синагогой. Там они распили еще одну бутылку, и когда Дворжецкая окончательно опьянела, четверо евреев схватили ее за обе руки и поволокли в синагогу, где их дожидались еще пятеро евреев. Один из них раздел Дворжецкую, вытащил у нее из кармана пятьдесят рублей и запихал ее в бочку, подвешенную на веревке к потолку [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 237–238]. Хотя Терентьева уже описывала этот дьявольский ритуал в нескольких разных случаях, дознаватели потребовали, чтобы она еще раз повторила свой рассказ. Терентьева крайне

подробно расписала, как бочку целых три часа раскачивали из стороны в сторону и как евреи по очереди хлопали Дворжецкую по щекам, связывали ей ноги в коленях и кололи тело блестящим гвоздем [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 239].

Дознаватели сразу же обнаружили в показаниях Терентьевой нестыковки. Когда ее попросили объясниться, она заявила, что все это произошло много лет назад, она в тот вечер изрядно выпила и заходила в несколько еврейских домов. Чтобы разобраться с противоречиями, Страхов вызвал Орлика Девирца для очной ставки, однако старик отказался разговаривать с Терентьевой. Орлик задал вопрос: действительно ли Дворжецкую убили в синагоге? А потом, изменившись в лице, крепко сжал руки, глубоко вздохнул и голосом, полным отчаяния, воскликнул: «Уведут, уведут меня в беду». К этому он добавил, что «она подлая женщина, все врет только по научению и показывает на евреев, и что он ее до составления Комиссии нигде не видел» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 240–241].

Комиссия пришла к выводу, что по закону Орлик Девирц не имеет права отказываться от очной ставки. Страхов предупредил Орлика, что, отказываясь от разговора с Терентьевой, он тем самым признает свою вину. Однако Орлик проигнорировал это юридическое обоснование и продолжал твердить, что показания Терентьевой — ложь. «Скажи, когда это было, я ничего не знаю; буду ли я такими делами заниматься; в нынешнее время дай Бог прокормить себя с детьми; беспокоишь ты мою старость». Когда Терентьева вошла в комнату, Орлик не сдержался: «Дай свидетелей, что это было, как ты говоришь, ты научена». «Да, Орлик, научена, — ответила Терентьева, — вы меня научили, кому меня учить более [как приносить кровавую жертву]... да нечего делать, пришло время правду говорить» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 242–243].

Пытаясь свести все факты воедино, Страхов вызвал Терентьеву, чтобы она прояснила пробелы и нестыковки в своем рассказе, однако она неожиданно увела разговор в другую сторону, открыв еще несколько зловещих тайн [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 15. Л. 342об–410]. Примерно на еврейскую Пасху, через год-другой после смерти Дворжецкой, Орлик Девирц отвез ее в шинок в деревне Семичево. Он оставил ее там на три-четыре дня, а потом вернулся с двумя крестьянскими девочками. Ту, что помладше, немедленно отвели в особую горницу и дали ей поесть хлеба, а старшая провела ночь в комнате по соседству с Терентьевой. Чем дольше Терентьева говорила, тем больше в ее рассказе возникало новых красочных деталей: как она смешивала кровь с водой и опилками, разливала смесь по трем бутылкам, пропитывала кровью льняной лоскут, резала его на мелкие кусочки и раздавала их евреям. Когда Страхов указывал ей

на нестыковки, Терентьева напускалась на него. Почему коллежский советник принимает сторону евреев? Кроме того, она утверждала, что если бы Максимова не толкнула ее на преступление, то сама бы она никогда его не совершила [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 247–249].

Евреи просто не могли поверить собственным ушам. Слава Берлина не отрицала, что некоторое время водила знакомство со старым Шоломом, хозяином семичевского шинка. Старик часто приезжал в Велиж за продуктами и другими товарами, однако Слава однозначно утверждала, что в шинке его не бывала ни разу. По этой причине она считала, что обвинения в ритуальном убийстве — за гранью абсурда. «Писать ничего не нужно потому, что доказательницы говорят ложь, какой на свете не бывало». Когда Терентьева вошла в комнату, Слава не сдержалась и несколько раз повторила: «Вы все разбойники; нам ничего не будет, а вас же судить будут». Терентьева не обратила на Славу никакого внимания и во время очной ставки с глазу на глаз заявила комиссии, что именно Слава обучила ее дьявольским обрядам. Если бы она не заставляла ее пить вино и протыкать тела, она бы тоже не мучила евреев. Слава к этому моменту уже дошла до исступления. Она кричала, что

...все Члены Комиссии и Генерал-Майор Шкурин научают доказательниц баб показывать на нее ложь, и все бумаги составлены ими несправедливо... она, подозревая их, просит его донести о том государю и что по сему она ни оправданий своих о взводимом на нее преступлении, ни доказательств, что подозрение ее на Членов Комиссии справедливо, представить не может иначе, как только тогда, когда... все прежние члены будут сменены [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 251–252].

Перед самой своей смертью Шифра Берлина заявила комиссии, что обвинительницы болтают вздор, потому что им нечего терять. Они с утра до ночи пьют. Терентьева бедна и живет на улице. Орлик Девирц подтвердил, что знаком с Шоломом и несколько раз проезжал мимо его шинка на пути в Семичево. При этом он твердо стоял на том, что никогда не имел с Шоломом никаких деловых отношений. Если Терентьева говорит правду, почему ее слова не подтверждают другие свидетели? Почему никто из почтенных людей — тех, кого все знают и уважают — не выступает против евреев? Он подчеркнул, что наговаривают на евреев только люди, которые живут на улицах и ходят по дворам, выпрашивая подаяние [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 253–257]. Когда в комнату для допросов вызвали Терентьеву, Евзик Цетлин отказался с ней говорить. Писарь зафиксировал, что Евзик притворился, будто у него скрутило живот. Терентьева же

обвинила его в том, что он не дает ей сказать правду — что это он убил двух девочек через год после того, как убил двух мальчиков. Однако Цетлин только отмахнулся от нее и отказался подписать протокол допроса [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 258–260].

Выдвинутые обвинения и так уже были совершенно фантастичны, однако Марья Терентьева не собиралась на этом останавливаться. Она заявила, что через два или три года после того, как она якобы посодействовала убийству девочек, она приняла участие еще в одном дьявольском ритуале [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 14. Л. 231–265об]. И на этот раз рассказ ее оказался долгим и бессвязным, причем подтвердить его подробности представлялось невозможным. Она заявила, что на еврейскую Пасху еврей по имени Зелик Брусованский постучал в двери Евзика Цетлина. Он был стар и проживал в деревне Суслиной на Смоленском тракте, километрах в пяти от города. Когда Зелик зашел, Терентьева как раз сидела у Цетлиных в сенях. Он уговорил ее пойти с ним к нему домой. Пока они шли по Смоленскому тракту, они увидели четверых детей, двух мальчиков и двух девочек, которые стояли на мосту. Зелик заставил ее похитить детей. У нее не было сил отказаться. На следующий же день в шинок к Зелику явились Максимова и несколько велижских евреев; они тут же начали расправу над детьми [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 264–265].

Максимова в целом подтвердила эти показания, но прибавила к ним душераздирающие подробности, многие из которых полностью противоречили показаниям Терентьевой. Когда Страхов предъявил эти факты Терентьевой, она повела себя хуже прежнего. Без размышлений или пояснений она просто перестала отвечать на вопросы комиссии, а потом грязно обругала Максимова и заявила, что все случившееся произошло по ее замыслу. Страхов, не зная, как поступить, решил дать Терентьевой время поостыть и припомнить, как все происходило на самом деле [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 266].

Неудивительно, что эти обвинения возмутили узников-евреев. Страхов вызвал Зелика Брусованского для допроса, но пользы от него оказалось мало. Он сообщил, что бывал в доме у Аронсон, но не давал никому указаний совершить ритуальное убийство детей. В дружеских отношениях с семьей Аронсонов он состоять не мог, поскольку они — важные люди, а он — убогий, никому не нужный старик. Он знаком почти со всеми евреями в городе, однако никогда не встречал ни Максимова, ни Терентьеву. В шинок к нему они никогда не заходили. Писарь отметил, что по ходу допроса Зелик постоянно смотрел в пол. Кроме того, он тяжело дышал, как будто от непереносимой боли, дрожал

всем телом и не знал, куда девать руки. Свои показания Зелик завершил самоочевидным: про убийство он ничего не знает. Какой ему смысл закалывать до смерти несчастных невинных детишек? Вот если кто-то из его родных сознается, он сознается тоже. А до тех пор ему больше сказать нечего. Здешним евреям не нужна христианская кровь. Может, где в мире и есть евреи, которые убивают христианских младенцев, но ему об этом ничего не известно [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 269–270].

Иосель Мирлас признал, что неоднократно бывал в шинке у Зелика, однако решительно отверг саму мысль, что он замешан в убийстве по сговору. Писарь отмечает, что Мирлас разразился неудержимыми рыданиями. На вопрос, почему он то краснеет, то бледнеет, Мирлас ответил, что он не только меняется в лице и дрожит всем телом — после разговоров со следователями у него два дня болит голова, будто он лишился рассудка. Ханна Цетлина тоже не сказала ничего полезного. Когда Страхов попросил ее подробно рассказать об убийстве, она ответила, что никогда не бывала в таверне у Зелика. Про убийство ничего не знает. Если бы евреям понадобилось убить христианских мальчиков, они нашли бы их прямо в городе.

Евзик Цетлин сильно нервничал на протяжении всего допроса. Писарь отметил, что он был смертельно бледен. «Это благодарность, Авдотья, за мою хлеб-соль», — заявил он саркастически. «Мне бы лучше было, если бы ты у меня не жила, — продолжил он. — Другая [Марья Терентьева] не сказала бы этого; за что ты меня и детей моих губишь? Ты целый город разорила, но не думай, что все так будет, ты увидишь, что с тобой будет; я уже тебе сказал прежде, увидишь сама, ты ничего не докажешь [против нас евреев]» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 272].

Поскольку в показаниях было множество неясностей, комиссия постановила, что единственный способ доказать истинность обвинения — это обнаружить тела. Представители комиссии посетили вместе с Терентьевой шинок Зелика, предполагаемое место преступления, однако, к своему неудовольствию, обнаружили только четыре подгнивших деревянных столба. Максимова заявила, что сможет показать место захоронения. Когда они возвращались пешком в Велиж по Смоленскому тракту, она внезапно бросилась в чашу и принялась разгребать грязь и старые ветки в поисках костей. Она выдвигала всевозможные объяснения: в момент убийства они были пьяны, найти точное место трудно, поскольку она была там всего лишь один раз, все произошло слишком давно. Дознаватели еще несколько часов ходили кругами, пока не сочли, что целесообразнее будет вернуться в город и завершить расследование, а не блуждать по лесу без всякого смысла [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 280–281].

За полтора года Терентьева с Максимовой выложили множество невероятных историй, в том числе про осквернение гостии, — или вариации на эту тему⁸⁸. Возможно, они слышали, как соседи судачат об этом на улице, в церкви или в шинке. Возможно, вспоминали какие-то случаи, когда евреев обвиняли в похищении церковной утвари, надругательстве над гостией или убийстве христианских детей. Каким бы ни было подлинное объяснение, логично предположить, что обвинительницы строили свои рассказы на фрагментах нарративов, имевших в то время широкое хождение. Их истории, вобравшие в себя элементы устной и письменной традиции, множество знаков и символов, сюжетов и подсюжетов, срабатывали именно потому, что были привязаны к местной памяти и укоренены в окружающей реальности [Ostling 2017: 18–38]⁸⁹.

Гостия — освященная облатка для причастия — считается частицей плоти Христовой. Истории о надругательстве над причастием повествуют о том, как евреи похищают и оскверняют самый важный символ христианской идентичности. Поскольку освященная облатка воплощает в себе тело и кровь Христа, возмущение по поводу осквернения гостии не раз приводило к антиеврейским выступлениям и запутанным судебным разбирательствам. С начала Раннего Нового времени нарративы об осквернении гостии вошли в круг различных местных традиций и литургических практик. Вера в чудотворную силу гостии использовалась и для популяризации кровавого навета. Когда евреи совершали надругательство над гостией, бросая ее в кипяток или прокалывая ножом, или когда убивали христианских детей, чтобы использовать их кровь для своих ритуалов, они превращали кровь христиан в демоническую субстанцию [Hsia 1988: 12; Viale 2007: 112–113].

Максимова рассказала, как прятала гостию в носовом платке, Терентьева созналась, что делала то же самое как минимум три раза. Обе женщины в самых фантастических подробностях описали, как помогали евреям в осквернении символа причастия: смешивали пшеничную муку с водой, кровью и святыми дарами в особом тазу, лепили из теста булочки, срезали с них корку трезвым (некошерным) ножом и кидали крошечный кусочек в огонь; как все собирались вокруг, протыкали мякоть и рвали ее на куски. Хотя обвинительницы постоянно противоречили друг другу, а в какой-то момент Терентьева так разозлилась на Максимова, что отказалась с ней разговаривать, — судя по всему, в основных своих показаниях они были единодушны [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 281–285].

⁸⁸ О символической роли гостии см.: [Rubin 1999: 194].

⁸⁹ В более широком контексте см. в: [White 2000: 23, 30].

«На что нам крошечка хлеба, — пояснила Ханна Цетлина дознавателям, — у вас она много значит, а нам на что она, как можно ругаться над хлебом?» Что касается Максимовой, Ханна не сдерживала своих чувств: «Паскудница, стерва... я смотреть на нее не хочу, я говорить с нею не хочу, она будет говорить все ложь». Евзик Цетлин был с ней полностью согласен: «Если бы ему не растолковали, что святыми тайнами у христиан называется хлеб, то он бы и до сих пор о том не знал». «Как можно надругаться над хлебом? — недоумевал Цетлин. — Я таких книг не читал, их не всякий может читать, у нас книг много, всех нельзя прочитать, я не так учен, чтобы такие книги мог читать». Шмерка Аронсон высказался в том же духе: «1800 лет говорят на евреев, что им надобна кровь, я слышал, что нашли и печатные книги, в которых написано, что евреям надобна кровь, но они фальшивы, я твердо знаю, что ничего не было» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 286–289, 295].

Орлик Девирц задал вопрос: как можно надругаться над святыми тайнами? В этом следствии что ни месяц, то что-то новенькое. Слава Берлина понятия не имела, что Терентьева и Максимова понимают под «святыми тайнами», и задала вопрос, когда именно происходит осквернение. Отказавшись что-либо подписывать — хотя дознаватели подтвердили, что все ее слова и действия будут в точности записаны в особых тетрадах, — она заявила членам комиссии, что они могут писать что угодно, для нее это ничего не меняет и подпись она ставить отказывается. Писарь отметил, что, как только в комнату вошла Максимова, Слава задрожала всем телом и выкрикнула во весь голос, что та постоянно лжет, а потом стала угрожать Максимовой, что она, Славка Берлина, так этого не оставит: ведь ей известно, что Максимова все говорит по наущению Страхова [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 289, 293].

Пока комиссия занималась допросами подозреваемых, Терентьева на протяжении долгих часов излагала очередное признание, оказавшееся последним: жуткую повесть о краже и осквернении церковной утвари [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 16. Л. 229–254; Ч. 17. Л. 353–414]. В Польше эпохи позднего Средневековья и Раннего Нового времени кража утвари из католических храмов считалась самым святотатственным преступлением. Притом что наиболее священными предметами считались облатки для причастия, суды регулярно выносили евреям приговоры за кражу, продажу или осквернение потиров, серебряных дверных ручек, крестов, изготовленных из драгоценных металлов, мирниц (сосудов для миропомазания), шелковых занавесей и скатертей. В Польше периода Раннего Нового времени суды над такими преступниками и их публичные казни были общедоступными зрелищами, обвиненных в святотатстве зачастую сжигали на костре.

Новости о предстоящих казнях передавались из уст в уста, и посмотреть на них собирались большие толпы⁹⁰.

Объединяя в один сюжет осквернение гостии и кражу церковной утвари, Терентьева черпала свой материал из давней традиции рассказов о преступлениях, считавшихся в глазах как светских, так и церковных властей наиболее тяжкими. В данном случае она сосредоточилась на антиминос, который якобы был похищен из Ильинской церкви. На встрече с униатским священником Тарашкевичем Терентьева упала на колени и заявила, что давно бы ему во всем покаялась, но очень боялась, как он на это отреагирует. Она припомнила, как евреи поднесли ей графин с водкой и приказали похитить антиминос. В сумерки Терентьева подошла ко входу в церковь — все как раз выходили после службы. Она дождалась, пока прихожане ушли, и как только священник покинул алтарь, вбежала внутрь и схватила священный плат. По словам Терентьевой, он был небольшим. С антиминосом в руках она направилась напрямиком в еврейскую школу, где несколько евреев незамедлительно приступили к его осквернению. Сперва они по очереди плюнули на плат, потом топтали его голыми ногами, пока он не изорвался в клочья, а остатки сожгли, так что не осталось никаких следов [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 299–304].

На сей раз проверкой истинности обвинения занялся генерал-майор Шкурин. Чтобы убедиться, что «рисованное полотенце» действительно было предметом церковной утвари, он попросил Терентьеву показать, как она пробралась в церковь и украла антиминос. Терентьева, Шкурин и еще несколько членов комиссии дошли пешком до Ильинской церкви. Писарь отмечает, что, едва войдя в храм, Терентьева упала на пол и разрыдалась, судорожно глотая воздух и умоляя всемогущего Господа простить ее за все совершенные ею преступления. Валяясь на полу, она никак не реагировала на призывы Шкурина. В итоге примерно через час Терентьева заявила, что боится, что Господь поразит ее и она умрет на месте, а следовательно, не сможет показать дознавателям, как именно похитила антиминос [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 300].

Несколько дней спустя Тарашкевич просмотрел описи имущества Ильинской церкви и обнаружил, что один из антиминосов действительно пропал [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 303–304]. Авдотья Максимова подтвердила, что его украли в 1823 году, примерно тогда же, когда в лесу было обнаружено тело Федора. Она пояснила, что вскоре после совершения ритуального убийства Ханна Цетлина передала антиминос Иоселю Мирласу, который сотворил с ним невообразимые вещи. Аккуратно разгладив плат,

⁹⁰ Этот абзац основан на прекрасном анализе краж и осквернения церковной утвари в Польше периода Раннего Нового времени из: [Teter 2011: 40–62].

Иосель плюнул на него, а потом вытер об него руки. Потом якобы те же действия повторили и остальные евреи. В завершение обряда Орлик Девириц поднял плат с пола и разорвал на четыре полосы, из которых выложил крест. Руман Нахимовский тут же поджег ткань, а пепел сложил в медный тазик, который отнес в еврейскую школу. После того как Прасковья Козловская полностью подтвердила слова Максимовой, Шкурин пришел к выводу, что собрал достаточно доказательств, чтобы выдвинуть против евреев обвинение.

Евзик Цетлин, как и другие подследственные, решительно все отрицал. «Что такое рисованное полотенце?» Потом, повернувшись к Терентьевой, он выпалил: «Я не хочу тебя слушать, ты бредишь, басни сказываешь!» В тот же день он заявил, что Авдотья погубила весь город, им конец. Ханна Цетлина также не понимала, почему этому полотенцу придают такой смысл. Она сказала Авдотье, чтобы та не забывала: придет время, когда она тоже умрет и попадет в лучший мир. А в этом нужно говорить правду. Неужели евреи действительно повинны в таких делах? Козловской она заявила: та знает, что все это ложь. Никто не плевал на полотенце, не топтал его, не жег. Ханна никогда не ходила с ней в школу, Козловская никогда у Ханны не работала. Терентьевой она сказала, что никогда не посылала ее к священнику с бутылкой водки. Зачем бы ей, если у нее есть собственная прислуга? В те времена она Терентьеву не знала вовсе [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 309–311].

Шкурин допросил многих других подследственных, но все они твердо стояли на своем. Слава Берлина, например, заявила комиссии: «Я ничего не подпишу, я женщина, я законов не знаю; генерал-губернатор не Государь, я не хочу знать, что он пишет; я знаю, что я и все, кои сидят, будут правы» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 312–313]. Еще одна узница объявила, что никогда раньше не жила в Велиже и, соответственно, не понимает, почему ее просят дать показания. Иосель Гликман со слезами на глазах опустился на колени и поклялся генерал-майору, что ничего не знает об убийстве, и если что-то выяснится во время следствия, виноваты будут все евреи. Зуся Рудняков отметил, что, возможно, все это и правда, но он всего лишь мелкий торговец и ничего не знает, с богатыми евреями города не общается, в домах у них не бывает, да и они с ним не разговаривают. Он даже грамоты не знает, знает лишь одно: что никогда раньше не слышал ни о чем подобном. Нота Прудков, прежде чем сознаться во вменяемом ему преступлении, сказал, что он совершенно с Зусей согласен: «Спросите нашего Беньомина Соломона, он ученый жид, спросите наших раввинов, всех перекрестов, они вам скажут, что этого быть не могло, что кровь евреям не нужна, а полотенце и кровь все одно к

одному; это уже не мальчик, это против Бога, это церковное полотенце, за это надобно повесить» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 316–317, 321, 327].

В 1827 и 1828 годах, когда паника в Велиже достигла своего пика, страхи перед массовыми еврейскими сговорами ради убийства детей-христиан расплозились по всем северо-западным губерниям Российской империи. Допросы показали, что убийство маленького Федора — лишь часть более масштабной проблемы. И суть даже не в признании Терентьевой и Максимовой, что они помогли евреям убить дворянку Дворжецкую и еще восемь христианских детей. Тревогу вызывали и вести о преступлениях, которые внезапно начали происходить в соседних городах. Сперва тело семилетнего крестьянского мальчика было обнаружено возле озера в городке Тельши Ковенской губернии. Вскоре после этого местные жители заявили, что видели, как двое евреев похитили и убили этого ребенка. Последовало долгое уголовное расследование, целых 28 евреев арестовали по подозрению в ритуальном убийстве. Затем власти Гродно решили возобновить расследование уголовного дела, закрытого десять с лишним лет назад. В свете велижского расследования они хотели окончательно убедиться в том, что евреи не скрывают убийства [Гессен 1904: 97–98]⁹¹.

В подобной активизации уголовных процессов не было ничего удивительного. В разных частях мира и в разные времена стремление к прозрачности заставляло с особым пылом выискивать повсюду тлетворную руку агентов зла⁹². Например, в деревнях и городках Швабо-Франконского пограничья слухи о чудовищных заговорах с целью массового отравления, фантастические истории об убитых младенцах и жуткие рассказы о других злых кознях привели к массовым арестам подозреваемых в ведьмовстве. Купцы и всякий бродячий люд — торговцы, ремесленники и проповедники — переносили сплетни из города в город, из страны в страну [Robisheaux 2009: 156–159]. Страх быстро расплозился по разным частям Европы Раннего Нового времени. Всего к концу XVII века охота на ведьм вылилась в более чем 110 тысяч арестов и 60 тысяч казней; многие вынуждены были жить в постоянном страхе попасть под подозрение [Levack 1995: 21–22].

Хотя Велижское дело и не приняло подобных масштабов, давление с целью вынесения обвинительного приговора вызвало к жизни динамические процессы, в которые постепенно втягивался все более и более широкий круг лиц. Связывая прошлое с настоящим, слухи — с реальными историческими событиями, Терентьева, Максимова и

⁹¹ Тельшинское дело в итоге слушалось в Сенате и официально завершилось в 1838 году оправданием евреев. См.: [Staliunas 2015: 28–32].

⁹² См., напр., сборник статей: [West and Sanders 2003].

Козловская выступили против людей, которым реально было что терять в ходе противостояния, грозившего изменить всю иерархию городка. При отсутствии прочной социальной базы — иными словами, активной поддержки жителей-христиан — обвинительницам вряд ли удалось бы навредить столь многим людям, пользовавшимся уважением и обладавшим авторитетом. И в этом смысле течение дела совпадало с шаблонами, наблюдавшимися и в других местах. Но если, например, в ходе охоты на ведьм, случившейся в XVII веке в американском Салеме, штат Массачусетс, определенные лица оставались неприкосновенными, то в Велиже под удар были поставлены абсолютно все евреи [Boyer, Nissenbaum 1974: 52, 146–147, 188].

Следователи использовали угрозу физической расправы, манипуляции с ложными показаниями и длительные допросы, чтобы убить в евреях волю к сопротивлению⁹³. Помимо причинения физической боли и доведения до полной безысходности, двигало ими и еще одно обстоятельство. Страхов прекрасно сознавал, что если не выбьет из евреев связного рассказа о том, что случилось весной 1823 года, его шансы на успешное разрешение дела серьезно уменьшатся. Чиновник по особым поручениям снова и снова подвергал их допросам с пристрастием, цель которых состояла в том, чтобы сломать дух подследственных, унижая их человеческое достоинство⁹⁴.

На ранних стадиях расследования Страхов отмахивался от обвинений в насильственных действиях, докладывая генерал-губернатору, что ни одному из подследственных не понадобилось никакого медицинского вмешательства [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 781об]. Однако, даже если дознаватели и не переходили пределов дозволенного (что весьма маловероятно), заключение не только истощало физические силы узников, но и сильно воздействовало на психику. Шмерка Берлин был болен туберкулезом, у него вскоре начались проблемы с дыханием и в итоге он впал в истерическое состояние. Шифра Берлин скончалась от болезней вскоре после заключения под стражу. Евзика и Ханну Цетлиных, равно как и их дочь Итку, вынужденное бездействие и постоянные надругательства довели до нервных срывов.

Заключение сказывалось как на физическом, так и на эмоциональном состоянии узников. Стоя перед комиссией во время устных допросов, многие евреи с трудом справлялись с психической нагрузкой. Некоторым сложно было донести смысл своих высказываний, поскольку им приходилось говорить на языке, которым в должной мере владели лишь немногие. Другие впадали в депрессию, от которой так никогда полностью и не излечились, и по ходу допросов часто теряли нить разговора на полупhrase. В этом отношении с велижскими евреями происходило то же, что и со многими другими узниками в различных географических и временных контекстах: страх, одиночество, подавленность, бессмысленность протестов, полное отчаяние, скука и слепая ярость

⁹³ О садизме и злоупотреблении авторитетом по ходу допросов см.: [Kivelson 2013: 204–205; Schulz 2007: 155–191; Leo 2008].

⁹⁴ Описание современных типов психологических пыток, жутковатым образом напоминающих те, которые применялись в XVIII и XIX веке, см.: [Ojeda 2008; Schulz 2007].

делали жизнь в заключении особенно тяжелой⁹⁵. Как для узников, так и для членов их семей изоляцию усугубляли долгие периоды молчания или перерывы в общении. Евреям очень хотелось узнать всевозможные бытовые подробности, касавшиеся здоровья и благополучия родных и друзей, жен и мужей, а в особенности — маленьких детей, внезапно оставшихся без одного из родителей. Предсказуемо отсутствие информации о том, что происходит дома, и ограничение контактов с близкими людьми ввергали людей в полную безысходность.

Хотя данные по этому поводу отрывочны, однако, судя по всему, участники расследования — охранники, караульные, обвинители и дознаватели — тоже страдали. Некоторые подолгу болели; другие не могли сладить с собственными демонами. Поскольку у следователей была склонность исключать или вычищать компрометирующие подробности из официальных протоколов, примеров у нас немного, однако они по-своему очень красноречивы. Служанка Марья Ковалева, якобы пособничавшая евреям при убийстве двух христианских мальчиков, покончила с собой после особенно тягостного допроса. Возможно, ее на это толкнула нечистая совесть⁹⁶. Иван Чернявский, охранник, вступил в связь с Меланьей Желновой (восемнадцатилетней крестьянкой, арестованной в 1825 году). Притом что она играла в деле второстепенную роль, Желнова, у которой родился ребенок, вынуждена была до конца дознания жить в маленькой избушке, находясь под стражей. Чернявский несколько лет подряд тайком пробирался к ней ночью через двор, за что получил официальное взыскание и был помещен в изоляцию. В итоге охранник покончил с собой, перерезав себе горло бритвой. Незадолго до того, как его нашли на полу собственной комнаты в луже крови, другой охранник слышал, как Чернявский жалуется, что жизнь стала невыносимой⁹⁷.

Успешное завершение расследования должно было принести Страхову ощутимые выгоды. Как минимум коллежского советника ждало продвижение по службе и заметная прибавка к жалованию. Возможно, его бы даже назначили на какой-то административный пост, что позволило бы ему подняться в Табели о рангах. Действительно, служебное рвение было для российского чиновничества действенным способом продвижения по карьерной лестнице. Однако истолковывать рвение Страхова только честолюбивыми мечтами несправедливо. Вера в дьявольские ритуальные практики все еще была очень

⁹⁵ О письмах из тюрем см.: [Foyster 2014; Priestley 1985].

⁹⁶ О самоубийстве Марьи Ковалевой см.: [НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 3717. Л. 79–104] (20 ноября 1829 года).

⁹⁷ О самоубийстве Ивана Чернявского см.: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 6. Л. 4563–4572]; [ГАРФ. Ф. 109. 4 экспедиция. Оп. 221. Д. 11. Кн. 6. Л. 16–18] (получено в САНПР).

сильна в самых разных слоях общества, в том числе среди судей, городских чиновников и градоначальников, управлявших машиной правосудия как в губернском мире, так и за его пределами. В Российской империи, равно как и в других частях мира в иные времена, различия между просвещенными скептиками и теми, кто верил в существование потусторонних демонических сил, всегда оставались размытыми. То, что срабатывало в случае охоты на ведьм, применимо и к кровавым наветам: нерешительность в принятии процессуальных решений достаточно часто сосуществовала с верой в реальность преступления [Levack 1999: 7].

Документальные свидетельства подтверждают: Страхов был убежден в том, что еврейские ритуальные убийства — реальный факт. В первые же месяцы дознания чиновник обозначил некоторые тому причины в письме Н. Н. Хованскому. Сперва он поставил под сомнение тот факт, что ни один из кровавых наветов не выдержал проверки правосудием, хотя расследуются подобные случаи достаточно часто. Страхов был убежден, что евреи с особым хитроумием заматают следы и находят крайне изобретательные способы скрыть свои злодеяния. То, что обвинения звучат лишь в местах, где у евреев есть официальное право жительства, красноречиво доказывает, что они по-прежнему отправляют свои демонические обряды. Не случайно в тех губерниях, где проживание евреев запрещено, не было выдвинуто ни единого обвинения. Почему люди решаются на подобные преступления? Самые распространенные объяснения всякого преступного деяния — неприязнь, тяжелое положение и материальная выгода. Однако ни один из этих мотивов не применим к расследованию данного дела. Тщательно осмыслив факты, Страхов пришел к выводу, что убийство Федора — не обычное преступление: ребенок никому не мог причинить вреда. Более того, кому может быть на руку убийство невинного младенца? Но даже если представить себе, что кто-то собирался извлечь из этого выгоду, — мальчика убили бы одним ударом по голове, не было бы ритуального убийства, факт которого был доказан экспертизой [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 1. Л. 615].

Оценивая работу комиссии в целом, Страхов не мог не радоваться успехам. Что до странных претензий к нему лично, ни одна не выдержала бы законного рассмотрения. К осени 1828 года комиссией было собрано внушительное досье: отчет судмедэксперта, множество признательных показаний, пропитанный кровью лоскут, два ножа, кусочек крайней плоти, вспомогательные научные материалы, в которых указывались весомые теологические обоснования и историческая подоплека ритуальных убийств. Расследование дошло до последней, критической стадии, и все указывало на то, что

разрешение всех противоречий и складывание общей мозаики преступления — всего лишь вопрос времени.

Впечатляющий список высокоумных обвинительных трудов помог Страхову и его подчиненным рационализировать убийство. Эти ученые трактаты, основанные на множестве печатных и устных заявлений специалистов, служили текстуальным подтверждением того, что ритуальное убийство является фактом действительности. К концу XVIII века в старой Польше было опубликовано не менее 76 книг и брошюр на эту тему. В печатных трудах содержались пространные описания прошлых дел, и они играли существенную роль в преследовании евреев. Подробные цитаты из Талмуда и других священных книг — как правило, их подготавливали выкресты или отпавшие от еврейской общины, владевшие древнееврейским — служили подтверждениями обвинений [Maciejko 2011: 94, 96].

Следственная комиссия пользовалась несколькими источниками, содержащими обоснования тезиса, что евреи используют в ритуальных целях кровь христиан⁹⁸. Основным стал частичный перевод брошюры епископа Каэтана Солтыка «Złość żydowska» («Злость жидовская»). Солтык приобрел известность по ходу расследования дела о кровавом навете в Житомире⁹⁹. В 1753 году он обвинил 31 еврея в использовании крови христиан для религиозных обрядов, 12 из них были признаны виновными и приговорены к казни четвертованием. Солтык не только воспроизвел в брошюре материалы процесса, но и включил в нее свидетельства членов экстремистской еврейской секты франкистов (последователей Якова Франка, самопровозглашенного пророка, последователя Шабтая Цви). В широко освещавшихся диспутах с верховными польскими раввинами франкисты, которые в определенный момент перешли в католичество и пытались скрыть свое еврейское происхождение, утверждали, что все пророчества относительно пришествия Мессии уже сбылись, что веры в Мессию можно достичь только через крещение, что, согласно учению Талмуда, евреям необходима христианская кровь и всякий, кто верует в Талмуд, обязан ее использовать. Манипулируя разнообразными еврейскими священными текстами, в основном через неверный перевод или ложную трактовку ключевых положений, франкисты учили, что человеческие жертвы

⁹⁸ Комиссия по дознанию заказывала переводы отрывков из отдельных книг и брошюр [РГИА. Оп. 235. Д. 65. Ч. 20. Л. 278–288, 317–318; Ч. 21. Л. 403, 405–411, 414–415, 494–495]. Некоторые из этих текстов были опубликованы Сенатом и сейчас хранятся в РНБ. См.: [Заключение по произведенному в Велиже следствию действительно ли солдатский сын Емельянов умерщвлен Евреями. Части Б–Е (n.d., n.p.)].

⁹⁹ Этот абзац основан на: [Maciejko 2011: 103–126]. О епископе Каэтане Солтыке см.: [Butterwick 2012: 28–30].

и ритуальное использование христианской крови — неотъемлемая часть еврейских религиозных практик [Maciejko 2011: 103–126].

Обильно цитируя ранее опубликованные альманахи и брошюры, в том числе и популярные тезисы франкистов, Солтык рассматривает ритуальное убийство одновременно и как религиозное, и как социальное явление. Его брошюра, впервые вышедшая в свет в 1760 году и впоследствии несколько раз переиздававшаяся, сообщает, что священные книги требуют от евреев использовать христианскую кровь для обрядов и ритуалов, а также осквернять христианские святыни. Для Страхова брошюра Солтыка служила ключевым экспертным заключением, связывающим прошлое с настоящим, поскольку, как он объяснял Хованскому, в ней описывались реальные примеры предрассудков и убедительно доказывалось, что евреям для их религиозных обрядов требуется христианская кровь [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Часть 1. Л. 783об–784об¹⁰⁰].

Еще одним доказательством того, что ритуальное убийство может произойти в любом месте и в любой момент, служили путевые записки достопочтенного Роберта Уолша о путешествии в 1827 году по Османской империи. Уолш описывает, как однажды, проезжая через Галату, пригород Перы (территория нынешнего Стамбула), он услышал слухи о том, что евреи совершили ритуальное убийство мальчика-грека. «Исчез сын греческого купца, — пояснял Уолш, — и никто был не в состоянии понять куда». Поначалу власти решили, что кто-то из турков забрал мальчика в рабство. Но когда было найдено тело, — руки и ноги оказались связаны, на одном боку явственные раны, — власти пришли к выводу, что мальчик был умерщвлен «при чрезвычайных обстоятельствах и с некой чрезвычайной целью». В его убийстве немедленно заподозрили евреев. «Поскольку дело было сразу же после их праздника Пасхи, подозрения перешли в уверенность. Не обнаружили ничего, что указывало бы на виновников злодеяния, но история эта обсуждалась в Пере повсеместно, и все в нее верили» [Walsh 1828: 12–13]¹⁰¹.

Чтобы подтвердить истинность изложенной им истории, Уолш ссылается на брошюру греческого православного монаха-выкреста по имени Неофит. Она написана по-румынски и впервые была издана в 1803 году под названием «Тайна, доселе сокрытая и ныне впервые преданная гласности»; в ней рассказывалось о том, как еврейские фанатики-сектанты, под влиянием еврейских священных книг, пьют христианскую кровь в ритуальных и лечебных целях. Брошюра имела широкое хождение по

¹⁰⁰ Докладная записка Страхова Хованскому, 17 ноября 1826 года.

¹⁰¹ Русский перевод: [РГИА. Оп. 235. Д. 65. Ч. 20. Л. 317–318; **Заключение по произведенному в Велиже следствию. Часть Г**].

восточноевропейским православным монастырям и несколько раз переиздавалась¹⁰². В Российской империи производство и хождение обвинительной литературы, связанной с кровавыми наветами, было не столь интенсивным, как в Польше Раннего Нового времени. На русском языке вышло лишь несколько книг и брошюр, причем почти все они были переводами с польского [Klier 1986a: 17–19]. Тем не менее этот литературный жанр — подобно демонологическим писаниям о ведьмовстве — добавлял религиозного и интеллектуального веса аргументации, направленной против евреев¹⁰³. В Велижском деле, равно как и в ходе других уголовных расследований ритуальных убийств, произведения Солтыка, Уолша и Неофита использовались, наряду с другими, как научные подкрепления обоснованности преследования евреев за ритуальные убийства.

Обратившийся в 1828 году в католицизм Антон Викентьевич Грудинский сообщил следственной комиссии, что не кто иной, как крупнейший средневековый еврейский философ и богослов Моисей Маймонид якобы является автором рукописи, где описаны верования и практики, во все времена подталкивавшие евреев к совершению ритуальных убийств. Грудинский утверждает, что, просматривая ящик с книгами, конфискованными из синагоги провинциального города Мира, он натолкнулся на работу «Как следует убивать христианских детей». Грудинский был не единственным выкрестом в истории кровавых наветов, рассуждавшим о тайном использовании христианской крови в еврейских религиозных ритуалах и церемониях¹⁰⁴. Большая часть подобных признаний была результатом длительных пыток; некоторые подследственные заявляли, что были свидетелями и непосредственными участниками ритуалов с кровью, однако ранее никто из них не поддержал обвинения, сославшись на авторитетный голос одного из величайших умов в истории человеческой цивилизации [Maciejko 2011: 99–102; Hsia 1992: 95–104]¹⁰⁵.

Грудинский, по всей видимости, был мало знаком или совсем не знаком с религиозными и философскими трудами Маймонида. Однако это не помешало ему

¹⁰² Об истории публикации брошюры Неофита см.: [Frankel 1997: 264].

¹⁰³ О демонологии см. классическую работу: [Clark 1997]. Краткое изложение содержится в: [Williams 2013: 69–83].

¹⁰⁴ Выкрест Д. А. Хвольсон, считавшийся крупнейшим специалистом по еврейскому вопросу, вел подробный список крещеных евреев, которые поддерживали обвинения по кровавым наветам. [См.: Хвольсон 1880: 300–322].

¹⁰⁵ В своей нашумевшей работе об использовании евреями христианской крови, впервые опубликованной в 1876 году, ксендз-расстрига Ипполит Лютостанский также пытался подкрепить свои заявления вымышленными цитатами из Маймонида. См.: [Klier 1995: 425].

использовать имя великого философа в собственных целях. Грудинский поясняет, что на первой странице упомянутой рукописи, якобы находившейся в его распоряжении, имелись портрет Рамбама, изображения двух христианских мальчиков, деревянной бочки и набора инструментов, с помощью которых евреи истязают и умерщвляют христианских младенцев. В еврейских общинах якобы полагалось хранить экземпляр этой назидательной брошюры — в виде свернутого свитка, помещенного в деревянную шкатулку в синагоге. Деревянная бочка с восьмью железными гвоздями помещалась под биму (кафедру) синагоги, а инструменты для пытки — железная корона, две железных лохани, нож для обрезания и резец — хранились либо в синагоге, либо в школе.

Согласно Грудинскому, Рамбам учил евреев полнейшей секретности. Если кто-то заподозрит их в принесении кровавой жертвы, они должны сделать все, чтобы истина не вышла на свет. А если их застанут на месте преступления, евреи должны хранить все обряды и ритуалы, связанные с умерщвлением детей-христиан, в глубочайшей тайне [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 373–381]. Далее Грудинский говорит, что каждый год перед празднованием Пасхи ровно четверо глав еврейской общины были обязаны совершить похищение детей-христиан. Правление еврейской общины осуществляло свою власть над еврейскими религиозными институтами через широкую сеть братств. Именно с этой целью оно разрабатывало тайные церемонии и распространяло фанатизм — чтобы осуществлять внутренний контроль над членами общины¹⁰⁶.

Грудинский утверждал, что рукопись Рамбама спрятана в древней синагоге, в какой именно — он не помнит. Петербургские чиновники, уверившись, что иудаизм полон самых черных тайн, отдали главам губерний распоряжение обследовать все еврейские дома в поисках религиозных трактатов, которые поспособствовали бы изобличению фанатических верований и практик. Осенью 1827-го и зимой 1828 года, в разгар паники, Департамент духовных дел иностранных исповеданий отдал губернаторам распоряжение обыскать дома раввинов с целью обнаружения древних еврейских текстов, которые предписывали бы использование христианской крови для религиозных обрядов [Wodzinski 2010: 281; Khiterer 2008: 84–85]. Неясно, сколько еврейских общин подверглось обыску и сколько книг было в итоге конфисковано. Известно, однако, что тайные досье были доставлены следователям в Велиж, а для перевода избранных выдержек из книг и брошюр были призваны католические священники. Грудинский

¹⁰⁶ Фантазии Грудинского предвосхищают теории заговора Якова Брафмана, автора скандальной «Книги кагала», а также ряда других публицистов, журналистов и писателей, обращавшихся к этой теме во второй половине XIX века. Взвешенное прочтение Брафмана см. в: [Klier 1995: 262–283].

весьма тщательно перевел древний манускрипт, созданный, по его словам, великим философом. Однако очень скоро некий специалист по языкам, выкрест из Мстиславля, объявил перевод Грудинского «искаженным». После особенно пристрастного допроса Грудинский в конце концов сознался, что выдумал всю эту историю от начала и до конца [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 8. Л. 6074–6077; Ч. 21. Л. 405–411].

К тому моменту, когда жандармы начали обыски в еврейских домах с целью обнаружения религиозных текстов, рамки расследования уже расширились дальше некуда. Хованский был уверен, что дознаватели собрали достаточно доказательств, чтобы обвинить евреев в преступлении, во многом напоминавшем другие зловещие эпизоды в длинном ряду исторических событий. 13 октября 1829 года Хованский доложил государственному советнику А. И. Чернышеву, что в его распоряжении находится целый ряд исторических и прочих документов, из которых следует, что евреи часто побуждают своих единоверцев, прикрываясь религиозным законом, скрывать правду, давать ложные показания и нарушать присягу [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 20. Л. 281об]. Медицинское освидетельствование тела, подтвержденное показаниями ряда свидетелей, однозначно указывало, что речь идет не об обычном преступлении, а о том, что генерал-губернатор называл жестокими и необычайными формами надругательств. По его мнению, оставалось одно: систематизировать документы в единое досье и переслать их вместе с вещественными доказательствами в Петербург [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 20. Л. 282–284об. Л. 304об; Гавриил 2005; Святой мученик 2009]¹⁰⁷.

Реформы законодательства, проведенные Петром I, внесли значительные изменения в систему юридической отчетности. Важной частью бюрократического процесса стало создание аккуратного досье. Российское правительство даже выпустило формуляр, где описывалось, как надлежит собирать документацию и подписи. Создание строгого отчета играло важную роль в подготовке дел к уголовному судопроизводству. Писарям вменялось в обязанность вносить в особую тетрадь все сказанное по ходу допросов. Все письма, прошения, записки, копии и вещественные доказательства нужно было вносить в реестр и сохранять [Kollman 2012: 54–58, 186–187]¹⁰⁸. Законы империи требовали не только соблюдения этики и порядка, но и следования бюрократическим идеалам формы и процедуры: все административные документы должны были быть составлены, оформлены и сданы на хранение по единому шаблону [Kollmann 2012: 183–191; Lincoln 1982: 1–40]. В октябре 1829 года Хованский пообещал петербургскому начальству, что бумажная работа

¹⁰⁷ О генеалогии ритуального убийства см.: [Hsia 1992: 92–94].

¹⁰⁸ Содержательный анализ документов см. в: [Kafka 2012].

будет завершена за четыре месяца. Когда этот срок прошел, генерал-губернатор отправил несколько напоминаний в раздраженном тоне — он требовал от Шкурина, чтобы тот по мере возможности ускорил работу и довел дело до давно ожидаемого завершения [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 20. Л. 280об].

Проблема состояла еще и в том, что большую часть ноября члены комиссии провели в Витебске, расследуя вновь открывшиеся обстоятельства. Усугубило ситуацию и то, что В. И. Страхов — человек, положивший столько труда на создание неопровержимого обвинительного досье на евреев — тяжело заболел. Первые признаки нездоровья проявились у него 29 сентября 1829 года, и в течение следующего месяца чиновник по особым поручениям почти не вставал с постели. К концу октября он несколько оправился и смог вернуться к исполнению своих обязанностей, по большей части заключавшихся в приведении в порядок документации, а также в запоздалых допросах и очных ставках. Конец расследования явно был близок, и Страхов трудился на износ, чтобы закончить работу, начатую столь давно, однако вскоре недуг его вернулся. 19 февраля 1830 года Шкурин доложил генерал-губернатору, что коллежский советник не в состоянии встать с постели. 12 мая врачи заявили, что Страхов проживет лишь несколько дней, и ровно через трое суток, в 10.30 утра, он скончался — врач обозначил причину как «воспаление и нагноение мозга» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 8. Л. 6515–6515об, 6533, 6978, 7034, 7039–7040].

Той весной пятеро писцов трудились круглосуточно, чтобы привести документацию в порядок и в полное согласие с требованиями законодательства. В стремлении своевременно завершить расследование Хованский охотно и без промедления отправлял в Велиж самых расторопных своих сотрудников. Он писал, что если пятеро писцов не справятся с работой, то комиссии нужно сделать лишь одно: попросить о дополнительной помощи. 16 мая генерал-губернатор объявил, что расследование завершено и у членов комиссии нет никаких причин оставаться в Велиже. Оставалось только пронумеровать папки, скрепить листы и наклеить ярлыки на документы [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 8. Л. 6988–6989об, 7042–7045об].

Как выяснилось, чисто формальные процедуры — составление описей и подбор документов — оказались работой крайне сложной и трудоемкой. Писцы трудились все лето, и только 27 августа 1830 года документы по делу были переправлены в Витебск. Как того требовал закон, оригиналы были оставлены в канцелярии генерал-губернатора на хранение, а точная копия отправлена в Петербург для официального рассмотрения. Хованский потребовал, чтобы личные вещи подсудимых, купленные на

государственные деньги, были переписаны и переданы в магистрат. Но главное — обвиняемым евреям предстояло оставаться в Велиже под стражей, пока Сенат не примет решения, обвинительниц же решено было перевести в Смоленск. Караван из 26 лошадей совершил эпическое странствие из Велижа в губернский город Витебск. В телегах везли десятки опечатанных ящиков с тысячами страниц документации: официальные донесения, протоколы допросов, показания, результаты судебно-медицинской экспертизы, протоколы очных ставок, докладные записки, описи, карты, переводы иностранных книг, ножи и множество прошений, жалоб и писем [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 8. Л. 7086–7088].

Помимо убийства Федора, евреям было предъявлено обвинение в убийстве поговору еще девятерых человек: двух мальчиков, дворянки Дворжецкой, двух девочек и четверых крестьянских детей, а также осквернение церковной утвари. Кроме того — хотя это обвинение было далеко не столь серьезным, как обвинение в ритуальном убийстве — было установлено, что евреи принудили обвинительниц к смене веры. Это тоже считалось уголовным преступлением и каралось по закону. На протяжении многих веков главы церквей крайне болезненно относились к отложению от христианства. В соответствии с российским уголовным кодексом, лица, отрекшиеся от православной веры, считались вероотступниками или еретиками, подлежали за это наказанию и приговаривались к сибирской каторге на срок от восьми до десяти лет [Avrutin 2006: 93–95]¹⁰⁹.

Документы по Велижскому делу были рассмотрены Вторым отделением Пятого департамента Сената. В число сенаторов входили важные сановники, армейские офицеры и целый ряд генералов — все они назначались царем. В первой половине XIX века Пятый департамент рассматривал множество дел, связанных с крестьянскими бунтами, бегством крепостных, дезертирством и уклонением от воинской повинности, контрабандой, святотатством и богохульством, отклонениями от религиозных норм, подделками и подлогами, производством запрещенных товаров, кражами и убийствами. Сенат имел право принуждать коллегии, губернаторов и генерал-губернаторов приводить его решения в исполнение. Притом что он являлся высшей апелляционной инстанцией, законодательно Сенат был подчинен царю. Сенат мог дать рекомендацию принять, отменить или изменить тот или иной закон, однако окончательное решение всегда оставалось за государем [LeDonne 1991: 88–89, 109–112; Wortman 1976: 54–69].

Сенат довольно быстро отклонил большинство обвинений за недостатком убедительных доказательств. Суду понадобилось больше времени, чтобы решить, убили ли Федора евреи в силу своих предрассудков и суеверий. В качестве отдельного, но

¹⁰⁹ В сопоставительном аспекте см. в: [Werth 2014: 83–85].

связанного вопроса рассматривалось, действовала ли внутри еврейской общины тайная секта детоубийц — или, иными словами, являлось ли ритуальное убийство фактом еврейской религиозной жизни. Хотя основные подозреваемые в убийстве не сознались, в распоряжении суда оказалось множество фактов, подтверждающих обвинение: вещественные и медицинские доказательства, признания и частичные признания Фратки Девирц, Ицко Нахимовского и Ноты Прудкова, показания Терентьевой, Козловской и Максимовой. Суд особо отметил несколько чрезвычайно важных деталей: что небольшая группа евреев тайно собиралась по ночам в домах у Шмерки и Носона Берлиных, что перед домом Шмерки как раз тогда, когда пропал мальчик, стоял дозорный-еврей, что настроение и психологическое состояние евреев сильно менялись по ходу допросов и что подавляющее большинство христиан, проживавших в городе, не испытывали сомнений по поводу виновности евреев [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 386–387].

Некоторые улики выглядели неоднозначными, неубедительными или не относящимися к делу, однако в совокупности производили сильное впечатление. Сенаторы И. Ф. Саврасов и К. Г. Михайловский были убеждены, что евреи убили Федора ради проведения ритуала. У них не было ни малейшего сомнения, что заговором руководила некая особая еврейская секта. 1 декабря 1831 года Саврасов и Михайловский рекомендовали следующее наказание виновных:

— Хотя Марья Терентьева, Авдотья Максимова и Прасковья Козловская сыграли в убийстве ключевую роль и отреклись от христианской веры, они добровольно признались в своих преступлениях и назвали всех остальных участников. В этой связи наказание сводится к высылке в Сибирь на поселение, где они должны будут провести остаток жизни в покаянии.

— Анне Еремеевой надлежит провести остаток жизни в покаянии.

— Ханна и Евзик Цетлины, Слава, Гирш, Носон и Ривка Берлины, Руман Нахимовский, Иосель Мирлас, Иосель Гликман, Фейга Вульфсонова, Орлик и Фратка Девирцы и Нота Прудков лишаются гражданских свобод и высылаются в Сибирь на каторгу. Мужчинам также выдать по двадцать ударов кнутом и заклеить как преступников; женщинам — пятнадцать ударов.

— Меир Берлин, Шмерка и Бася Аронсоны и Ицко Вульфсон лишаются гражданских свобод и высылаются в Сибирь на поселение. Мужчинам также выдать по двадцать пять ударов плетью, женщинам — по двадцать.

— Рохля Фейтельсон, Бася Черномордик, Лейзер Зарецкий, Ицко Беляев и Абрам Кисин лишаются гражданских свобод и высылаются в Сибирь на поселение.

— Зелик Брусованский, Хаим Хрупин, Янкель и Эстер Черномордики, Блюм Нафанов, Малка Барадудина, Рохля Ливенсонова, Риса Мельникова, Абрам Грушков, Иосель Турновский, Ицко Нахимовский и Абрам Кацон лишаются гражданских свобод и высылаются в Сибирь на поселение.

— Все остальные подлежат освобождению за отсутствием доказательств вины [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 390–391].

Кнут — свитая из жестких сыромятных ремешков короткая и тонкая к концу веревка, навязанная на кнутовище — считался в России самым суровым инструментом телесных наказаний. По тогдашним меркам от пятнадцати до двадцати ударов кнутом не считалось особенно строгим приговором. Тем не менее бичевание было крайне символичным публичным зрелищем, которое традиционно проходило на городской площади. Кнутом наказывали только за самые серьезные преступления, и только людей из простонародья. Палач оголял приговоренного до пояса, привязывал за руки и за ноги кожаными ремешками к железным кольцам на столбах и бил по спине; удары были такой силы, что каждый сдирал кожу¹¹⁰.

Ссылка также широко использовалась как вид наказания. Путь в Томск, Уфу и другие сибирские города был крайне тяжел, до места добиралось менее трех четвертей всех изгнанников; на поселении они жили в военных крепостях, постоянно недоедая и бедствуя [Kollmann 2012: 248; Gentes 2008: 150]. Сенатор А. Н. Хованский был убежден, что в ссылке евреи не станут более совершать подобных еретических действий, однако кнут и плеть он не считал подходящим способом наказания. Что до вопроса, действовала ли в еврейской общине секта детоубийц, заняться этим он порекомендовал Департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий. Сенатор полагал, что если будет установлено реальное существование секты, то правительству необходимо будет создать специальные заведения, где смогут собираться все евреи, вне зависимости от различий в вере. Сенатор Хованский считал, что публичные религиозные собрания надлежит проводить только в оговоренное время, в школах или синагогах, и непременно под надзором местных городских или пользующихся авторитетом еврейских старейшин. Помимо прочего, в таком случае у евреев не будет возможности совершать злокозненные ритуальные убийства. Если евреи будут пойманы на том, что собираются в школах или частных домах по ночам или в иное неположенное время, их, по мнению сенатора, надлежало незамедлительно отправлять в ссылку [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 391–392].

Сенатор В. И. Гечевич не сомневался в том, что евреи в принципе совершают ритуальные убийства, волновал его лишь один насущный вопрос: можно ли доказать факт данного преступления по закону. Он подчеркивал, что никто из ключевых свидетелей из

¹¹⁰ Этот абзац основан на: [Schrader 1997: 613–614].

числа евреев не сознался в преступлении, а три главных обвинительницы нарушили закон, отказавшись от христианской веры. Более того, допросы и очные ставки выявили ряд непримиримых противоречий: например, он не считает, что комиссия собрала достаточно доказательств, чтобы вынести евреям обвинительный приговор. По этим причинам Гечевич не верил в их виновность и предлагал вместо приговора поместить их под строгий надзор, особенно в ритуально значимые даты календаря, когда подозрительные действия могут дать почву для более веских обвинений [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 25. Л. 393–394].

Если Сенату не удавалось достичь согласия, уголовное дело по закону передавалось в Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. Совет, стоявший между царем и Сенатом, рассматривал дела, которые не регулировались существующим законом или требовали текстуальной интерпретации¹¹¹. В 1834 году состоялось пять заседаний (23, 25, 30 мая, 6 июня и 19 октября), на которых обсуждалось, смогла ли следственная комиссия собрать достаточно убедительных доказательств того, что в смерти мальчика повинны еврей-детоубийцы. По поручению Государственного совета с делом ознакомился адмирал граф Н. С. Мордвинов. Мордвинов, отпрыск видного дворянского рода, провел ранние годы жизни в Англии. Там он служил на гражданских и военно-морских судах, много путешествовал по Франции, Германии и Португалии. После возвращения в Россию он вращался в высших кругах петербургской аристократии. Его карьера — это череда стремительных взлетов, скандалов и интриг [Rerczuk 1962: 4]. Александр I назначил Мордвинова вице-председателем Адмиралтейской коллегии, он участвовал в реорганизации Сената, неуклонно придерживался принципов экономического либерализма и истово защищал право собственности¹¹².

В июле 1821 года Александр I назначил Мордвинова на пост председателя Департамента гражданских и духовных дел — должность, которую он занимал до ухода в отставку в 1838 году. Это назначение — по сути являвшееся шагом вниз по карьерной лестнице, в расплату за затянувшиеся распри с министром финансов — дало Мордвинову возможность высказать свои взгляды по целому ряду вопросов, связанных с законностью и правами человека. Вдохновляясь идеями классиков реформирования пенитенциарной системы Чезаре Беккариа и Джереми Бентама, Мордвинов высказывался за осторожное

¹¹¹ Государственный совет, созданный 1 января 1810 года, стоял над правительством в качестве законодательного органа, а также, в определенных случаях (таких как Велижское дело), и над Верховным судом. См.: [Yaney 1973: 194–195].

¹¹² О Мордвинове и дебатах по поводу собственности см.: [Pravilova 2014: 21–22, 39–40].

отношение к доказательствам и за отмену неоправданно суровых наказаний¹¹³. По ходу рассмотрения дел в Государственном совете он не раз ставил под сомнение доказательства, представленные тайными следственными комиссиями как безусловно истинные. Он возражал против того, чтобы держать человека под подозрением, если суд не в состоянии быстро прийти к заключению касательно его виновности. Он считал, что смысл закона — в защите невиновных, а не в наказании виновных [Rerczuk 1962: 32]. Пытка как зрелище и как инструмент являются чрезмерно жестокой формой наказания. Он писал, что

...кнут есть мучительное орудие, которое раздирает человеческое тело, отрывает мясо от костей, месит по воздуху кровавые брызги и потоками крови обливает тело человека; мучение лютейшее всех других известных, ибо все другие, сколь бы болезненны они ни были, всегда менее бывают продолжительны, тогда как для 20 ударов кнутом потребен целый час и когда известно, что при многочислии ударов мучение несчастного преступника, иногда невинного, продолжается от восходящего до заходящего солнца [Schrader 1997: 631–632].

Основываясь на идеях Беккариа, Мордвинов утверждал, что важнейшей жизненной необходимостью является точность установления вины. Перед судьей стоит единственная задача, а именно: пользоваться здравым смыслом при оценке фактов. Просматривая многотомное досье, пожилой сановник быстро понял, что Велижское дело — это не обычное оккультное преступление. Оно связано с вечным вопросом, действительно ли евреи приносят в жертву детей-христиан ради проведения кровавого обряда. В пространной записке, посвященной Велижскому делу, Мордвинов отмечает, что духовные и светские власти на протяжении веков рассматривали этот вопрос и всегда приходили к одному и тому же выводу. В XIII веке папа Иннокентий IV издавал буллы, где проклинал кровавые наветы. Три века спустя польские правители высказывались в том же духе по нескольким различным поводам. В XVIII веке, после долгого расследования ритуальных преступлений в Польше, Ватикан назвал обвинения против евреев беспочвенными. Совсем недавно, в 1817 году, российское правительство требовало от губернских чиновников строго придерживаться обоснованных документальных доказательств при рассмотрении дел, признанных ритуальными убийствами [Мордвинов 1903: 120–122].

На взгляд обычного человека комиссия собрала против евреев достаточно материалов, основанных на обширной доказательной базе [Wortman 1976: 60; Lincoln

¹¹³ О значении Беккариа и других классиков-реформаторов для российского юридического мышления см. напр.: [Cizova 1962; Зарудный 1879].

1982: 12]. Мордвинов, однако, принадлежал к крайне узкому кругу представителей государственной машины, состоявшему из людей образованных, ратующих за точность в исполнении законов и требующих, чтобы все официальные поручения выполнялись быстро и четко [Rerczuk 1962: 21; Lincoln 1982: 1–40]. Отказавшись от архаичных представлений в пользу науки и цивилизации, он был полностью нетерпим, как в личной, так и в профессиональной жизни, ко всему, что имело душок мистицизма или иррациональности. Мордвинов утверждал, что генерал-губернатор Хованский пренебрег многими юридическими возможностями и сделал все, чтобы доказать, будто евреи, пролившие кровь Христа — враги христианства. Более того, сановнику было непонятно, как в его эпоху кровавый навет может пройти по всем инстанциям судопроизводства до высшего суда империи. Понимая, что более сорока евреев находятся под арестом и еще очень многие ощущают давление дознавателей на их общину, председатель Департамента гражданских и духовных дел не видел иного выбора, кроме как полностью погрузиться во все перипетии этого дела [Мордвинов 1903: 125].

Согласно существовавшей схеме расследования, дабы вынести подозреваемому приговор, требовалось доказать две вещи: наличие состава преступления и то, что обвиняемый действительно является виновным. В николаевской России, как и во всей континентальной Европе, большое влияние на вынесение решения оказывали результаты судебно-медицинской экспертизы. Хотя заключения врачей не всегда являлись для судьи определяющими, все же показания экспертов могли повлиять на его решение, а зачастую и влияли. Чтобы выдвинуть убедительное обвинение против евреев, следователи должны были представить неоспоримые доказательства: полное и чистосердечное признание обвиняемых и медицинское заключение, которое однозначно подтверждало бы факт совершения преступления. В случаях, когда речь шла об убийстве, в том числе и ритуальном, заключение врача играло особенно важную роль, важнее считалось только чистосердечное признание [Becker 2011: 31–33].

Первым делом Мордвинов поставил под сомнение истинность признаний. У Терентьевой и Максимовой была масса возможностей разъяснить важнейшие обстоятельства дела, однако, по мнению Мордвинова, в их показаниях наблюдалось слишком много пробелов, противоречий и неточностей. Например, они не могли вспомнить — или вспоминали по-разному — где произошло убийство, где именно было захоронено тело мальчика. Сперва они обвиняли в убийстве одного еврея, потом передумали и выдвинули обвинение против всей еврейской общины. Как возможно, вопрошал Мордвинов, чтобы после целого года допросов обе женщины помнили столько

мельчайших деталей преступления — тем более что в момент его совершения они якобы находились в состоянии опьянения? И почему никто из евреев, за исключением Фратки Девирц и Ноты Прудкова (принадлежавших к числу наиболее сомнительных подозреваемых), не сознался в совершении преступления? Для Мордвинова одно из наиболее настораживающих обстоятельств дела состояло в том, что большинство евреев продолжало отрицать свою причастность к убийству по сговору, настаивая, даже в самых тяжелых обстоятельствах, на том, что еврейская вера однозначно запрещает вкушение человеческой крови [Мордвинов 1903: 131].

В медицинском свидетельстве сказано:	Доказательницы показали:
1. Во многих местах тела кожа от крепкого трения, так сказать, сгорела, желта или красна, и затвердела, как обыкновенно бывает, когда слишком долго и крепко трут тело	1. Солдатский сын нагой был качаем в бочке и вынут из оной весь красный, как обожженный
2. На руках, на ноге сзади, на спине, на голове на самом темени и за ухом маленькие ранки, круглые, глубиною не более полудюйма, подобно как крупною дробью прострелено	2. Кололи его острым железом со всех сторон и в голову, поворачивая с боку на бок и вверх спиной; а по обмытии остались на теле раночки маленькие, величиною в горох
3. На обеих ногах, ниже колена, шириною на четверть, кожа отличалась от прочей темным, почти черным цветом, так, что легко можно было заметить, что тут находилась сильная перевязка, через которую остановлена была циркуляция	3. Прежде нежели начинали колоть, перетянули ему от колен к ступне ремнями каждую ногу, а потом обе связали вместе
4. Губы крепко к зубам, а нос ко рту придавлены, на затылке шеи темно-багровый синяк, кровью натекший, доказывает сильную перевязку, переходившую кругом шеи	4. Когда надобно было нести сего мальчика в еврейскую школу, то чтобы дорогою он не закричал, завязали ему рот платком. [Нос весьма легко мог быть придавлен во время долгого качания его в бочке]
5. Внутренности младенца, желудок и кишки были совершенно пусты и надуты только воздухом	5. Во время сокрытия мальчика в доме еврейки Цетлиновой не видно было, чтобы он хотя однажды был кормлен

Источник: [РГИА. Ф. 1345. Оп. 235. Д. 65. Ч. 20. Л. 305–305об].

В иерархии официальных доказательств, рассматриваемых в ходе дознания, медицинское освидетельствование имело привилегированный статус безусловного доказательства, «в том случае если, будучи проведено на законных основаниях, оно содержит явное и положительное суждение по поводу рассматриваемого предмета и не противоречит установленным обстоятельствам дела»¹¹⁴. Мордвинов отметил, что между медицинским заключением и показаниями трех основных обвинительниц присутствует три принципиальных расхождения. Во-первых, женщины утверждали, что тело мальчика легко и без труда пронзали железным гвоздем, однако в медицинском заключении говорится, что все четырнадцать ран, имевшихся на теле, были нанесены тупым инструментом, что требовало бы времени и усилий. Во-вторых, обвинительницы утверждали, что свыше сорока человек по очереди наносили мальчику уколы, однако врач установил, что мелких ран на теле было не более четырнадцати. И наконец, они утверждали, что после обмывания тело полностью побелело, тогда как в медицинском заключении сказано, что тело было темно-желтого или красного цвета, как будто его растирали жесткой тканью или щеткой [Мордвинов 1903: 133–134].

В деле имелись и другие непроясненные обстоятельства. Основным было время совершения убийства. Если бы ребенку плотно завязали рот и нос, как утверждала Терентьева, он не смог бы долго дышать и его бы уж точно не было в живых на тот момент, когда полиция обыскивала дом Аронсон 4 мая. Помимо прочего, Мордвинов не мог понять, как можно было выцедить из маленького тела столько крови (более трех полных бутылок). Но даже если из вен мальчика и могло вытечь столько крови, совершенно невозможно, чтобы за год с лишним она не испортилась, тем более в летние месяцы, когда ее якобы развезли в Витебск, Лиозно и другие соседние местечки. Комиссия по дознанию обязана была давать правдивое объяснение событиям и защищать невиновных от клеветы, однако дознаватели, по мнению Мордвинова, намеренно пренебрегли важнейшими фактами и показаниями. С точки зрения Мордвинова, самым нестерпимым в этом деле являлось то, что десятки невинных людей провели столько времени под арестом на сомнительных основаниях [Мордвинов 1903: 134–136].

И вот 18 января 1835 года, почти через двенадцать лет после того, как в заболоченной рожице под Велижем было обнаружено тело маленького Федора, самое длинное расследование ритуального убийства в современной истории наконец-то завершилось. Да, николаевский режим изо всех сил стремился искоренить религиозный фанатизм и отступления от истинной веры, однако действовал он при этом в духе

¹¹⁴ Цит. по: [Becker 2011: 33].

рационалистической законности. В итоге Мордвинов не обнаружил состава преступления и не нашел убедительных доказательств, которые связывали бы евреев с ритуальным убийством. Самые громкие показания — слова Терентьевой, Максимовой и Козловской — не выдержали тщательного юридического анализа. Более того, хотя по правилам ведения следствия медицинское заключение играло в юридической процедуре решающую роль, Мордвинов не нашел в нем ничего, что связывало бы евреев с убийством по сговору. Тщательно рассмотрев все свидетельства, он порекомендовал правительству снять обвинения в ритуальном убийстве, открыть все опечатанные синагоги и школы и освободить велижских евреев от любых судов и дознаний в будущем. За необоснованную клевету против евреев три главных обвинительницы приговаривались к сибирской ссылке, а Анна Еремеева передавалась в руки священника для покаяния за то, что прикидывалась гадалкой [Велижское дело 1988: 113¹¹⁵].

¹¹⁵ Мнение Государственного Совета.

Эпилог

Внимательно ознакомившись со всеми обстоятельствами дела, Николай I согласился с Государственным советом, что выдвинутые против евреев Велижа обвинения невозможно доказать в суде. «По неясности законных доводов, — пишет он, — другого решения последовать не может». Впрочем, притом что имелись весомые доказательства, опровергавшие виновность евреев, Николай поостерегся назвать обвинение полностью безосновательным. «Внутреннего убеждения, что убийство евреями произведено не было, не имею и иметь не могу», — пишет он. Многократные примеры из разных стран и эпох якобы свидетельствовали о том, что среди евреев, скорее всего, существуют фанатики, считающие, что для проведения их обрядов необходима кровь христиан. По мнению царя, евреи в той же мере способны на ритуальное умерщвление ребенка, в какой и скопцы, самая презираемая из всех христианских сект, — на ритуальную кастрацию. Николай дает понять, что этот обычай не имеет распространения среди всех евреев, однако не отрицает возможности того, что он все-таки существует, ибо «к несчастью и среди нас, христиан, существуют иногда такие секты, которые не менее ужасны и непонятны». Это мнение, оставлявшее открытой возможность ритуальной подоплеки, бросило длинную тень на все последующие кровавые наветы в Российской империи [Справка 1912: 173–174; Велижское дело 1988: 113; Dubnow 1916–1920, 2: 83].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Евреи, находившиеся под следствием в городе Велиже

Имя	Приблизительный возраст	Дата ареста
Слава Берлина	52	8 апреля 1826 года
Ханна Цетлина	47	8 апреля 1826 года
Ицко Нахимовский	32	15 апреля 1826 года
Абрам Глушков	30	15 апреля 1826 года
Иосель Турновский	64	15 апреля 1826 года
Шмерка Берлин	за 50	20 июня 1826 года
Евзик Цетлин	49	20 июня 1826 года
Гирш Берлин	28	28 февраля 1827 года
Орлик Девирц	53	28 февраля 1827 года
Янкель-Гирш Аронсон	19	28 февраля 1827 года
Иосель-Занвель Мирлас	50	28 июня 1827 года
Шмерка Аронсон	48	11 июля 1827 года
Бася Аронсон	37	11 июля 1827 года
Носон Берлин	38	11 июля 1827 года
Меир Берлин	46	11 июля 1827 года
Фратка Девирц	46	11 июля 1827 года
Руман Нахимовский	46	11 июля 1827 года
Рохля Фейцельсонова	43	9 ноября 1827 года
Рохля Левенсон	37	9 ноября 1827 года
Янкель Черномордик	59	11 ноября 1827 года
Эстер Черномордик	57	11 ноября 1827 года
Абрам Кацон	52	17 ноября 1827 года
Абрам Кисин	35	29 ноября 1827 года
Риса Мельникова	45	30 ноября 1827 года
Хася Шубинская	36	22 декабря 1827 года
Хаим Хрупин	39	22 декабря 1827 года
Лея Руднякова	36	23 декабря 1827 года
Ицко Вульфсон	34	5 января 1828 года
Иосель Гликман	56	5 января 1828 года
Ривка Берлина	74	6 января 1828 года
Генемикля Янкелева	19	6 января 1828 года
Ицко Цетлин	19	7 января 1828 года
Блюма Нафонова	37	9 января 1828 года
Зуся Рудняков	31	17 января 1828 года
Хайка Черномордик	30	27 января 1828 года
Малка Барадудина	61	3 февраля 1828 года
Лейзарь Зарецкий	57	4 февраля 1828 года
Нота Прудков	36	4 февраля 1828 года
Фейга Вульфсон	34	9 марта 1828 года
Мовша Беленицкий	35	9 августа 1828 года
Нохон Переплетчиков	54	7 ноября 1828 года
Зелик Брусованский	57	9 ноября 1828 года